Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (15)

Сыктывкар 2015

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2015. № 1 (15).

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Е.Н. Рожкин (Сыктывкар), Т.С. Садыков (Астана), В.А. Семенов (Сыктывкар), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике», «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)», «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН,
журнал «Историческая демография».
Тел. (8212)245564 (гл. редактор), факс (8212)245564
E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova11@rambler.ru (отв. секретарь, рук. редакционно-издательской группы).

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Сакало А.Е. (Полтава, Украина). Типология и структура семей сельского духовенства Лубенского полка во второй половине XVIII века ……...4

Вишнякова Д.В. (Сыктывкар). Брачная структура населения города Усть-Сысольска (по материалам переписи 1897 года) ……8

Баранов А.В. (Краснодар). Дискуссионные вопросы этнодемографического развития сообществ Юга России в 1920-х годах ……...12

Вавулинская Л.И. (Петрозаводск). Забота государства о материнстве и детстве в 1944−1950 годах (на материалах Карело-Финской ССР) ……16

Милохин Д.В. (Сыктывкар). Трудовые ресурсы коми колхозной деревни в 1940−1950-е годы ……...20

Дашинамжилов О.Б. (Новосибирск). Историко-демографическое исследование развития больших городов Западной Сибири в 1959–1989 годах ……26

Безносова Н.П. (Сыктывкар). Образовательный уровень и трудовая занятость женщин в отдельных отраслях народного хозяйства Коми АССР в 1970–1980-е годы ……30

Барашкова А.С. (Якутск). Эволюция брачности якутов (конец XIX – начало XXI века) ……33

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ. МЕТОДОЛОГИЯ

Дадуев М.А., Нунуев С.-Х.М. (Грозный). Реабилитация репрессированных народов как направление государственной политики Российской Федерации на Северном Кавказе ……..38

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Материалы о народонаселении Лузы и Летки XVII − начала XVIII века ……43

Дозорная книга Сольвычегодского уезда 1620 года (фрагмент) ……...46

Переписная книга Сольвычегодского уезда 1647 года (фрагмент) ……...56

Переписная книга Хлыновского уезда 1710 года (фрагмент) ……63

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Власова В.В. (Сыктывкар). Ю.В. Аргудяева, А.А. Хисамутдинов Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013. 428 с. ……65

Жеребцов И.Л., Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Журнал «Историческая демография» в 2008−2014 гг. (обзор) ……..67

Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). Научный форум историков ……...71

Жеребцов И.Л., Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Историко-демографическим научным форумам в Сыктывкаре – 10 лет ……...73

Содержание журнала «Историческая демография» за 2014 год ……...76

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография» ……78

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 314.37: 31– 35 (1–22) (477.53) "17"

*А.Е. Сакало**

Типология и структура семей сельского духовенства Лубенского полка во второй половине XVIII века

В статье на основе статистических данных исповедных ведомостей пятнадцати украинских сел Лубенского полка за период с 1758 по 1782 г. анализируются типология и структура домохозяйств сельского духовенства Гетманщины второй половины XVIII в.
Ключевые слова: *священник, дьякон, пономарь, псаломщик, исповедная ведомость, домохозяйство, поколение.*

A.E. Sakalo

Typology and structure of rural clergy's families of the Lubenskyi regiment of the second half of 18th century

In the article on the basis of statistical data of fifteen Ukrainian village's of the Lubenskyi regiment confession registers from 1758 to 1782 years the typology and structure of Left-bank Ukraine of rural clergy's households of the second half of 18th century is analyzed.
Key words: *priest, deacon, (psalm-)reader, sexton, confession register, household, generation.*

Одной из важных составляющих историко-демографических исследований является изучение структуры и типологии семейных домохозяйств разных исторических эпох. Опираясь на данные статистических источников как светского, так и церковного происхождения (описей, ревизий, метрик, церковно-приходских книг, исповедных ведомостей и т.д.), исследователь имеет возможность определить населенность домовых сообществ, а также проанализировать их структуру, поколенный состав, типологию. В данной статье мы сосредоточим свое внимание на обозначенных выше аспектах – структуре, поколенном составе и типологии семей одной из основных социальных групп населения Гетманщины XVIII в. – сельского духовенства.

Для выполнения поставленной цели нами были проанализированы исповедные ведомости 15 украинских сел Лубенского полка за период с 1758 по 1782 г. Всего было изучено 81 домохозяйство представителей сельского духовенства.

Сразу акцентируем внимание на том, что, согласно устоявшейся точке зрения, понятия «домохозяйство» («двор», «домовое сообщество») и «семья» используются нами как тождественные [1]. Также подчеркнем, что для типологизации домохозяйств мы использовали наиболее распространенную в современной исторической демографии классификацию семейных домохозяйств британского историка-демографа П. Ласлетта [2]. Безусловным плюсом использования этой классификации является возможность дальнейшего сравнения собственных результатов с данными аналогичных исследований ученых из разных регионов мира.

Начнем с анализа поколенного состава домохозяйств. Рассмотрение данной характеристики имеет важное значение и напрямую связано со структурой и типологией семьи, поскольку, как правило, чем меньше

* **Сакало Александр Евгеньевич** (Полтава, Украина) – кандидат исторических наук, доцент кафедры политэкономии Полтавского национального педагогического университета им. В.Г. Короленко, alex-s79@mail.ru.

поколений входит в состав того или иного домохозяйства, тем более простая его структура и большая вероятность его принадлежности к семьям нуклеарного (простого) типа. И, наоборот, многопоколенные домохозяйства в большинстве случаев имеют сложную структуру и относятся к семьям мультифокального типа. Соответствует ли действительности данное утверждение в нашем случае?

Так, например, в селе Митченки Пирятинской первой сотни, согласно данным за 1758 г., из двух семей духовенства одна – священника Михаила Васильева – была двухпоколенной, другая – пономаря Ивана Афанасьева, состояла из представителей трех поколений [3]. В 1770 г. домохозяйство Михаила Васильева, которое на тот момент осталось единственной семьей духовенства в селе, преобразовалось в трехпоколенное, поскольку у одного из сыновей – Никиты – родилась дочь Агафья [4]. По состоянию на 1782 г. главой данного домохозяйства стал Леонтий Михайловский, и оно снова стало двухпоколенным [5]. Таким образом, на протяжении исследуемого периода духовенство Митченок было поровну представлено как двух-, так и трехпоколенными семьями.

Оба домохозяйства священников села Савинцы – Андрея и Григория Михайловых – по состоянию на 1758 г. были двухпоколенными [6]. В 1770 г., вместе с возрастанием числа семей данной категории до трех, усложняется и их семейная структура. Так, домохозяйства иерея Ивана Яковлева и пономаря Давида Грабовича были трехпоколенными, а семья дьякона Демьяна Семенова объединяла представителей двух поколений [7]. В 1782 г. семьи духовенства, а их число снова уменьшилось до двух, были трехпоколенными [8]. Констатируем, что в четырех случаях из семи домохозяйства духовенства Савинцев были трехпоколенными.

В селе Грабаровка, где, по данным 1758 г., проживало целых пять семей духовенства, четыре состояли из двух поколений и только одна – семья пономаря Иосифа Кондратьева – была трехпоколенной [9]. К 1768 г. количество домовых сообществ уменьшилось до трех, из которых одно было двухпоколенным, а два – трехпоколенными [10]. По состоянию на 1778 г. осталось две семьи – священника Лукьяна Федорова и вдовы попадьи Евдохи, которые объединяли представителей трех поколений [11]. Как видим, в Грабаровке, так же как и в Митченках, число двух- и трехпоколенных домохозяйств было равным – по пять.

Таким образом, в селах Пирятинской первой сотни большинство домохозяйств – 11 (52,4%) из 21 – были трехпоколенными, а оставшиеся 10 (47,6%) – двухпоколенными. Семьи с любым другим поколенным составом зафиксированы не были.

В других четырех сотнях ситуация с поколенным составом домохозяйств духовенства была в целом схожей. Так, в пяти случаях из девяти семьи духовенства сел Яблуневской сотни (Золотухи, Карпиловка, Остаповка) состояли из представителей трех поколений (55,5%). Оставшиеся четыре домовых сообщества были двухпоколенными (44,5%). Одно- и четырехпоколенных семей обнаружено не было [12].

Домохозяйства духовенства Городищенской сотни (Мелехи, Крутой Берег, Поставмуки) распределились следующим образом: одна семья – однопокленная (3,7%), 16 – двухпоколенных (59,3%), 10 – трехпоколенных (37,0%) [13].

Из 13 домохозяйств духовенства сел Куриньской сотни (Луговики, Нехристовка, Сухоносовка) восемь (61,5%) были двухпоколенными, пять (38,5%) – трехпоколенными [14].

Несколько отличался от предыдущих поколенный состав домохозяйств духовенства сел Роменской сотни. Так, во всех трех случаях – 1765, 1773 и 1778 гг. – единственная семья села Бацманы, принадлежащая к этой категории (семья местного священника), имела трехпоколенную структуру [15]. Домохозяйство свя-

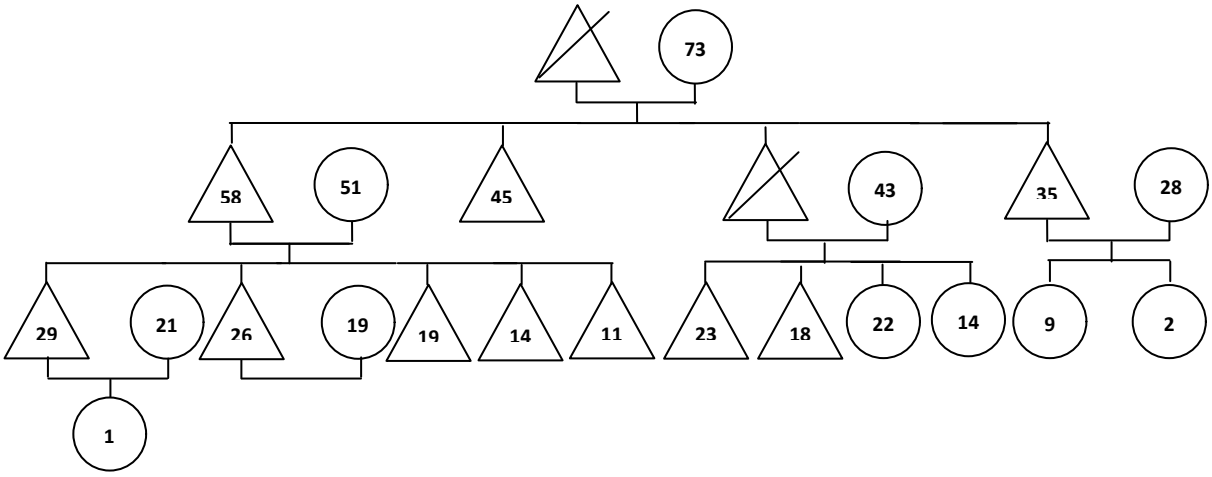

Рис. 1. Четырехпоколенное домохозяйство Юхима Иванова.

щенника села Сологубовка – 48-летнего Юхима Иванова, по данным 1759 г., также было трехпоколенным. Через девять лет, по состоянию на 1768 г., эта семья стала четырехпоколенной. С целью более детального знакомства со структурой этого большого домового сообщества отобразим его графически с помощью принятых в исторической демографии условных обозначений (рис. 1). Представителем самого старшего поколения этой семьи была 73-летняя вдова Пелагея – теща выше упомянутого иерея Юхима Иванова. У священника было пятеро сыновей: Матвей (29 лет, был женат на 21-летней Агриппине), Федор (26 лет, женат на 19-летней Анне), Фома (19 лет), Александр (14 лет), Максим (11 лет). В свою очередь, у старшого сына Матвея была малолетняя дочь – однолетняя Агриппина, которая приходилась правнучкой Пелагее. К 1777 г. данное домохозяйство снова стало трехпоколенным, так как вдова Пелагея к тому времени умерла [16]. В селе Медвежьем, согласно данным за 1765 г., обе семьи духовных особ были трехпоколенными. К 1770 г. ситуация не изменилась, как и к 1772 г. [17]. Таким образом, среди проанализированных нами домохозяйств духовенства Роменской сотни (всего – 12) не было зафисировано ни одно одно- или двухпоколенной семьи. В 11 случаях (91,7%) это были трехпоколенные домовые сообщества, одна семья (8,3%) принадлежала к четырехпоколенным.

Обобщим результаты анализа структуры домохозяйств духовенства по полку в целом. Из 81 семьи духовенства сел. Лубенского полка только одно домохозяйство (1,2%) было однопоколенным. 38 домовых сообществ (46,9%) принадлежали к категории двухпоколенных. Большинство же было за трехпоколенными семьями – их насчитывалось 41 (50,7%). Четырехпоколенное домохозяйство, также как и однополенное, было зафиксировано лишь однажды (1,2%) (рис. 2).

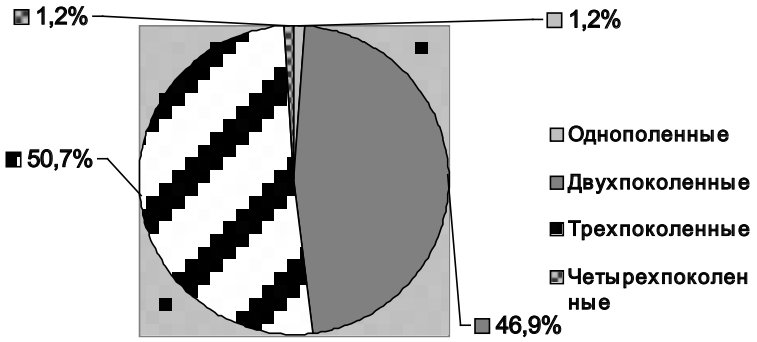

Рис. 2. Поколенный состав семей сельского духовенства Лубенского полка.

Таким образом, проанализировав поколенный состав домохозяйств священно- и церквонослужителей в избранных селах Лубенского полка, мы пришли к выводу, что абсолютное большинство среди данных семей составляли двух- и трехпоколенные домохозяйства.

Далее, опираясь на анализ структуры домохозяйств, перейдем к определению их типологии. Необходимо отметить, что духовенство, как социальная группа, имело некоторые особенности, которые имели непосредственное влияние на формирование структуры семьи: многодетность, большая становая замкнутость по сравнению с другими категориями населения, особенности наследования [18].

Для определения типологии домохозяйств по каждому селу мы использовали данные за три года. Например, анализируя семьи духовенства села Митченки, мы изучили исповедные ведомости за 1758, 1770 и 1782 гг. Такой подход позволяет снизить вероятность получения случайных результатов и проследить структуру домохозяйств в динамике, на протяжении длительного временного отрезка.

Итак, по итогам нашого анализа, духовенство сел Пирятинской первой сотни преимущественно было представлено сложными семьями (мульифокальными и расширенными): 17 (80,9%) против четырех (19,1%) простых (нуклеарных). Домохозяйства духовенства Яблуневской сотни во всех девяти (100,0%) исследуемых случаях были сложными мультифокальными. Распределение среди семей Городищенской сотни было следующим: нуклеарные (простые) – 11 (40,7%), расширенные – 5 (18,6%), мультифокальные – 11 (40,7%). Таким образом, доля сложных домових сообществ составляла 59,3%. Обращаем внимание на довольно значительный, по сравнению с другими сотнями, процент простых домохозяйств. Среди семей духовенства Куриньской сотни также преобладали сложные домохозяйства – их насчитывалось 10 (76,9%), тогда как простых – три (23,1%). И, наконец, семьи духовенства Роменской сотни были типологизированы таким образом: две – расширенные (16,7%), 10 – мультифокальные (83,3%). Простых нуклеарных домохозяйств зафиксировано не было. Типология домохозяйств по селам подана в таблице.

Типология домохозяйств духовенства Лубенского полка

Села	Нуклеарные		Расширенные		Мультифокальные		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Митченки	–		–		4	100,0	4	100,0
Савинцы	–		–		7	100,0	7	100,0
Грабаровка	4		–		5		9	100,0
Мелехи	5	50,0			5	50,0	10	100,0
Поставмуки	1		3		4		8	100,0
Крутой Берег	5		2		2		9	100,0
Золотухи	–		–		3	100,0	3	100,0
Карпиловка	–		–		3	100,0	3	100,0
Остаповка	–		–		3	100,0	3	100,0
Луговики	3	50,0	–		3	50,0	6	100,0
Нехристовка	–		–		3	100,0	3	100,0
Сухоносовка	–		1	25,0	3	75,0	4	100,0
Медвежье	–		1	16,7	5	83,3	6	100,0
Сологубовка	–		–		3	100,0	3	100,0
Бацманы	–		1	33,3	2	63,7	3	100,0
Всего	18	22,2	8	9,9	55	67,9	81	100,0

Таким образом, общее соотношение семей сельского духовенства Лубенского полка по типам оказалось следующим: 18 (22,2%) были нуклеарными, восемь (9,9%) – расширенными и 55 (67,9%) – мультифокальными. Как видим, сложных домохозяйств насчитывалось 77,8%, и они существенно преобладали над простыми.

Источники и литература

1. *Волошин Ю.* Населення домогосподарств «государевых малороссийских описных раскольничьих слобод» (за матеріалами «Генерального опису Лівобережної України 1767–1769рр.» // Соціум. Альманах соціальної історії. К.: Ін-т історії України НАН України, 2003. Вип. 2. С. 118.

2. Детальнее о данной классификации, а также историографию данного вопроса см.: *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневского и И.С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 132–157; *Носевич В.* Ещё раз о Востоке и Западе: Структуры семьи и домохозяйства в истории Европы / /http://www.dmo.econ.msu.ru/ pc2001_history/advert/Vienna2000/nosevich. html; О классификации домовых сообществ (Разъяснения редакции к типологии домохозяйств Питера Ласлетта) // Семья, дом и узы родства в истории / Под общ. ред. Т. Зоколла, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбома; Отв. ред. О.Е. Кошелева; Пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона, пер. с франц. Л.А. Пименовой. СПб.: Евр. ун-т; Алетея, 2004. С. 270–271; *Сакало О.* Домогосподарства сільського населення Гетьманщини другої половини XVIII ст.: деякі історико-демографічні аспекти (на прикладі села Ведмеже Роменської сотні Лубенського полку) // Краєзнавство: Наук. журнал. Київ, 2008. № 1–4. С. 168.

3. Государственный архив Полтавской области (далее – ГАПО). Ф. 801. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

4. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 255. Л. 1.

5. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 740. Л. 43.

6. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 20. Л. 21.

7. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 256. Л. 26.

8. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 742. Л. 33.

9. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

10. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 202. Л. 1.

11. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 575. Л. 1.

12. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 59. Л. 1; Д. 74. Л. 1; Д. 210. Л. 1; Д. 255. Л. 34; Д. 307. Л. 1; Д. 411. Л. 1; Д. 544. Л. 49; Д. 576. Л. 1; Д. 706. Л. 44.

13. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 67. Л. 1; Д. 150. Л. 1; Д. 158. Л. 1; Д. 417. Л. 1; Д. 428. Л. 1; Д. 433. Л. 1; Д. 711. Л. 16; Д. 738. Л. 13; Д. 740. Л. 1.

14. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 70. Л. 1; Д. 106. Л. 1; Д. 309. Л. 13; Д. 426. Л. 1; Д. 531. Л. 1; Д. 543. Л. 10; Д. 632. Л. 19; Д. 635. Л. 14; Д. 713. Л. 35.

15. Государственный архив Сумской области (далее – ГАСО). Ф. 960. Оп. 3, Д. 21, Л. 27, 210, 325.

16. ГАСО. Ф. 960. Оп. 3. Д. 276. Л. 1, 80, 143.

17. ГАСО. Ф. 960. Оп. 3. Д. 184. Л. 157, 232, 269.

18. Детальнее об этом см.: Сакало О. Населеність родин сільського духовенства Лубенського полку в другій половині XVIII століття // Краєзнавство: Наук. журнал. Київ, 2009. № 1–2. С. 188–189.

УДК 314.148:314.5(470.13-25)"1897"

*Д.В. Вишнякова**

Брачная структура населения города Усть-Сысольска (по материалам переписи 1897 года)**

В статье на основании материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи рассматривается брачная структура уездного города Усть-Сысольска Вологодской губернии. Анализируется влияние ситуации на «брачном рынке» на распределение населения по брачному статусу.
Ключевые слова: *Коми край, Первая всеобщая перепись населения, брачная структура.*

D.V. Vishnjakova

The marriage structure of the population of the Ust-Sysolsk (from the materials of the First comprehensive census)

In the article on the basis of materials of the First comprehensive census of the Russian Empire considered marriage structure of the county town Ust-Sysolsk. Analyzes the impact of the situation on the "marriage market" in the distribution of population by marital status.
Key words: *Komi region, the First comprehensive census, marriage structure.*

Брачный состав населения является одним из ключевых аспектов изучения этнодемографических процессов. Велики различия брачной ситуации у городских и сельских жителей, представителей отдельных этносов. Брачное состояние – это положение лица по отношению к институту брака, определяемое в соответствии с обычаями и правовыми нормами страны. Независимо от вида и формы брака различают: не состоящих в браке и состоящих в браке. В условиях моногамного брака не состоящие в браке делятся на: никогда не состоявших в браке, вдовых и разведённых [1]. Брачная структура строится на основании данных переписей или репрезентативных выборочных обследований, которые дают «моментную» характеристику одновременно существующих людей, т.е. совокупность условного поколения. На текущем состоянии распределения населения по брачному статусу отражаются как социо-культурные нормы матримониального поведения, так и ситуация на «брачном рынке», в частности, соотношение численности полов в тех или иных категориях брачного состояния.

Наиболее полные сведения о распределении населения по брачному статусу конца XIX в. дают материалы Первой всеобщей переписи 1897 г. В работе рассмотрены сведения по Усть-Сысольску, уездному городу Вологодской губернии (так называемой столице зырянского края). В рассматриваемое время он насчитывал 4464 чел. Наибольшая часть жителей Усть-Сысольска, около 83%, была комиязычной. Для изучаемого населения была характерна этнорегиональная специфика ряда параметров, относящихся к браку. Это и относительно высокий брачный возраст, и довольно растяжимая возрастная разница между супругами, и отсутствие устойчивых традиций браков между вдовыми, и выраженный дефицит мужского населения в основных брачных возрастах и др. Соотношение мужчин и женщин в определенных возрастных группах в конце XIX в. выглядело следующим образом. В г. Усть-Сысольске в возрастных группах 15–19 лет на сто мужчин приходилось 118 женщин, 20–29 лет – 111, 30–39 лет – 133. Таким образом, в основных брачных возрастах наблюдался определенный дисбаланс полов в сторону превалирования женского населения. Тем не менее следует отметить, что в сельской местности Коми края диспропорция полов проявлялась еще в большей степени, к тому же среди сельского населения она усиливалась за счет оттока мужского трудоспособного населения (участие в отхожих промыслах, переселения и т.п.). В целом же ситуация на «брачном рынке» для невест была не столь выигрышна, как для женихов.

* **Вишнякова Дарья Викторовна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, vishnyakova_dari@mail.ru.

** Статья публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

Как правило, распределение по брачному состоянию комбинируют с группировками по полу и возрасту, получая брачную структуру как всего населения, так и населения разного пола и возраста. Каждая половозрастная группа населения подразделяется по категориям брачного состояния, определяется удельный вес той или иной категории в составе половозрастной группы. По законодательству того времени вступление в брак допускалось по достижении совершеннолетия, которое определялось для девушек в 16 лет, для юношей – в 18 лет [2]. Однако если до необходимого возраста оставалось менее полугода, то с разрешения местных церковных властей брак все же мог быть заключен. На основании материалов используемого источника были выделены следующие возрастные группы: 15–16 лет, 17–19, 20–29 года, далее десятилетние возрастные группы до группы 50–59 лет, затем открытый интервал «60 лет и старше».

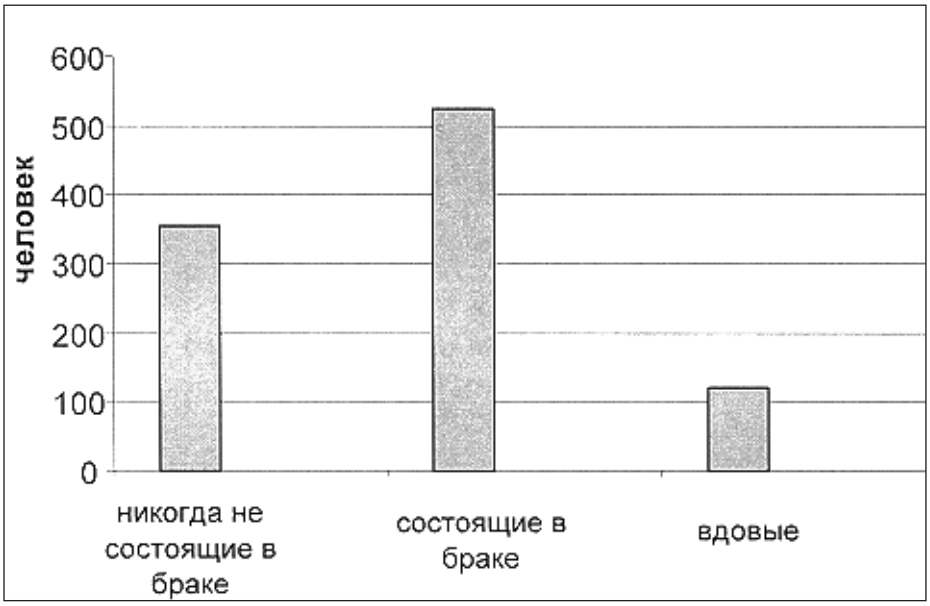

Рис. 1. Брачное состояние населения г. Усть-Сысольска (на 1000 чел. в возрасте 15 лет и более), по данным переписи 1897 г.

На рис. 1 показана брачная структура всего населения Усть-Сысольска в возрасте от 15 лет и старше на тысячу человек населения старше 15 лет без группировки по полу и возрастным категориям.

Наибольшая часть приходилась на категорию состоящих в браке – 524 чел. на тыс. чел. населения в возрасте от 15 лет и старше, доля лиц никогда не состоящих в браке составляла 356 чел. на тыс. чел. населения в возрасте от 15 лет, а доля вдовых – 120 чел.

В табл. 1 представлены данные о распределении населения г. Усть-Сысольска по возрасту, полу и состоянию в браке на 1897 г. (число лиц данного брачного состояния на 1000 чел. соответствующего пола и возраста).

Распределение населения г. Усть-Сысольска по возрасту, полу и состоянию в браке, 1897 г. (число лиц данного брачного состояния на 1000 чел. соответствующего пола и возраста)

Возраст, лет	Мужчины				Женщины			
	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовые	Разведенные	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовые	Разведенные
Все нас. 15 лет и старше	400	557	43	0	322	499	179	0
В том числе в возрасте:								
15–16	1000	0	0	0	1000	0	0	0
17–19	982	18	0	0	912	88	0	0
20–29	602	388	6	0	355	634	11	0
30–39	116	879	5	0	143	762	94	0
40–49	114	862	24	0	131	654	214	0
50–59	96	827	77	0	88	551	360	0
60 лет и более	66	720	208	0	157	293	550	0

Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Вологодская губерния. Тетр. 2. табл.V. СПб., 1904.

По материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в младших бракоспособных возрастах до 20 лет существенно преобладали лица никогда не состоявшие в браке, что являлось следствием сложившегося

в Коми крае довольно зрелого брачного возраста. В средних возрастах, 20–29 и 30–39 лет, доля никогда не состоявших в браке резко уменьшалась, одновременно увеличивалась доля состоящих в браке. Доля вдовых начинала расти довольно рано, уже с группы 20-29 лет, увеличиваясь в каждой последующей возрастной группе.

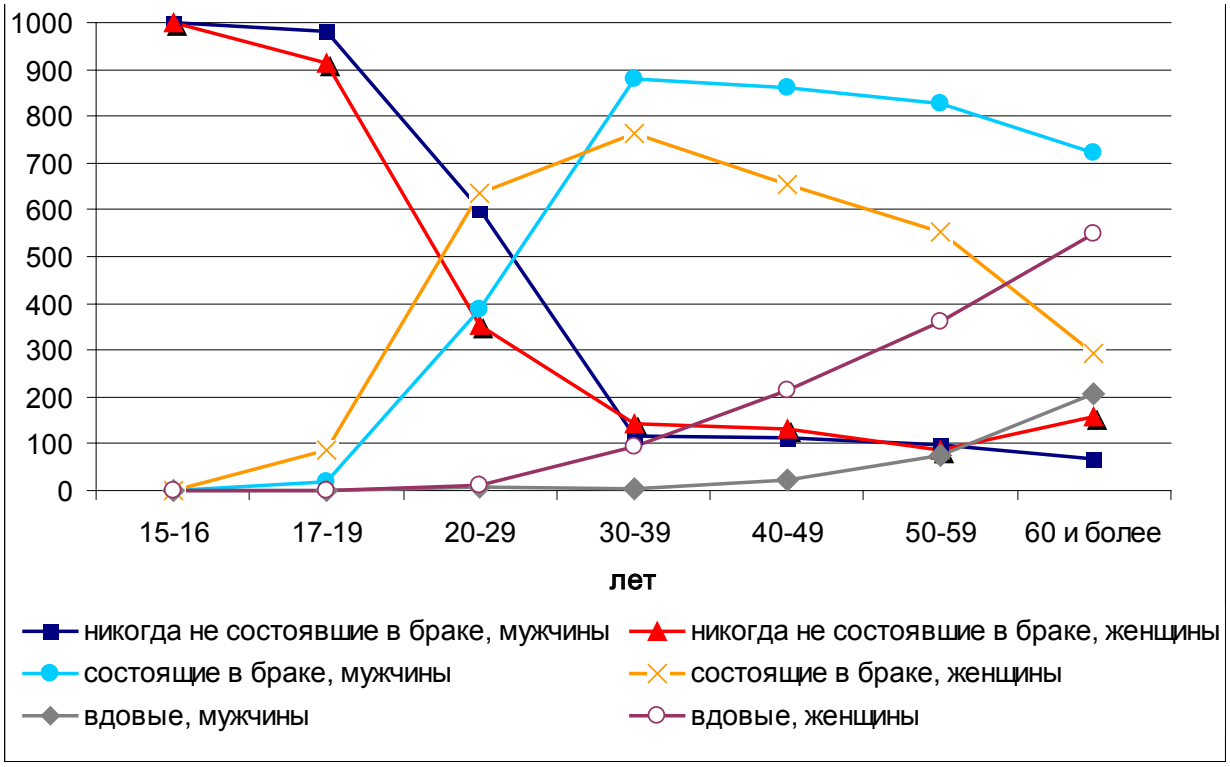

Рис. 2. Распределение мужчин и женщин по состоянию в браке и возрасту (г. Усть-Сысольск, 1897 г.).

Рис. 2 дает более наглядное представление о распределении полов по состоянию в браке и возрасту.

В возрастных группах до 30 лет сокращение удельного веса категории лиц никогда не состоящих в браке среди женщин происходило более интенсивно. В возрасте до 30 лет число никогда не состоящих в зарегистрированном браке мужчин было выше, чем соответствующее число женщин. Так, значительная доля никогда не состоявших в браке мужчин в возрастных группах до 30 лет обусловлена тем, что они вступали в брак в среднем позднее, чем женщины. В возрастах 30-40 лет эти числа примерно выравнивались, в следующих возрастных группах, как мы видим, процент никогда не состоявших в браке мужчин уменьшался и постепенно становился совсем небольшим. В возрастных группах старше 30 лет наблюдался обратный перевес числа женщин, не состоящих в браке, над соответствующим числом мужчин.

Как показывают материалы переписи населения, среди жителей Усть-Сысольска доля состоящих в браке увеличивалась вплоть до 40 лет. В возрастном интервале от 15 до 30 лет доля состоящих в браке женщин была выше, чем у мужчин. В интервале от 30 лет можно заметить резкое прибавление доли вдов. Высокий уровень смертности среди мужчин в трудоспособных возрастах обусловил значительный удельный вес вдов среди женщин уже в среднем возрасте. Доля вдовых среди всех женщин Усть-Сысольска была в 4 раза выше, чем аналогичная группа среди мужчин. По данным 1897 г., из общего числа вдовых горожан около 20% составляли мужчины и примерно 80% – женщины. Более высокий уровень мужской смертности и более частое вступление в повторный брак вдовцов оказывали влияние на значительный удельный вес вдовых женщин, увеличивавшийся с возрастной группы 20–29 до группы старше 60 лет, с 11 до 550 ‰, причем в возрастном интервале от 60 лет доля вдовых женщин превосходила долю женщин, состоящих в браке.

В возрастах старше 40 лет отчетливо вырисовывается ассиметрия брачного статуса, выраженная в более весомом удельном весе состоящих в браке мужчин и значительном проценте вдов среди женщин. В более старших возрастных группах эта ассиметрия усиливается. Доля вдов, как уже было отмечено ранее, перекрывает долю женщин, состоящих в браке.

Показатель доли населения, состоящего в том или другом брачном статусе, не совсем точно характеризует явление, так как зависит от возрастной структуры населения, которая меняется от переписи к переписи.

Наиболее удобный и информативный показатель, устраняющий влияние возрастной структуры – показатель средней продолжительности нахождения в том или ином брачном состоянии. Этот показатель дает представление о том, сколько лет в среднем один человек проживает в том или ином брачном статусе на протяжении всей жизни (или в определенном возрастном периоде) при существующем брачном составе населения. Для его вычисления прибегают также к методу условного поколения. Под условным или гипотетическим поколением понимают совокупность людей разного возраста, но живущих в одно и то же время, то есть совокупность современников разного возраста, образующих гипотетическое поколение [3].

По данным переписи населения 1897 г. среднее число лет жизни в браке (в возрастном периоде от 15 до 60 лет) составляло в Усть-Сысольске 24,3 года у женщин и 23,8 года у мужчин, в сельской местности Коми края этот же показатель составлял 28 лет у женщин и 29,2 лет у мужчин. Средняя продолжительность пребывания во вдовстве в указанном возрастном периоде в Усть-Сысольске равнялась 4,8 годам у женщин и 0,7 – у мужчин, в сельской местности – 3,7 и 0,8 годам соответственно. Таким образом, среди городского населения среднее число лет жизни в браке у женщин было несколько выше, чем у мужчин. А вот показатели по вдовству свидетельствуют о более высокой мужской смертности и большей сложности для женщин вступить в повторный брак.

В целом возрастная структура горожан Усь-Сысольска характеризовалась высоким удельным весом лиц, состоящих в браке, начиная с возрастного интервала от 20 лет. Значительное число молодых незамужних девушек создавало, с одной стороны, неблагоприятную ситуацию на «брачном рынке», а. с другой стороны, способствовало усилению тенденции заключения брачных союзов мещанок с крестьянами близлежащих волостей. Данная тенденция обозначилась уже во второй половины XIX в. В основном для сельского населения были характерны внутриволостные браки, однако изменение социально-экномических условий, возрастание мобильности населения способствовали распространению браков крестьян с другими социальными группами, прежде всего, с представительницами мещанства. Следует отметить, что среди населения Усть-Сысольска для лиц в возрасте от 40 лет была свойственна ассиметрия брачного статуса, обусловленная высокой мужской смертностью и более частыми по сравнению с вдовами повторными браками вдовцов. В целом брачное состояние населения формировалось под воздействием ряда социальных, экономических и демографических условий.

Источники и литература

1. Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 5. Отд. 1. N 3807; Свод законов гражданских. СПб., 1909. Ч. 1. Ст. 3.

3. *Рыбаковский Л.Л.* Демография. Уч. для ВУЗов / Под ред. проф. Н.А. Волгина и проф. Л.Л. Рыбаковского. М., 2003.

УДК 314.156 (470.6) "192"

*А.В. Баранов**

Дискуссионные вопросы этнодемографического развития сообществ Юга России в 1920-х годах

В статье определены тенденции этнодемографического развития сообществ Юга России в 1920-х гг. Сравниваются результаты переписей населения 1897, 1920 и 1926 гг. Установлены факторы изменений этнической идентичности населения Юга России, в том числе – казаков и крестьян. Подвергнута критике политика «украинизации» сообществ Дона и Кубани (1923–1932 гг.). Аргументируется добровольный и ненасильственный характер русификации населения Юга России.
Ключевые слова: *этнографическое развитие, сообщества, Юг России, дискуссии, 1920-е гг.*

A.V. Baranov

Discussion problems of ethnodemographic development of Southern Russia' communities in the 1920s

The article identifies trends of ethnodemographic development of the Southern Russia's communities in the 1920s. Compares the results of the Censuses of 1897, 1920 and 1926. The factors of ethnic identity' change in southern Russia, including Cossacks and peasants are established. Criticized the policy of "Ukrainization" of Don and Kuban communities (1923–1932). Argued voluntary and non-violent type of Russification in Southern Russia.
Key words: *ethnographic development, communities, Southern Russia, debates, 1920s.*

Этнодемографические процессы в сообществах Юга России 1920-х гг. актуальны не только для историков и этнологов, но и для политологов. В научном сообществе бытуют мифы об этнодемографических процессах раннесоветского периода. Таковы мнения о том, что казачьи области Юга России этнически были едины с Украиной (С.В. Кульчицкий [1], Д.Д. Белый [2]). Характерно повторение данного мифа некоторыми российскими историками (А.М. Авраменко [3], В.К. Чумаченко [4]).

Цель доклада – дать оценку этнодемографических процессов в сообществах Юга России 1920-х гг. Выбор хронологических рамок определяется периодом революционных преобразований. Именно в это время совершалась коренная ломка политического и этносоциального пространства бывшей Российской империи, складывались новые идентичности и проекты нациестроительства. Категория «Юг России» включает в себя исторически сложившееся пространство с преобладанием русской идентичности: Дон, Кубань, Терек, Ставрополье, Черноморское побережье. В 1920-х гг. его пределы часто менялись, административно входя в состав «Юго-Восточного края» (1920–1924 гг.), а позже Северо-Кавказского края РСФСР (1924–1930 гг.).

Эмпирическая основа работы включает в себя материалы переписей 1920 и 1926 гг., статистические обследования, наблюдения этнографов – современников событий, региональное законодательство. Самым достоверным источником являются материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Необходимо соблюдать методологические принципы: исторический подход к изучению этнических групп 1920-х гг. (нельзя отождествлять их с современными) и объективность. Идентичность определяется на основе парадигмы конструктивизма как устойчивое самосознание, в основе которого – чувство субъективно переживаемой принадлежности индивидов к «своей» общности. Идентификация невозможна без сравнения сторон общения – «своих» и «чужих». Идентичность может быть «жесткой» или «размытой». Группы и индивиды проявляют много видов идентичности, которые взаимосвязаны и «накладываются» (этническая, сословная, профессиональная и др.). Идентичность населения Юга России в целом – сложносоставная (по Е.В. Морозовой), в ней неразрывно слиты разнопорядковые идентификационные признаки [5]. Категоричные оценки идентичности сообществ только как сословной или этнической, русской либо украинской малополезны. Нужно учитывать историзм самосознания. Система идентичностей динамично менялась под воздействием краткосрочных условий. Субъектами конструирования идентичности выступают органы государственной власти,

* **Баранов Андрей Владимирович** (Краснодар) – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

а проводниками («агентами») распространения – интеллигенция, институты среднего и высшего образования, средства массовой информации, но не само сообщество в целом.

Мы учитываем положения и выводы современных исследователей – Е.Ю. Борисенок [6], В.А. Матвеева [7], С.Я. Сущия [8], которые рассматривали вопрос на южнороссийском материале. Проблемы «украинизации» на Кубани в 1923–1932 гг. глубоко анализируются в монографиях И.Ю. Васильева [9] и И.Г. Иванцова [10].

Исследование этнодемографических процессов 1920-х гг. на Юге России затруднено частыми перекройками административных границ. Поэтому мы систематизируем сведения о территориальных изменениях, чтобы обеспечить сопоставимость статистики разных лет. В 1920–1921 гг. советские органы управления урезали территорию Донской области. К Украине отошли Таганрогский округ, южная часть Донецкого и северная часть Черкасского округов, ст-ца Екатерининская Первого Донского округа. К Царицынской губернии присоединили Хоперский и Усть-Медведицкий округа, 2/3 земель Второго Донского округа. Население в урезанных пределах Донской области сократилось с 3876,0 до 1521,0 тыс. чел. за 1914–1922 гг. [11]. В Калмыцкую область передан Большой Дербетовский улус Ставропольской губернии, в состав Дагестанской АССР – Хасавюртовский округ Терской области с населением 83,2 тыс. чел. [12]. Абхазия получила Пиленковскую волость Черноморской губернии. В итоге население Юга России за 1914–1921 гг. сократилось с 9603,4 до 6909,3 тыс. чел. [13]. Пределы сообщества частично восстановлены в 1924 г., когда Украина вернула в состав Северо-Кавказского края РСФСР 16493,9 км^2 с населением 421,9 тыс. чел. [14]. По переписи 1926 г. Северо-Кавказский край имел население 8364 тыс. чел. Еще 713 тыс. чел. проживали в округах, в 1921 г. переданных от Донской области в состав Царицынской губернии по мотивам «расказачивания» [15]. Итак, за 1922–1926 гг. примерно восстановилась довоенная численность населения края в сопоставимых границах.

Второе важное обстоятельство, редко учитываемое в историографии, – степень достоверности текущего учета населения. Дореволюционное состояние демографии наиболее объективно отражено в материалах Центрального статистического комитета на 1 января 1914 г. Как отмечал В.Н. Ратушняк, отчеты наказных атаманов областей, статистические ежегодники не дают полного представления о динамике населения [16]. Перепись 28 августа 1920 г. смогла охватить лишь территории, где прекратилась Гражданская война. В целом по РСФСР было учтено более 70% жителей, а в Кубано-Черноморской области – 61% [17; 18]. Среди методов переписи были малодостоверные: опрос родственников и соседей, подсчёт по головам. М.Ю. Макаренко сделала вывод об неполноте сведений о рождаемости и смертности в Кубано-Черноморской области за 1920–1923 гг. [19]. Наиболее объективны материалы городской переписи 1923 г. и всеобщей переписи 1926 г., дающие научно обоснованную и целостную характеристику населения. Но изменения критериев группировки (отличий города от села, этнической принадлежности) затрудняют сравнение показателей за 1924–1929 гг. Гнездовые обследования, проводимые партийными органами, несопоставимы из-за различий произвольно выбранных показателей.

Тема этнодемографических процессов на Юге России подвергается предвзятым трактовкам, что вызвано современными политическими, а не научными мотивами [20]. Во-первых, в научной литературе преуменьшается этнокультурная неоднородность Юга России. Этим снимаются препятствия для фантазий М.С. Грушевского об украинстве всего Дона, Кубани, Ставрополья и Терека [21]. Область Войска Донского была всецело русскоязычной (на южных наречиях). Кубанская область складывалась из трех разнородных ареалов: бывшей Черномории (степного правобережья Кубани к западу от Лабы) с преобладанием запорожского субстрата; земель линейных казаков – русских выходцев из черноземных губерний и Дона (по верхнему течению рек Кубани и Лабы); Закубанья и Черноморского побережья (русско-украинского синтеза). На Тереке и в Ставрополье украинское самосознание весьма мало распространено, как и в горских местностях [22].

Во-вторых, оппоненты русской идентификации сообществ региона часто ссылаются на Всесоюзную перепись населения 1926 г., давшую численность украинцев Северо-Кавказского края РСФСР в 3107 тыс. чел. (в 1897 г. – 1271 тыс. чел.) [23; 24]. Но никакой демографический процесс не мог дать подобный итог. Перед нами – манипулирование цифрами. В переписи 1897 г. за основу этничности взят «родной язык», в переписи 1920 г. – личная самооценка респондента, а в 1926 г. – происхождение родителей. Именно этот «сбой» методики подсчетов и дал снижение удельного веса русских на Дону с 92,9 до 45,9% за 1920–1926 гг., а в Кубано-Черноморской области – с 79,7 до 33,4% [25]. Более объективны сведения о лицах, считавших русский язык родным и основным в общении. Удельный вес этого слоя в 1926 г. (62,9%) резко превышал в Северо-Кавказском крае процент русских по происхождению (45,9%). Из 3,1 млн. украинцев по происхождению в Северо-Кавказском крае 1 млн. чел. (32,3%) считали родным русский язык [26].

При исследовании источников следует учитывать важнейший фактор – несовпадающее понимание идентичности составителями статистических программ и самим опрашиваемым населением. Этническая и социальная идентичность общностей меняется медленнее, чем идеологические установки партийных и государственных органов. Партия большевиков не имела научно обоснованных представлений об этнической структуре и меняла их в зависимости от обстоятельств.

Приведенные сведения подтверждают интенсивную и быструю ассимиляцию украинцев на Юге России. Пространственное распределение ассимиляции (по переписи 1926 г.) позволяет выделить урбанизацию, степень удаления от территории Украины, проживание в горских местностях как факторы добровольной русификации. Например, 83,9% обрусевших украинцев – горожане. 72,6% украинцев по происхождению, живших в горских автономиях с преобладанием исламского населения, осознавали себя русскими. В пограничном с Украиной Донецком округе сменили язык общения 8,3% украинцев, в Кубанском округе – 16,3%. Сравним этот показатель с удаленными от Украины Сунженским округом (99,0%) и Ставропольским округом (84,6%). Территориальный анализ ассимиляции украинцев, основанный на переписи 1926 г., позволяет сделать вывод о высоком сходстве этнических процессов среди казаков и всех жителей края. Так, в Армавирском округе удельный вес украинцев по происхождению – 32,9% всего населения и 24,7% казачьего; в Кубанском округе – соответственно, 61,5 и 77,4%; в Донском округе – 44 и 48,3%. Средний процент лиц украинского происхождения, считавших русский язык родным, в 1926 г. составил 32,3% среди всех жителей Северо-Кавказского края этой этничности, в том числе 30,7% среди казаков украинского происхождения [26].

Ассимиляция 1920-х гг. шла именно добровольно, так как в это время ВКП(б) и органы государственной власти вели курс «украинизации» края даже в местностях с преобладанием русских. Архивные данные и работы Е.Ю. Борисенок, В.А. Матвеева, И.Ю. Васильева, И.Г. Иванцова подтверждают чуждость даже в Кубанском округе украинского литературного языка [6; 7; 9; 10]. Местные жители говорили на «суржике» – обыденном наречии, смеси русского и украинского языков. Они не понимали насаждаемого украинского языка и предпочитали литературный русский как язык городской культуры и власти [27]. Тем более чужда украинизация в ареале донского казачества, где она ассоциировалась с «иногородними» [14].

Идентичность определялась жизненным укладом. В 1920-е гг. сохранялась земельная община, хотя власть упразднила ее сословную замкнутость и привилегии. Доминировала занятость в сельском хозяйстве. Горожане составляли в 1926 г. 153,6 из 2302 тыс. (6,7%) казаков Северо-Кавказского края, а среди всех жителей – 18%. Сельскохозяйственные занятия оставались основными для 98% казаков Кубанской области, а среди всего населения – 85% [15, т. 5; 26]. Основой самосознания казачества было неразрывное сочетание профессиональной воинской службы, общинного землепользования и религиозности.

Подведем итоги. Население Юга России в 1920-х гг. обладало двойной этнокультурной идентичностью, слабо выявленной тогдашними методами анализа. Постепенно набирала силу добровольная ассимиляция украинцев русскими, вопреки курсу властей в 1923–1932 гг. на бюрократическую «украинизацию». Казачество Дона, Кубани и Терека проявляло сложносоставную этносословную идентичность, слабо выявляемую тогдашними методами анализа. Обособленность казачества от «иногородних» и горожан поддерживалась в большей мере на сословной, а не этнической основе, в силу исторической памяти о привилегированном положении.

Источники и литература

1. *Кульчицкий С.В.* Курс – украинизация // Родина. 1999. № 8. С. 108–110.

2. *Білий Д.Д.* Українці Кубані в 1792-1921 роках. Еволюція соціальних ідентичностей. Львів; Донецьк: Східний видавничий дім, 2009. 543 с.

3. *Авраменко А.М.* Третий сборник «Кубань – Украина» и некоторые проблемы кубанской украинистики // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар: ООО «Картика», 2008. Вып. 3. С. 15–25.

4. Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия / Науч. ред. А.М. Авраменко, В.К. Чумаченко. Краснодар: ООО «Картика», 2007. Вып. 2. 249 с.

5. *Морозова Е.В.* Сложносоставная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 1. С. 102–104.

6. *Борисенок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с.

7. *Матвеев В.А.* От Карпат до Кавказских гор? // Родина. 2001. № 8. С. 20–23.

8. *Сущий С.Я.* Украинцы Юга России – демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д: ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2013. 154 с.

9. *Васильев И.Ю.* Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М.: ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2014. 336 с.

10. *Иванцов И.Г.* Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б), 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар: Альфа Принт, 2009. 99 с.

11. Юго-Восток: Справочник по Юго-Востоку России. Ростов н/Д: Изд-во Юго-Вост. краев. статист. бюро, 1924. С. 349–355.

12. Статистический справочник Юго-Востока России. Ростов н/Д: Изд-во Юго-Вост. краев. статист. бюро, 1923. Вып. 2. С. 10–11.

13. Там же. С. 8–17; Экономическая география Юго-Востока России. Ростов н/Д: Изд-во Юго-Вост. краев. статист. бюро, 1924. С. 144, 145.

14. *Белевцов.* Районирование Донской области // Юго-Восток. Ростов н/Д, 1923. № 9. С. 116.

15. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928. Т. 3. С. 454; Т. 5. С. 46–50.

16. *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1989. С. 19, 20.

17. *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза. 1922–1991. М.: Наука, 1993. С. 8.

18. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Краснодар: Изд-во «Буревестник», 1924. С. 145.

19. *Макаренко М.Ю.* Население Кубани в 1920–1926 гг. (историко-демографический аспект): Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1997. С. 48, 111–113.

20. *Рева И.* Украинцы на Кубани: отрезанный ломоть от хлеба? URL: http://www.exp21.com.ua/rus/special/81-5.htm (дата обращения: 13.03.2013).

21. *Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа. Киев: Лыбидь, 1991. С. 5.

22. *Дружинин А.Г.* Южнороссийский регионогенез: факторы, тенденции, этапы // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. № 2. С. 79.

23. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1930. Т. IX. С. 71–73.

24. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1925. С. 29.

25. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1930. Т. IX. С. 70, 100, 34–35.

26. Казачество Северо-Кавказского края: Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. краев. исполкома Советов, 1928. С. 5–12.

27. *Мирук М.В.* Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1996. С. 172–175.

28. *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. С. 88–125.

УДК 316.346: [-055.2 +351.766.2] (470.22)
«1944–1950» (091)

*Л.И. Вавулинская**

Забота государства о материнстве и детстве в 1944–1950 годах (на материалах Карело-Финской ССР)

В статье анализируются проблемы государственной поддержки женщин и детей в первые послевоенные годы. Особое внимание уделено мероприятиям по повышению рождаемости, улучшению медицинского обслуживания детей и женщин, организации детских учреждений, устройству детей-сирот и ликвидации беспризорности как массового явления.
Ключевые слова: *материнство, детство, беспризорность, детские дома.*

L.I. Vavulinskaya

The state care of motherhood and childhood in 1944–1950 (on materials of the Karelo-Finnish SSR)

The article analyzes problems of state support of women and children in the early postwar years. Particular attention is paid to measures for birth rate increase, improvement of medical care of children and women, the organization of child care facilities, the device of orphan children and elimination of homelessness as a mass phenomenon.
Key words: *motherhood, childhood, homelessness, children's homes.*

Одной из важнейших задач социальной политики советского государства в 1940-е гг. стали государственная поддержка семьи, повышение рождаемости и восстановление демографического фонда страны. 8 июля 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». До издания Указа, в первой половине 1944 г., в Карело-Финской ССР получали государственное пособие 114 многодетных матерей, в конце года их число увеличилось до 371, из них 306 многодетных и 65 одиноких матерей. В 1944 г. было выплачено госпособий на сумму 629 тыс. руб., а в 1945 г. – на сумму 4 021 тыс. руб. Пособие получили 2 428 матерей, из них 1 291 многодетная мать и 1137 одиноких матерей. К середине 1946 г. 2 505 многодетных матерей были награждены орденами и медалями [1].

Матерям-одиночкам и семьям с крайне низким достатком, в силу различных обстоятельств не имевших возможности вырастить детей самостоятельно, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. предоставлялась возможность устроить детей в специальные детские учреждения – дома ребенка – на полное государственное обеспечение [2].

Осенью 1945 г. Наркомат госконтроля КФССР совместно с бригадой Наркомата государственного контроля Союза ССР произвели широкую проверку выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., охватив свыше 150 объектов Наркомздрава, Наркомпроса, Наркомторга КФССР, их городских и районных отделов, торговых предприятий, детских садов, яслей, домов ребенка, женских и детских консультаций, молочных кухонь, городских и районных исполкомов, а также ряд других учреждений, призванных обслуживать нужды женщин и детей. Проверка прошла в семи городах и пяти районах республики. В результате обследования были выявлены крупные недостатки в этой области: нарушение основных правил содержания и ухода за роженицами и новорожденными, факты антисанитарного состояния ряда детских учреждений и др. Тщательная проверка на местах позволила определить основные «болевые точки» и первостепенные направления работы по защите материнства и детства.

Особое внимание уделялось развитию системы сервисной поддержки материнства и детства, в которую входили женские консультации, роддома, детские поликлиники, молочные кухни, детские ясли и детсады. Число родильных коек в республике выросло со 102 на 1 июля 1944 г. до 338 на 1 июля 1946 г., женских

* **Вавулинская Людмила Ивановна** (Петрозаводск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, ludvav@mail.ru.

консультаций – с четырех до восьми, женско-детских консультаций на селе – с двух до десяти [3]. В 1945 г. в г. Сортавала открылся первый в республике санаторий для беременных женщин на 25 коек. До середины 1946 г. здесь отдохнули 230 беременных женщин. В 1946 г. впервые начали работу шесть женско-детских консультаций в городах. Все это позволило улучшить акушерско-гинекологическую помощь: в городах стационарная родовая помощь в 1944 г. была оказана 86,4% рожениц, помощь на дому – 1,4% рожениц, а в первом полугодии 1946 г. – соответственно 91,3 и 8,3%. На селе стационарная родовая помощь в 1944 г. оказана 25% рожениц, помощь на дому –27,3% рожениц, а в первом полугодии 1946 г. – соответственно 42,6 и 37,4% [4]. Таким образом, социальная поддержка материнства на селе была еще недостаточной, и каждая пятая женщина рожала дома без всякой медицинской помощи. Даже спустя пять лет после окончания войны в восьми сельских райцентрах из 11 не оказывалась акушерско-гинекологическая помощь.

Оставалась высокой смертность детей в возрасте до одного года (10–12% в 1944–1945 гг.). В середине 1946 г. 14 районов республики не имели детского врача. В городских консультациях 1/3 штатных должностей являлись вакантными [5].

Власти республики приняли меры по улучшению медицинского обслуживания детей и охраны их здоровья. К 1 июля 1946 г. в Карелии работали восемь городских детских консультаций (вместо пяти на 1 июля 1944 г.), число молочных кухонь увеличилось с пяти до 18, число детских коек в отделениях и палатах общих больниц – с 15 до 241. В 1945 г. в Петрозаводске открылась детская больница на 80 коек, в 1946 г. были впервые организованы две пищевые станции. В первые послевоенные годы в республике были организованы вновь три дома ребенка: в Ладве на 75 коек, в Беломорске на 30 коек, в Петрозаводске на 65 коек, открыт детский санаторий в Яккиме на 70 коек, восстановлена деятельность Сортавальского детского костно-туберкулезного санатория на 275 коек [6].

В условиях острой нехватки рабочих рук в послевоенной Карелии одной из основных забот местного руководства являлось изыскание внутренних резервов, в том числе вовлечение в производство женщин, многие из которых были обременены маленькими детьми. В связи с этим особую актуальность приобретало ускоренное строительство детских учреждений. В городах республики в середине 1946 г. работали 39 детских яслей на 1605 мест (на 1 июля 1944 г. было 11 детских яслей на 611 мест), на селе в детских яслях имелось 1904 постоянных места (на 1 июля 1944 г. было 1263 места). Кроме того, сезонными детскими яслями на 1 июля 1946 г. было охвачено 1 090 детей. Вместе с тем этот рост не удовлетворял потребности населения [7].

Лучше обстояло дело со строительством детских садов. Если на 1 июля 1944 г. в республике насчитывалось 46 детских садов Министерства просвещения КФССР, которые посещали 2 234 ребенка, то на 1 июля 1946 г. – 175 детских садов (6 605 детей). Увеличилась также сеть детских садов республиканских ведомств: на 1 июля 1944 г. было 59 детских садов (2 630 детей), на 1 июля 1946 г. – 107 детских садов (3 600 детей) [8]. Кроме того, свои детские учреждения имели союзные ведомства и предприятия. Несмотря на то, что наличная сеть детских садов в большинстве городов и рабочих поселков в основном удовлетворяла запросы населения, имелись факты отказа в приеме детей из-за отсутствия свободных мест в детских садах. Значительная часть детских садов занимала неприспособленные помещения. Детские учреждения ощущали большой недостаток в твердом и мягком инвентаре, столовой и кухонной посуде. В отдельных детских учреждениях из-за отсутствия достаточного количества кроватей дети спали по-двое на одной кровати или на полу, либо совсем не пользовались послеобеденным отдыхом. Из-за отсутствия посуды в Кондопожском городском детском саду, Ладвинском дошкольном детском доме, Сегежских городских яслях и детсаде и других детских учреждениях использовались банки из-под консервов, нелуженые жестяные сковородки, деревянные миски.

В особой помощи нуждалось реэвакуированное население. В письме председателя исполкома Сортавальского райсовета Ругачева и секретаря Сортавальского райкома партии Крючкова в ЦК КП(б) КФССР и СНК КФССР высказывалась просьба об обеспечении детей района школьной обувью и одеждой. В письме говорилось: «В Сортавальском районе 1845 детей школьного возраста, из них охвачено школами 1561 человек. 284 человека не охвачено школами исключительно из-за отсутствия у детей обуви и одежды. Большинство детей, охваченных школой, посещают школу босиком и с наступлением холодов неизбежен большой отсев учащихся из школ. Положение осложняется еще тем, что многим учащимся надо ходить в школу от 3 до 5 км (ввиду существующей в районе хуторской системы расселения). Население района, как Вам известно, исключительно реэвакуированное, материально обеспечено плохо и не в состоянии обеспечить детей одеждой и обувью. В связи с этим райком КП(б) и исполком райсовета депутатов трудящихся просят Вас оказать существенную помощь в обеспечении детей школьной обувью и одеждой. Просим выделить обуви – 1000 пар, детских пальто – 600 и мануфактуры – 5 тыс. м. Кроме того, для учащихся, далеко живущих от школы, просим увеличить сеть интернатов с 5 до 10 и контингент питающихся в них – с 300 до 700 человек». В ответ на эту просьбу школьникам района из первой же партии поступившей обуви было выделено 150 пар и

для учителей 48 пар. Число обучавшихся в интернате увеличено с 1 октября до 700 чел., но из-за отсутствия фондов не сразу был решен вопрос о выделении для школьников пальто и мануфактуры [9].

Важным аспектом семейной политики являлись организация свободного времени детей и подростков, профилактика преступности. К этому делу активно привлекались школа, комсомольские, пионерские, профсоюзные организации. В 1945 г. летним отдыхом в республике было охвачено 26 203 детей. Было организовано 29 пионерских лагерей, один лагерь юношей, 45 летних оздоровительных площадок, на которых отдыхали 6 040 чел. Кроме того, дачным отдыхом сроком на 90 дней было охвачено 600 чел., сроком на 75 дней – 2 100 чел. В детских садах санаторного типа в течение 75 дней отдыхали 1100 чел. [10]. Широкое распространение получили разнообразные кружки по интересам. В 1947 г. в Петрозаводске состоялось открытие нового Дворца пионеров, здание которого было разрушено в годы войны. В 1949 г. в различных кружках Дворца пионеров занимались около 2 тыс. детей [11]. В городе работали станция юных натуралистов, детская экскурсионно-туристская станция, детская спортивная школа, парк пионеров.

Одним из тяжелых последствий войны явился рост числа детей-сирот. Правительству республики в годы войны удалось добиться помещения беспризорных детей, находившихся на неоккупированной территории, в детские дома, организовать их патронаж и усыновление. Но с окончанием военных действий в республике вновь начался быстрый рост числа беспризорных детей-сирот. Их устройством занимались созданные еще в 1942 г. специальные комиссии райисполкомов. Государственная помощь этим детям по существу сводилась к элементарному выживанию [12].

В Карелии были организованы новые детские дома, их число увеличилось с 16 с контингентом в 1 149 детей на 1 июля 1944 г. до 27 с контингентом 2 922 ребенка на 1 июля 1946 г. Наряду с этим было патронировано 1 256 детей. Использовалась и такая форма работы, как устройство детей, оставшихся без родителей, на воспитание в семьи трудящихся.

Состояние зданий ряда детских домов было неудовлетворительным, не хватало мебели, матрацев, одеял, кастрюль, чайников. Так, в Соломенском детском доме на 100 детей имелось семь скамеек и 11 табуреток, дети вынуждены были принимать пищу в пять смен. В ряде детских домов (Соломенский, Заозерский, Семеновский и др.) дети спали по двое на койке. Для полного обеспечения детдомов в июне 1945 г. не хватало 1500 одеял, 1500 пальто, 1800 пар валенок [13]. Нормы снабжения детдомов часто нарушались, допускались замена и систематическая задержка выдачи продуктов.

В целях улучшения питания воспитанников в 1945 г. 26 детским домам были выделены земельные участки под посевы зерновых, картофеля и овощей в количестве 49,3 га. В подсобных хозяйствах детдомов имелось 98 голов скота, в том числе 45 коров, девять лошадей, десять свиней, девять овец и коз, 15 голов молодняка, десять птиц [14]. Благодаря этому детские дома в 1945 г. получили дополнительно к установленным государственным нормам питания со своих подсобных хозяйств 121 т картофеля, 53,7 т овощей, 32,5 т зерновых. Кроме того, по постановлению СНК КФССР от 18 сентября 1945 г. на каждого воспитанника и работника детского дома было выделено по 7,5 кг картофеля и овощей на 10 месяцев [15].

Значительную помощь детям, оставшимся без родителей, оказывали предприятия, колхозы, общественные организации. Колхозы Пряжинского района помогли Вешкельскому детдому, выделив пять овец, бычка, зерно. Общественные организации г. Петрозаводска предоставили Соломенскому детскому дому мебель, семена овощей, гвозди. Учреждения и организации г. Кондопоги выделили Кяппесельгскому детдому часть посуды, табуреты, железо и лопаты.

В детских сиротских учреждениях, которые должны были подготовить своих воспитанников к самостоятельной жизни, особое внимание уделялось труду. Дети обслуживали себя, привлекались к посильному труду в подсобном хозяйстве. В некоторых детских домах успешно проходило трудовое обучение воспитанников. В Дубовском детском доме в мастерской обучались 12 воспитанников, которые своими силами отремонтировали мебель. Здесь же мальчики и девочки учились плести корзины. В Заозерском детском доме дети сделали для себя несколько комплектов шашек и домино. Четыре раза в неделю здесь работала швейная мастерская, где девочки обучались пошиву рубашек и наволочек, вязанию чулок из тряпок, вышиванию шторок и салфеток. Кроме того, один раз в неделю работал переплетный кружок, где дети ремонтировали книги. Воспитанники Корбозерского детдома обучались сапожному делу.

Вся система профессионального обучения в детских домах и колониях была ориентирована на рабочие специальности. Государство обеспечивало воспитанникам детских учреждений обязательный образовательный минимум в семь классов, рабочую специальность и гарантированное рабочее место по распределению с предоставлением общежития [16]. Воспитанники детских домов направлялись в ремесленные училища, школы юнг и в техникумы. Только за 1944 г. – первое полугодие 1946 г. этим учебным заведениям республики был передан 461 воспитанник [17].

Острой проблемой оставалась нехватка воспитателей детских домов. Штат воспитателей в октябре 1945 г. был укомплектован на 60%: вместо 274 имелось лишь 164 воспитателя, в том числе всего один человек с высшим образованием, а 72 воспитателя, или 50%, имели образование ниже среднего [18]. Система воспитания и образования в детских учреждениях была унифицирована и не учитывала специфические потребности детей, оставшихся без родителей. Государственная помощь детям-сиротам не компенсировала неравенства их социальных возможностей. Детские дома с их казарменной обстановкой не могли заменить семью [19]. Несмотря на усилия местных органов власти, не всегда удавалось своевременно устроить детей, очутившихся «на улице». По состоянию на 10 мая 1947 г. в республике имелось 1 362 неустроенных ребенка [20]. Однако к началу 1950-х гг. проблема ликвидации беспризорности как массового явления была решена.

Таким образом, в послевоенный период были приняты меры по формированию системы социального обеспечения семьи, поддержанию здоровья женщин и детей, устройству детей-сирот и ликвидации детской беспризорности. В силу тяжелых условий послевоенного времени, нехватки денежных средств и материальных ресурсов, а иногда и недобросовестности ответственных лиц не все проблемы удалось решить, но основные задачи по организации государственной помощи матерям и детям в республике были выполнены. В результате заметно повысилась рождаемость. Если рождаемость в 1944 г. принять за 100%, то в 1945 г. она составила 158%, в 1946 г. – 210, а за 5 месяцев 1947 г. – 142%. В первом полугодии 1949 г. родилось детей в два раза больше, чем за тот же период 1948 г. [21]. Детская смертность в 1948–1950 гг. была в два раза ниже детской смертности в 1940 г. [22].

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Карелия (далее − НАРК). Ф. Р–1394. Оп. 3. Д. 158/1164. Л. 24–26.
2. *Ромашова Н.В.* Исключение из правил: советские детские дома в послевоенное десятилетие // Астафьевские чтения (ноябрь, 2008). Время «Веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь, 2009. С. 278.
3. НАРК. Ф. Р–1394. Оп. 3. Д. 158/1164. Л. 28.
4. Там же.
5. Там же. Л. 31.
6. Там же. Л. 30.
7. Там же. Л. 32.
8. Там же. Л. 33.
9. Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1612. Л. 62.
10. Там же. Д. 1800. Л. 22.
11. Молодой большевик. 1949. 30 июня.
12. *Зезина М.Р.* Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 134.
13. НАРК. Ф. П–8. Оп. 1. Д. 1612. Л. 22.
14. Там же. Л. 21.
15. Там же. Д. 1540. Л. 61.
16. *Зезина М.Р.* Указ соч. С. 135.
17. НАРК. Ф. Р–1394. Оп. 3. Д. 158/1164. Л. 35.
18. Там же. Ф. П–8. Оп. 1. Д. 1462. Л. 121.
19. *Зезина М.Р.* Указ. соч. С. 135.
20. НАРК. Ф. П–8. Оп. 1. Д. 3170. Л. 4–5.
21. Там же. Ф. Р–2796. Оп. 3. Д. 5/39. Л. 95; Д. 41/292. Л. 5.
22. Там же. Д. 41/292. Л. 5.

УДК 94 : 331.522 (470.13-22) "194/195"

*Д.В. Милохин**

Трудовые ресурсы коми колхозной деревни в 1940–1950-е годы**

В статье рассмтривается влияние Великой Отечественной войны и советской аграрной политики на количественные и качественные характеристики населения коми колхозной деревни. Показана динамика изменений демографических показателей села, прежде всего, трудовых ресурсов в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Сделан вывод о том, что мобилизация на фронт мужского населения, а также тяжелые социально-экономические реалии колхозной деревни привели к глубокому демографическому кризису, преодолеть который, несмотря на ряд активных мер во второй половине1950-х гг., так и не удалось.
Ключевые слова: *Советская аграрная политика, Великая Отечественная война, послевоенный период, колхозы, население, трудовые ресурсы села Европейского Севера России в 1940–1950-е-гг.*

D.V. Milokhin

Manpower resources of the Komi collective-farm village in the 1940–1950-s

The influence of the Great Patriotic War and the Soviet agrarian policy on quantitative and qualitative characteristics of the population of the Komi collective-farm village is considered. Dynamics of changes of demographic indicators of village, first of all – manpower resources in days of the Great Patriotic War and the post-war period is shown. The conclusion is made that mobilization of the male population to the front, as well as difficult social and economic realities of collective-farm village have led to deep demographic crisis, to overcome which, despite a number of active measures in the second half of the 1950-s, was not possible.
Key words: *the Soviet agrarian policy, the Great Patriotic War, the post-war period, collective farms, the population, manpower resources of village of the European North of Russia in the 1940–1950-s.*

В настоящее время научную актуальность вновь приобретают вопросы теории и практики модернизации российского общества, особенно проведенной в XX в.*** Именно в данный период, в кратчайшие по историческим меркам сроки, страна вышла на качественно новый уровень развития, преодолев аграрную стадию и перейдя по ряду определяющих показателей на уровень передовых индустриально-развитых обществ.

Исследование «Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, факторы, цели, содержание, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона», проведенное в 2010–2012 гг. коллективом историков Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, существенно продвинуло изучение масштабов и глубины, проходивших в ходе советской модернизации общественно-экономических процессов в регионе. Основной его вывод заключается в том, что результатом модернизации стал значительный социальный прогресс Республики Коми, выраженный в развитии новых отраслей промышленности, транспорта, урбанизации, применении новых технологий хозяйствования, развитии социальной инфраструктуры, изменения качества жизни населения, трансформации политической системы и традиционной культуры. В связи с этим не мог не измениться

* **Милохин Дмитрий Владимирович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, dvmilohin@yandex.ru.
** Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».
*** Так, например, 16–17 мая 2013 г. в Екатеринбурге состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв.», организаторами которой выступили Уральское отделение РАН, Институт истории и археологии и ЦНБ УрО РАН при финансовой поддержке гранта Президента по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации. Были обсуждены такие аспекты модернизационных процессов (и вместе с тем факторы влияния на модернизацию), как региональная динамика, освоение новых территорий, взаимодействие центра и регионов, особенности российского социума, общественно-политическое развитие регионов, культурно-идеологическая палитра российского регионализма.

и демографический облик Республики. Именно в советский период был отмечен наибольший рост числа ее жителей, особенно городского населения, изменение соотношения различных демографических категорий.

Рост населения был обусловлен преимущественно форсированной индустриализацией края, привлекавшей крупные миграционные потоки, формировавшиеся как внутри региона, так за его пределами (не всегда в добровольном порядке). При этом, как это часто бывает, плоды общественного прогресса привлекательны и желанны, однако путь к ним лежит через серьезные социальные сдвиги и потрясения. Так и в случае советской модели модернизации – социальная цена ее была достаточно высока. Прежде всего, это касается судьбы российской деревни в целом и коми деревни в частности, которой была уготована роль основного внутреннего источника необходимых ресурсов для модернизации – людских, материальных, финансовых.

Экономику движут люди, поэтому рабочая сила является одним из ключевых и особенно ценных ресурсов общества – ресурсом незаменимым, критически лимитирующим темпы социального развития. Что представлял из себя данный показатель к началу рассматриваемого периода? К концу 1930-х гг. Коми АССР в демографическом плане представляла собой типичное аграрное общество, в котором сельское население составляет подавляющее большинство. Так, в 1939 г. сельское население Коми АССР составляло 90,9% всех жителей [1]. К концу периода ситуация изменилась с точностью до наоборот – сельские жители из основной категории населения превратились в его меньшинство – уже в 1959 г. они составляли менее половины, точнее, – 40,7% [2]. Необходимо отметить, что этот показатель в Республике в 1939 г. был значительно выше, а в 1959 г. наоборот – стал ниже, чем в целом по Союзу ССР, в котором доля сельских жителей сократилась более плавно и гораздо менее значительно – с 68 до 52%, соответственно [3]. Таким образом, спецификой демографических изменений в Коми АССР стало существенное опережение темпов изменения пропорций между сельским и городским населением, в существенно более высокой степени, нежели в целом по стране. При этом абсолютные цифры числа жителей показывают рост сельского населения Коми АССР за эти же годы на 14,5% – с 291,1 тыс. до 331,8 тыс. чел. [4]. Казалось бы, демографическая динамика крестьянского населения, несмотря на изменение пропорций, выглядит достаточно благополучной.

Однако демографическая картина на селе будет совершенно искажена, если не учесть, что в сельской местности проживало не только крестьянское население. В это время в Коми АССР активно развивается лесная отрасль, что обуславливает активное развитие сети лесозаготовительных поселков, которые к городским населенным пунктам не относились, хотя в них трудились и проживали фактически промышленные рабочие. Таким образом, значительная часть сельского, с точки зрения статистики тех лет, населения аграрным трудом не занималась, работая в лесной индустрии. Собственно крестьянское население, т.е. лица, занятые сельскохозяйственным трудом, в течение предыдущих 1930-х гг. было объединено в колхозы – специфические аграрные предприятия с негосударственной, «колхозно-кооперативной» формой собственности. В настоящей работе мы попытаемся провести анализ демографических изменений в среде населения колхозов Коми АССР.

Если рассматривать демографическую ситуацию в деревне, принимая во внимание лишь население, причастное к аграрному труду – т.е. крестьян (колхозников), то ситуация будет выглядеть совершенно по-иному.

Таблица 1

Наличное население колхозов Коми АССР в 1940–1950-е гг., чел.

Население	**1940 г.**	**1942 г.**	**1944 г.**	**1946 г.**	**1948 г.**	**1950 г.**	**1952 г.**	**1954 г.**	**1956 г.**	**1958 г.**
Наличное население колхозов Коми АССР	179 729	137 008	132 919	126 586	119 425	109 516	105 936	101 232	100 234	98 172
В том числе трудоспособных мужчин	27 322	9 029	6 968	12 769	14 137	15 881	14 262	14 462	16 397	16 734
В том числе трудоспособных женщин	43 708	42 250	39 825	38 205	35 260	34 736	32 718	30 739	28 913	26 730

Источник: НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 38; НАРК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 7, 15, 25, 50, 77, 126 об., 127 об.; НАРК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1954. Л. 2; НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3896. Л. 2; НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3897. Л. 1, 19 об., 43; НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 2; Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Заключительный отчет по теме: «Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975)». Сыктывкар, 1980. Т. 2; Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. С. 33, 36; Сметанин А.Ф. Колхозы, колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941): Дис… канд. истор. наук. Сыктывкар, 1985 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 227, 228.

Анализ данных табл. 1 показывает, что в рассматриваемый период (с 1940 по 1958 г.) темпы снижения численности населения коми колхозной деревни были очень высокими, т.е. всего за восемнадцать лет сокращение составило 45% всего наличного населения. И это при том, что существовавшая паспортная система жестко ограничивала свободу передвижения, в плане выбора места жительства колхозного крестьянства.

Такие беспрецедентные темпы, безусловно, нельзя объяснить естественными причинами. Свое влияние оказали масштабные исторические события тех лет. Не только модернизация стала причиной сокращения населения коми деревни. Процесс обвального крестьянского исхода начала Великая Отечественная война – наиболее резкое сокращение – на 24% (а среди мужчин – более чем в 3 раза) падает на первую половину 1940-х гг.

Вторая мировая война была войной ресурсов, и в долгосрочной перспективе та сторона, у кого их оказывалось больше, выходила победителем. В связи с этим первоочередной задачей стала комплектация вооруженных сил. По Указу Президиума Верховного Совета Союза СССР от 22 июня 1941 г. уже на второй день войны на территории Коми АССР началась массовая мобилизация военнообязанных граждан в Красную Армию и Военно-Морской флот. Были открыты многочисленные призывные пункты. Для организации проведения мобилизации обком ВКП(б) и райкомы партии командировали в колхозы, совхозы и МТС специальных уполномоченных.

По постоянно уточняющимся данным, за годы войны свыше 20 тыс. тружеников коми села пополнили ряды защитников Родины. Только по двум мобилизациям в военные месяцы 1941 г. из семнадцати районов Коми АССР было призвано и отправлено на фронт 10 514 колхозников, т.е. 40% всего трудоспособного мужского населения [5], в том числе 315 председателей колхозов (почти половина всех председателей), 309 счетоводов, 446 бригадиров, 166 человек, заведующих молочно-товарными фермами (МТФ) [6]. В армию ушло 683 работника МТС республики, что составляло 94% механизаторов, имевшихся в МТС на 26 июня 1941 г.

Как показывают данные табл. 1, после окончания войны численность мужского населения начинает увеличиваться со своего минимума в 6968 чел, приходящегося на 1944 г., до 16734 чел. на 1958 г. Однако уровень 1940 г. в 27 322 чел. достигнут не был. Масштабы и последствия данного явления в рассматриваемые годы были столь значительны, что в литературе часто вместо термина «бегство из деревни» употребляют более величественный и даже в какой-то степени библейский – «исход» [7]. Численность наличного колхозного населения Коми АССР за 1946–1958 гг. сократилась на 22,5%, со 126,6 тыс. чел. до 98,2 тыс.*

Продолжение «исхода» после войны можно объяснить перетоком рабочих рук в промышленность, а также ростом пассивного социального протеста против тяжких реалий труда и быта крестьянства в условиях колхозной системы. Он состоял в крайне низком уровне жизни колхозников, его значительном отставании от материального положения рабочих и служащих. Негативное влияние оказывало и униженное социально-правовое положение крестьян. Стремясь избежать экономического и правового гнета в рамках колхозной системы, крестьянство всеми силами пыталось покинуть деревню, или хотя бы изменить свой социальный статус, оставаясь проживать в сельской местности. Так, например, ежегодно из числа наличных трудоспособных работало в лесной промышленности, но проживало в колхозах от 12 600 чел. в 1946 г. (24,7% от всех наличных трудоспособных) до 9 217 чел. в 1958 г. (21,2%) [8]. В среднем по Союзу ССР удельный вес проживавших, но не работавших в артелях, составлял 7–8% ко всему трудоспособному населению коллективных хозяйств [9]. Многие колхозы Коми АССР в рассматриваемый период были обеспечены рабочей силой только на 25–30% от принятых норм [10].

Масштабы легальных, регулируемых государством каналов перераспределения людских ресурсов (организованный набор в промышленность, мобилизация молодежи через систему подготовки трудовых резервов, призыв на военную службу) не могли удовлетворить всех желающих. Ежегодно сотни колхозников покидали деревню без разрешения правлений артелей, т.е. «самовольно». Так, в Сторожевском районе Коми АССР в 1949 г. нелегально выехало из колхозов 43,4% всех ушедших трудоспособных колхозников [11]. Эта проблема была актуальна и для других районов Коми АССР. Например, в решении исполкома Усть-Усинского районного Совета от 14 апреля 1953 г. говорилось: «В целях оказания помощи колхозам района в части возвращения на колхозное производство колхозников самовольно ушедших на работу в учреждения, организации и предприятия .., выявить количество ушедших ... в разрезе колхозов, с указанием места их работы и поставить вопрос перед руководителями учреждений, организаций и предприятий об освобождении их с работы и направлении в распоряжение колхозов» [12].

---

* Данные о численности наличного населения колхозов на конец 1958 г. расходятся. Коллектив авторов ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН приводит цифру 82,4 тыс. чел. В таком случае убыль сельского населения за 1946–1958 гг. составляет 35%. См.: Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975) // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 33. Такая же цифра приводится в публикации: Безнина М.А. и Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 89.

В условиях Коми АССР ушедшие крестьяне стремились попасть главным образом в лесозаготовительную промышленность. Кроме того, они перемещались в транспортные, строительные и другие организации. Работа в лесной промышленности привлекала относительно высоким заработком и тем, что поступающему на работу выплачивалось единовременное безвозвратное пособие – 150 руб. за один год контракта, а также проводилось авансирование в размере 500 руб. за один год контракта, оплачивалась стоимость проезда к месту работы всей семьи и суточные, предоставлялось общежитие, бесплатное обучение специальностям [13].

Масштабы данного перемещения были весьма велики – с 1946 до 1952 г. свыше 10 тыс. колхозников республики выбыло в постоянные кадры промышленности. Постепенно этот процесс сокращался. Начиная с 1953 г. и до конца 1958 г. число колхозников, выбывших по восстановленной после войны системе оргнабора в промышленность, составило всего 1318 чел. [14]. Этому способствовала и реализация Постановления Совета Министров СССР от 28 ноября 1951 г. «Об упорядочении проведения организованного набора рабочих в колхозах», согласно которому предприятиям запрещалось принимать на работу колхозников без соответствующего на то разрешения со стороны правлений [15].

Наибольшему сокращению за период 1946–1958 гг. подверглась категория подростков от 12 до 16 лет, соответственно, с 15,5 тыс. чел. до 4,9 тыс., или более чем в три раза (табл. 2).

Таблица 2

Число подростков от 12 до 16 лет в колхозах Коми АССР

Показатель	**1940 г.**	**1942 г.**	**1944 г.**	**1946 г.**	**1948 г.**	**1950 г.**	**1952 г.**	**1954 г.**	**1956 г.**	**1958 г.**
Число подростков от 12 до 16 лет	17 466	14 317	16 269	14 650	12 630	11 928	10 328	9 700	6 960	4 611

Источники: НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 38; Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 7, 15, 25, 50, 77, 126 об., 127 об.; Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1954. Л. 2; Там же. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3896. Л. 2; Там же. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3897. Л. 1, 19 об., 43; Там же. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 2; Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Заключительный отчет по теме «Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975)». Т. 2. Сыктывкар, 1980 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. С. 33, 36; Сметанин А.Ф. Колхозы, колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941): Дис. ... канд. истор. наук. Сыктывкар, 1985 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 227, 228.

Столь сокрушительное сокращение численности подростков на 10,6 тыс. чел. было вызвано во многом увеличением набора в ремесленные училища и школы ФЗО (фабрично-заводского обучения), которые комплектовались в значительной степени за счет сельской молодежи. Например, за период 1940–1949 гг. в ремесленные училища и школы ФЗО было направлено из колхозов 14 620 юношей и девушек [16]. С другой стороны, на данный процесс влияло уменьшение рождаемости в военное время, 12–16 летние – это дети войны [17].

Большая часть молодежи призывного возраста, отслужив в армии, вовсе не стремилось вернуться в «родные» колхозы. Имея на руках военный билет, они могли легко получить паспорт. Демобилизованные пользовались преимуществом при поступлении в учебные заведения, а также при приеме на работу, чем не упускали случая воспользоваться. «Невозвращенцы» стали столь распространенным социальным явлением села, что в 1954 г. депутат Верховного Совета Коми АССР М.В. Помыслов от Лоемского избирательного округа поставил перед Советом Министров Коми АССР вопрос о необходимости принятия особых мер для возвращения отслуживших солдат из Советской армии в свои колхозы, откуда они были мобилизованы [18].

С 1953 г. значительная часть колхозного крестьянства пополнила ряды сельскохозяйственных рабочих. Это было связано с тем, что, согласно принятому партией и Правительством решению, механизаторские кадры МТС, ранее имевшие статус сезонных рабочих, членов коллективных хозяйств, переходили в штат машинно-тракторных станций. С этого момента они пользовались теми же социальными гарантиями, что и рабочий класс (государственное пенсионное обеспечение и т.д.). Естественно, что это стало стимулом для колхозного крестьянства Коми АССР. Так, среднегодовая численность работников совхозов и МТС республики увеличилась в 1955 г. на 71% в сравнении с 1953 г. [19].

Процесс «исхода» крестьян из деревни самым негативным образом отражался на состоянии трудовых ресурсов колхозов Коми АССР, а, следовательно, и на всем сельскохозяйственном производстве. Республиканские хозяйственные органы в 1946 г. отмечали, что в колхозах распространено «затягивание полевых работ и несоблюдение лучших агротехнических сроков. Так, весновспашка затянулась до 1 июля, подъем паров – до 1 августа, уборка комбайнами зерновых – до 1 октября и т.д.» [20]. В докладной записке Коми областного комитета ВКП(б) в ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Маленкова от 13 января 1949 г. отмечалось, что в республике «основными причинами отставания сельского хозяйства в колхозах являются острый недостаток рабочей силы и плохая техническая оснащенность МТС и колхозов тракторами и сельхозмашинами». Далее сообща-

лось, что «из года в год сокращается количество колхозных дворов, если в 1940 г. было 51 285 колхозных дворов, то в настоящее время осталось 40 707. Количество взрослых трудоспособных колхозников уменьшилось с 82 тыс. до 41,3 тыс. чел. В то же время число рабочих и служащих (без лагерей МВД) увеличилось с 52 280 до 109 850 чел. ... за последние годы большое количество трудоспособных колхозников и рабочих лошадей колхозов привлекается на осенне-зимний сезон лесозаготовок и сплавные работы. Если в 1940 г. при наличии в колхозах 82 тыс. трудоспособных колхозников привлекалось на лесозаготовки до 10 тыс., то в настоящее время из 41 тыс. трудоспособных колхозников привлекается 18 тыс. человек. Кроме того, на обслуживании лесозаготовок (подвозка фуража, продовольствия и уход за лошадьми) работают до 4 тыс. чел. На сезонной охоте, рыбной ловле, в различных геологоразведочных партиях и перевозке почты ежегодно занято до 5 тыс. колхозников. Таким образом, свыше 26 тыс. чел., т. е. 65% ежегодно с октября по апрель месяц на колхозном производстве не участвуют. Весной и летом на сплаве леса также работают до 8 тыс. трудоспособных колхозников. В осенне-зимний и весенний периоды в колхозах остается только 15 тыс. человек трудоспособного населения, тогда как по нормам, установленным Советом Министров СССР постановлением от 19 апреля 1948 г., на обслуживание одного лишь животноводства, вместе с оленеводством, требуется минимум 12 тыс. человек. В виду острого недостатка рабочей силы в большинстве колхозов за одной скотницей закреплено 16–20 коров, а за конюхом 15–20 рабочих лошадей, а работники, кроме ухода за скотом, должны подвозить корма, воду, дрова, вывозить навоз и убирать помещения [21]... Все это привело к тому, что за последние годы колхозы не справляются с выполнением важнейших сельскохозяйственных работ, затягивают весенний и озимый сев, упрощают агротехнику, допускают большие потери урожая, не обеспечивают сбора необходимого количества кормов. Колхозы крайне недостаточно занимаются строительством полеводческих построек и животноводческих помещений» [22] и «хотя производительность труда колхозников по сравнению с довоенным годом увеличилась на 15% и значительно больше привлекаются к сельскохозяйственным работам нетрудоспособные колхозники и подростки, однако количество трудодней, выработанных всеми колхозниками в 1947 г., в сравнении с 1940 г. уменьшилось на 4,3 млн. трудодней, или на 28%» [23].

Необходимо отметить, что ситуация с обеспеченностью трудовыми ресурсами колхозов была несколько смягчена после реформ 1953 г., когда, благодаря государственной поддержке в деле «повышения материальной заинтересованности» колхозников в результатах своего труда, работа в «общественном хозяйстве» стала более социально-привлекательной. В период с 1953 по 1958 г. наблюдался непрерывный приток в колхозы Коми АССР наиболее дееспособной категории работников – взрослых мужчин с 8,7 тыс. чел. до 11,2 тыс. (табл. 1). В 1958 г. председатель колхоза «Заря коммунизма» Сыктывдинского района И. Данилов со страниц печати сообщал, что «многие колхозники возвратились в артель. На сельскохозяйственном производстве остаются юноши и девушки. Это отрадное явление. Но молодежи в колхозе пока мало» [24].

Бегство было характерным явлением не только для рядовых колхозников, но и для более высоко стоящей профессиональной группы – механизаторов. Хозяйственные органы отмечали следующие причины плохой работы МТС: «текучесть кадров, плохой ремонт машин, низкая трудовая дисциплина» [25] (простои, перерасход топлива и т.д.). Также отмечалось, что «в системе МТС Коми АССР ощущается большой недостаток и текучесть всех механизаторских кадров. При том, что с 1948–1951 гг. (за 4 года) через школы механизации при МТС прошло 11900 человек, так, что должно быть 1700 чел., однако фактически имеется только 836 чел., потому что за то же время ушло из МТС более 600 чел... ежегодно происходит почти полная сменяемость трактористов из-за материальной незаинтересованности их в работе МТС)... низкое материальное положение приводит к тому, что механизаторы под всякими предлогами стараются уйти из МТС и поступить в лесные хозяйства, так как оплата труда в лесозаготовительных организациях значительно выше» [26]. Потребность в кадрах механизаторов по Коми АССР на 01.01.53 г. составляла: трактористов гусеничных тракторов – 920 чел. (имелось 473 чел.), трактористов колесных тракторов – 702 чел. (имелось 345 чел.), бригадиров тракторных бригад – 198 чел. (имелось 133 чел.), комбайнеров – 158 чел. (имелось 90 чел.), механиков – 129 чел. (имелось 105 чел.), заправщиков требовалось 212 чел. (имелось 106 чел.) [27].

Таким образом, феномен сверхвысокой убыли сельского населения Коми АССР в 1940–1950-е гг. можно объяснить следующими тремя факторами: мобилизация в период Великой Отечественной войны мужского населения в армию и флот, переток рабочей силы в растущую промышленность, прежде всего, на лесозаготовки, и, наконец, рост пассивного социального протеста в виде бегства из деревни против тяжких условий колхозной системы.

Охранительные меры со стороны государства (паспортная система) распространялись лишь на третью причину, в первых двух случаях наоборот – исход стимулировался. В силу этого процесс интенсивного сокращения численности коми колхозного крестьянства в рассматриваемые годы шел непрерывно. Пик бегства пришелся на конец 1940-х – начало 1950-х гг. – период системного кризиса колхозной деревни, истощения ее ресурсов.

Источники и литература

1. Коми АССР 60 лет. Статистический сборник. Сыктывкар, 1981. С. 4.

2. Коми АССР за 40 лет. Статистический сборник. Сыктывкар, 1961. С. 28.

3. Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980. С. 3.

4. *Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П.* Население республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. С. 192.

5. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3487. Л. 5.

6. НАРК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

7. *Димони Т. М.* Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (На материалах Европейского Севера России): Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Вологда, 1996. С. 10.

8. *Александров А.Н. Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др.* Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975) // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 34.

9. История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4. С. 281.

10. НАРК. Хран.2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 609. Л. 48.

11. *Димони Т.М.* Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (На материалах Европейского Севера России): Автореф. на соиск. уч. степ. канд. исторических наук. Вологда, 1996. С. 11.

12. НАРК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 359. Л. 106.

13. Красное знамя. 1955. 28 авг.

14. *Александров А.Н. Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др.* Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975) // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 33.

15. Российский государственный архив экономики. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 208.

16. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 609. Л. 47.

17. *Александров А.Н. Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др.* Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975) // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 34.

18. НАРК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 372. Л. 2.

19. *Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др.* Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975) // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 34.

20. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2681. Л. 47.

21. НАРК. Хран.2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 609. Л. 48.

22. НАРК. Хран.2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 609. Л. 50.

23. НАРК. Хран.2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 609. Л. 49.

24. Красное знамя. 1958. 15 фев.

25. НАРК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 1244. Л. 266.

26. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3846. Л. 33 об.

27. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3846. Л. 39, 40.

УДК 314.148 : 325.111 (571.1-21) "196/198"

*О.Б. Дашинамжилов**

Историко-демографическое исследование развития больших городов Западной Сибири в 1959–1989 годах**

Главной целью статьи являются анализ демографического развития больших городов Западной Сибири в 1960–1980-е гг. и определение основных факторов, влияющих на динамику их количественного состава и численность жителей. Обнаружены и охарактеризованы отличительные черты становления сети городских населенных пунктов. В центре внимания автора оказались специфика роста населения крупных городов в отдельные межпереписные периоды, процессы народонаселения в каждом крупном городе, в том числе в индустриальных и административных центрах.
Ключевые слова: *Западная Сибирь, урбанизация, регион, городское население, большой город, экономика.*

O.B. Dashinamzhilov

Historical demographic research of Western Siberian cities development in 1959–1989-s

Analysis of Western Siberian cities demographic development in 1960–1980-s and definition of the main factors that impact on dynamics of urban quantitative composition and number of urban inhabitants are the main purpose of the article. Distinctive features of the urban settlements' net formation are discovered and characterized. The author focuses on specifics of the cities' population development at particular intercensal periods, and on demographic dynamics of each city, including industrial and administrative centers.
Key words: *Western Siberia, urbanization, region, urban population, city, economics.*

В исследуемый период в крупных городах страны оказалась сосредоточена большая часть городского населения и народнохозяйственного потенциала, который представлен в основном отраслями, определяющими научно-технический прогресс и специализацию того или иного экономического района. В этой связи представляется интересным рассмотреть особенности демографического роста больших городов Западной Сибири в условиях интенсивного социально-экономического развития восточных районов страны в 1960–1980-е гг. Научная новизна статьи состоит в том, что эта одна из первых попыток историко-демографического исследования динамики количественного состава и численности жителей крупных городов в этот период. Источниковую базу исследования составили материалы Всесоюзных переписей и текущего учета населения.

В городском расселении Западной Сибири большие города традиционно играли весомую роль. Еще до войны, согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., их общий удельный вес в городском населении достиг 53,9% (в РСФСР – 50,6%) [1]. За годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановительного периода доля данной категории по России в целом увеличилась всего на несколько десятых процентных пункта (до 51,0%), тогда как в исследуемом экономическом районе – до 66,9%, т. е. на гораздо большую величину***.

В предвоенный период система категориального распределения населенных пунктов, несмотря на некоторый перекос в сторону больших и средних городов, выглядела относительно сбалансировано и не слишком отличалась от такового в целом по республике. Великая Отечественная война и эвакуация многочисленных предприятий довольно сильно изменили хозяйственную структуру экономического района. Перемещение сотен крупных заводов оборонного значения многократно увеличило индустриальную мощь Западной Сибири. Так, за 10 лет (1940–1950 гг.) валовая продукция ее промышленности (включая Курганскую область) увеличилась на 314,0%, тогда как в Восточной Сибири (без Тувинской АССР, включая Якутскую АССР) – на 198,0, на Урале – на 292,0, Дальнем Востоке – только на 163,0% (в РСФСР в целом – на 175,0%). По этому показателю экономический район занял лидирующие позиции в республике [2].

* **Дашинамжилов Одон Борисович** (Новосибирск) – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории Сибирского отделения РАН, Odon@bk.ru.
** Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект №14-28-00045.
*** К большим (крупным) городам отнесены городские населенные пункты с населением 100,0 тыс. чел. и выше.

При этом в условиях военного времени восстановить прежние технологические циклы и выдавать нужную продукцию требовалось в сжатые сроки. Для этого было важно, чтобы на месте эвакуации уже существовали определенная производственная инфраструктура и обученные кадры. В восточных районах страны фактически только крупные и средние города обладали вышеперечисленными условиями и в конечном счете приняли у себя наибольшее количество предприятий. Таким образом, сильно возросший за 1939–1959 гг. демографический вес больших городов в Западной Сибири имел под собой прочную экономическую основу.

Таблица 1

Динамика численности жителей и удельного веса больших городов в населении в 1959–1989 гг.

1959 г.			
Территория	Количество городов	Численность населения	Доля в городском населении (экономического района, области)
РСФСР	92	31678,0	51,0
Западная Сибирь	14	3849,7	66,9
1970			
РСФСР	124	46564,0	57,5
Западная Сибирь	14	4988,3	67,1
1979			
РСФСР	154	58754,9	61,6
Западная Сибирь	16	5973,5	68,1
1989			
РСФСР	165	67360,7	62,4
Западная Сибирь	16	6958,0	63,7

** Источники: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 38, 39, 46, 47, 50, 54; Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М., 1970. С. 24, 25, 30–33, 36, 39, 40; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. С. 46, 47, 58, 59, 64, 65, 66–69; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 62, 63, 118–125.*

Рассмотрим динамику роста численности населения крупных городов в отдельные межпереписные периоды. Исследовательский анализ данных табл. 1 показывает, что в 1959–1970 гг. численность и доля этой категории в городском населении почти не увеличились. По республике в целом наоборот количество и процентный вклад больших городов довольно значительно возросли. Историческая специфика западносибирских регионов состояла в том, что в этот период когорта малых городских поселений пополнилась большим количеством поселков городского типа, количество которых увеличилась сразу на 40,6% (в РСФСР – на 20,2%), что привело к опережающему росту численности населения последних. За межпереписной период в Западной Сибири также почти в два раза повысилась доля средних городов (с 2,1 до 4,2%), тогда как в РСФСР она снизилась (с 11,3 до 9,8%). В результате, если в целом по Российской Федерации количество жителей больших городов возросло на 47,0%, то в Западной Сибири – только на 29,6% (табл. 2).

В 1970–1979 гг. численность населения малых городов и поселков городского типа увеличилась в Западной Сибири, также как и в РСФСР только на 3,9%. Вместе с тем удельный вес средних городов вновь повысился до 6,6% (в РСФСР снизился до 9,5%). Население больших городов в Западной Сибири выросло только на 19,8%, тогда как по республике – на 26,2%. Доля больших городов хотя и повысилась, но по-прежнему на меньшую величину, чем по России.

Последующий межпереписной период (1979–1989 гг.) характеризуется определенными качественными сдвигами в демографическом развитии разных категорий городских населенных пунктов. В РСФСР приостановилось снижение процентного вклада малых городских поселений, а у средних даже наметилось некоторое повышение. Интенсивность роста доли больших городов в населении в сравнении с предшествующим двадцатилетием существенно упала (табл. 1). В Западной Сибири новые тенденции проявились еще сильнее: доля малых городов и пгт впервые за два десятилетия увеличилась (на 0,5%), доля средних достигла 10,5%, а процентный вклад больших городов в конечном итоге даже сократился.

Таким образом, за три десятилетия экономического роста в структуре городского расселения Западной Сибири значение крупных городов несколько снизилось. Так, их количественный состав увеличился только на две единицы (с 14 до 16), население – в 1,8 раза, а удельный вес упал с 66,9 до 63,7%. В то время как в РСФСР роль крупных городов увеличилась существеннее. Их количественный состав возрос с 92 до 165 (+79,3%), численность жителей повысилась в 2,1 раза, а доля в городском населении – с 51,0 до 62,4%.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что отличительной чертой демографического развития больших городов Западной Сибири являлись низкие, по сравнению с РСФСР масштабы роста численности жителей (табл. 2).

Таблица 2

Динамика роста численности жителей больших городов и всего населения в целом Западной Сибири в 1959–1989 гг., %

Территория	1959–1970 гг.	1970–1979 гг.	1979–1989 гг.	1959–1989 гг.
РСФСР	+31,4	+17,8	+13,2	+75,2
Западная Сибирь	+29,8	+18,0	+24,5	+90,7
РСФСР, большие города	+47,0	+26,2	+14,6	+112,6
Западная Сибирь, большие города	+29,6	+19,8	+16,5	+80,7

** Источники: См. источники к табл. 1.*

Для того чтобы понять сложившиеся особенности процессов народонаселения, рассмотрим демографическую динамику каждого большого города в исследуемый период. Значительное число из них представляли собой типичные индустриальные центры. В отличие от «столиц» регионов формирование их социально-культурной сферы – учреждений здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства происходило с запозданием. Ниже были масштабы жилищного строительства, обороты розничной торговли, менее развитыми являлись транспорт и связь. В годы ВОВ в эти города эвакуировалось немало заводов, но все же меньше, чем в административные центры. К тому же они отличались менее выгодным географическим расположением, в частности, некоторой удаленностью от магистральных транспортных путей. Именно поэтому рост численности местного населения происходил более низкими темпами. Не следует сбрасывать со счетов также и меньшую «имиджевую» привлекательность таких городов по сравнению с административными центрами краев и областей.

В целом количество жителей индустриальных городов, к которым нами были отнесены Анжеро-Судженск, Белово, Бийск, Киселевск, Ленинск-Кузнецкий, Междуреченск, Нижневартовск, Новокузнецк, Сургут, Прокопьевск, Рубцовск увеличилось за 30 лет на 62,4%*. Особенно быстрый демографический рост был отмечен в Нижневартовске и Сургуте, где население буквально за одно десятилетие увеличилось более чем в два раза [3]. Заметным численным ростом городских контингентов за 1959–1989 гг. отметились Бийск и Новокузнецк (на 59,3%), а также Рубцовск (на 54,3%). Вместе с тем в городах, предприятия которых специализировались на угольной отрасли, развивающейся в этот период невысокими темпами, население даже сократилось: в Прокопьевске – на 2,9%, Киселевске – на 2,0%, Анжеро-Судженске – на 6,6%, а Белово – вообще выпал из этой категории. Только в Ленинск-Кузнецком население увеличилось в основном благодаря присоединению в 1985 г. к нему г. Полысаево [4].

Вторую важнейшую группу крупных городов образовали административные центры регионов Западной Сибири – Барнаул, Кемерово, Новосибирск, Омск, Томск и Тюмень. Систему этих городов как раз можно назвать «опорным каркасом» городского расселения экономического района. Большинство из них располагались на ведущих магистральных железнодорожных путях Западной Сибири, прежде всего, на Транссибе, отличались удобным территориально-географическим положением, являлись крупными транспортными узлами. Статус административных центров наделял их особыми экономическими преимуществами. Эти города первыми получали инвестиции для своего хозяйственного развития, становясь фокусами экономического притяжения для своих регионов. На их территории в первую очередь размещались предприятия союзного значения, в частности, именно в них была перевезена основная часть эвакуированного оборудования в годы ВОВ. Значительно быстрее, чем в остальных городах, у них формировались учреждения социально-культурной сферы. Как следствие, в областных (краевых или республиканских) центрах существовало больше возможностей для приложения труда.

За тридцать лет численность жителей административных центров повысилась на 91,3%. Особенно заметный (трехкратный) демографический рост был отмечен в Тюмени – столице стремительно индустриально растущего нефтегазоносного региона. Значительное повышение численности населения было отмечено также в Томске (+101,7%), Омске (+97,6%), Барнауле (+96,2%) и Кемерово (+87,4%). Несколько меньший рост оказался в Новосибирске (+62,3%).

Как можно видеть, процесс повышения численности жителей больших городов протекал достаточно интенсивно. Вместе с тем, свою роль сыграли и особенности развития крупных индустриальных городов,

* Расчеты были произведены с учетом того, что Нижневартовск и Сургут вошли в состав больших городов в 1979 г., Междуреченск – в 1983 г., а Белово выпал из этой категории в 1989 г.

не входящих в категорию административных центров. Снижение доли капиталовложений, направляемых в угольную промышленность, и падение ее значения в народнохозяйственном комплексе страны способствовали резкому сокращению притока мигрантов в большие города, предприятия которых входили в состав отрасли. Наоборот, большинство «угольных» городов в миграционном обмене стали терять свое население. Совокупная расчетная механическая убыль из этих городов в 1959–1970 гг. достигла 123,6 тыс. чел., в 1970–1979 гг. – 49,3 тыс. чел. и только в 1979–1989 гг. был отмечен небольшой прирост – 14,0 тыс. чел.

Важнейшей причиной обнаруженной специфики исторического генезиса больших городов являлся также недостаток средних городских поселений. Быстрый рост численности населения в городах, куда было в годы ВОВ перемещено значительное количество предприятий, привел к тому, что за 1939–1959 гг. все средние города (Тюмень, Бийск, Ленинск-Кузнецкий и Анжеро-Судженск) и даже несколько малых (Белово, Киселевск, Рубцовск) перешли в разряд крупных. В то же время в большинстве малых городов, слабо затронутых эвакуационными мероприятиями, население выросло незначительно, и они остались в прежней категории. Именно поэтому в Западной Сибири к концу 1950-х гг. было зафиксировано только два средних города – Осинники и Междуреченск. В результате возник дефицит средних городов, который объективно ограничил возможности дальнейшего повышения численности и населения крупных. В то время как в европейской части страны густая городская сеть и сравнительно высокая в начале исследуемого периода доля средних городов создавали хорошие предпосылки для их демографического развития.

Еще одной важной причиной снижения темпов роста больших городов стало формирование ЗСНГК, благодаря которому миграционные потоки частично были перенаправлены в северные районы Тюменской и Томской областей, где возникло множество новых городских населенных пунктов. Так, например, если в 1959–1970-е гг. по нашим подсчетам на большие города приходилось 65,4% совокупного механического прироста городского населения Западной Сибири, в 1970–1979 гг. – 49,0%, то в 1979–1989 гг. – только 35,4%. И, наконец, проводимая на центральном уровне политика искусственного сдерживания повышения экономического потенциала перегруженных индустриальными производствами крупных городов, прежде всего, Новосибирска, позволила до некоторой степени рассредоточить промышленный комплекс Западной Сибири, что также отразилось на их демографическом развитии.

В заключении следует сказать о том, что процессы народонаселения в больших городах западносибирских регионов протекали со своими особенностями. Ряд объективных причин, в том числе недостаточные темпы экономического развития отдельных городов, малое число средних городских поселений, трансформация миграционных потоков, способствовали замедленным темпам роста численности их населения в изучаемый период.

Источники и литература

1. Подсчитано по: *Московский А.С., Исупов В.А.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. С. 33, 145.

2. Народное хозяйство РСФСР в 1958 г. Стат. ежегодн. М.: Госстатиздат, 1959. С. 63, 64.

3. Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Стат. сб. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. С. 226.

4. Города Кузбасса. Т. 1. Новосибирск: «Масс-Медиа-Центр», 2002. С. 182.

УДК 331.526-055.2-057.86 (470.13) "197/198"

*Н.П. Безносова**

Образовательный уровень и трудовая занятость женщин в отдельных отраслях народного хозяйства Коми АССР в 1970–1980-е годы**

В предлагаемой статье на основании данных статистики и архивных источников показан значительный рост уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки женских кадров в Республике Коми в 1970–1980-е гг. Автор указывает на высокую степень вовлеченности женщин в общественное производство и на «феминизацию» некоторых отраслей народного хозяйства, в частности сферы образования и здравоохранения.
Ключевые слова: *Республика Коми, образовательный уровень, занятость женщин, 1970–1980-е гг.*

N.P. Beznosova

Education and employment of women in certain sectors of the economy of the Komi ASSR in 1970–1980-ies

The proposed article on the basis of the data of statistics and archival sources shows significant growth in the level of general education and vocational training of women cadres in the Komi Republic in 1970–1980-ies. The author points to a high degree of involvement of women in social production and the "feminization" of some sectors of the economy, in particular education and health.
Key words: *Komi Republic, educational level, employment of women, 1970–1980-ies.*

В современную российскую историографию семидесятые и первая половина восьмидесятых годов XX в. вошли как период стагнации или застоя, что, на наш взгляд, является не вполне справедливым. Еще в меньшей степени этот термин употребим в отношении сферы образования тех лет. Конец 1960-х гг. стал в СССР и экономически развитых странах мира временем перехода к новой эпохе, которая в Советском Союзе получила название научно-технической революции (НТР). Одним из основных элементов НТР стала «образовательная революция» рубежа 1960–1970-х гг., которой, в свою очередь, предшествовали перемены, начатые в конце 1950-х гг., когда в СССР был осуществлен переход на всеобщее восьмилетнее обучение (реформа происходила путем трансформации 7-летних школ в 8-летние). К 1970 г. в стране в основном было завершено осуществление обязательного восьмилетнего обучения, начался переход школы к обязательному всеобщему среднему образованию. Это означало возможность получения бесплатного полного среднего образования в рамках десятилетней школы для всех граждан государства. В начале 1970-х гг. был принят также целый пакет законодательных актов о совершенствовании профессионально-технического, среднего специального и высшего образования в СССР. В эти годы резко возрастает роль образования в профессиональном самоопределении молодежи на рынке труда. В стране, где отсутствовала частная собственность, а труд считался «материальной и моральной обязанностью», именно профессия определяла место человека в обществе.

Наиболее активными участниками социально-образовательного «восхождения» в эти годы оказалась женская половина населения. И семья, и школа ориентировали девушек на получение более высокого образования и приобретение профессии служащих, считавшихся более престижными и предпочтительными по сравнению с тяжелым индустриальным или сельскохозяйственным трудом. В итоге за рассматриваемый период образовательный уровень мужского и женского населения не только выровнялся, но по некоторым образовательным параметрам женщины даже превзошли мужчин, особенно среди работающего населения. В частности, среди специалистов с высшим образованием в 1979 г. удельный вес женщин составлял 50,2%, в 1989 г. – 53%, со средним специальным соответственно – 58,9 и 59,3% [1]. Как следует из табл. 1 темпы роста образовательного уровня у мужчин были в 1970-е гг. выше, чем у женщин: за девять лет число лиц

* **Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) − научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, nbeznosova@mail.ru.
** Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

с высшим и средним образованием на 1000 чел. увеличилось у работающих мужчин на 164 чел., у работающих женщин – на 153 чел., в то время как в 1980-е гг., напротив, они были выше у женщин и за 1979–1989 гг. увеличение составило соответственно 93 и 98 чел. В результате в 1979 г. доля лиц с высшим и средним образованием среди работающих мужчин и женщин стала практически одинаковой, а к 1989 г. женщины по этому показателю опередили мужчин. Особенно заметным было различие в образовательном уровне мужчин и женщин в группе имевших законченное высшее образование, где женщины значительно обогнали мужчин. Так, в 1979 г. на 1000 мужчин имели высшее образование 54 чел., в 1989 г. – 73 чел., в то время как у женщин этот показатель равнялся соответственно 57 и 87. Среди занятого населения разрыв был еще более заметным – 68 и 92 у мужчин и 83 и 126 у женщин. Если же брать в целом группу населения в возрасте 10 лет и старше, то здесь первенство оставалось за мужчинами: в 1970 г. доля лиц с высшим и средним образованием составляла у мужчин 566‰, у женщин – 515‰, в 1979 г. – соответственно 755 и 681, в 1989 г. – 819 и 757. Образовательный уровень женщин в городе был выше, чем у сельских жительниц. В 1989 г. из каждой 1000 горожанок высшее образование имели 92, среднее специальное – 229, общее среднее – 238, неполное среднее – 159, в то время как в селе соответственно 45; 180; 160; 203 [2].

Таблица 1

Образовательный уровень мужчин и женщин в Коми АССР в 1970, 1979, 1989 гг.

Показатели	На 1000 чел. соответствующего пола приходится лиц с образованием					
	высшим и средним (полным и неполным)		законченным высшим		средним (полным и неполным)	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Все население (в возрасте 10 лет и старше)						
1970 г.	566	515	31	31	527	476
1979 г.	755	681	54	57	691	613
1989 г.	819	757	73	87	746	670
Занятое население						
1970 г.	681	691	40	48	631	633
1979 г.	845	844	68	83	769	752
1989 г.	938	942	92	126	846	816

Источник: НАРК. Ф. 140. Оп. 4. Д. 2949. Л. 69; Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР. Сыктывкар. 1990. С. 39.

В силу специализации народно-хозяйственного комплекса республики на добывающих отраслях промышленности большая часть работающего населения Коми АССР была занята преимущественно физическим трудом. Доля женщин, занятых в народном хозяйстве республики постоянно возрастала. В 1979 и 1989 гг. женщины составляли 45,1% всего занятого населения (для сравнения: в 1970 г. – 45,0 %, в 1959 г. – 39,2%). В 1979 г. из общей численности женщин, занятых в общественном производстве 184,1 тыс., или 62%, работали в отраслях материального производства, из них 62,6 тыс. – в промышленности, 23,6 тыс. – в строительстве, 16,4 тыс. в сельском и лесном хозяйстве, 28,3 тыс. – на транспорте и в связи, 51,0 тыс. – в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте. Широкому применению женского труда способствовал рост механизации и автоматизации производства, который освобождал от тяжелой физической работы. Улучшение условий труда, бытового обслуживания, развитие сети детских дошкольных учреждений позволяло дополнительно вовлечь в общественное производство тысячи женщин. Среди занятых женщин наиболее многочисленную группу составляли лица в возрасте 20–49 лет (83% от числа всех работающих женщин) (табл. 2). На долю женщин до 20 лет приходилось 5% занятых женщин, в возрасте 50–54 года – 8%, 55 лет и старше – 3% [3].

Таблица 2

Возрастная структура женщин занятых физическим и умственным трудом в Коми АССР в 1979 г.

Показатели	На 1000 чел. соответствующих групп женщин имеют возраст			
	до 20 лет	20–49 лет	50–54 лет	55 лет и старше
Все занятое женское население	52	832	83	33
Занятое преимущественно: физическим трудом	70	786	99	45
умственным трудом	24	901	59	16

Источник: НАРК. Ф. Р.–140. Оп. 4. Д. 2949. Л. 92.

Среди работающих молодых женщин преобладали занятые физическим трудом, прежде всего в таких отраслях, как машиностроение, лесная и деревообрабатывающая, химическая, швейная промышленность, связь, торговля и общественное питание. Лица пенсионного возраста были заняты в основном в сфере об-

служивания населения [4]. Из числа занятых преимущественно физическим трудом большой удельный вес женщин был среди швейников, птицеводов, работников торговли и общественного питания, связи, коммунальных служб и бытового обслуживания населения. Выделяется ряд занятий, где удельный вес женщин превышал 80–90% общей численности работающих по этой специальности. Так, в 1979 г. среди текстильщиков женщины составляли 80,9%, полиграфов – 86,7, работников коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения – 87,5, швейников – 89,8, работников связи – 90,5, пищевиков – 90,9, кондукторов – 96,1, работников торговли и общественного питания – 96,5, доярок – 97,5, санитарок и нянь – 98,8% [5].

В связи с опережающими темпами роста образовательного уровня женского населения увеличивалось число женщин занятых преимущественно умственным трудом и соответственно сокращалось их количество в сфере физического труда. За 1970–1979 гг. удельный вес женщин, занятых преимущественно физическим трудом, в составе работающего женского населения сократился с 62,4 до 60,0%. К концу 1970-х гг. разрыв между мужчинами и женщинами, занятыми преимущественно умственным трудом, в пользу женщин стал еще более существенным. Если в 1970 г. этот показатель у мужчин составлял 18,8%, то в 1979 г. он уменьшился до 18,1%, в то время как у женщин аналогичный показатель увеличился с 37,6 до 40,1%. (табл. 3).

Таблица 3

Распределение мужского и женского населения Коми АССР по категориям занятости в 1970 и 1979 гг.

Население	В % к общему числу занятых соответствующего пола			
	Занятые преимущественно физическим трудом		Занятые преимущественно умственным трудом	
	1970 г.	1979 г.	1970 г.	1979 г.
Все занятое население	72,7	72,0	27,3	28,0
Мужчины	81,2	81,9	18,8	18,1
Женщины	62,4	60,0	37,6	40,1

Источник: НАРК. Ф. Р.–140. Оп. 4. Д. 2949. Л. 93.

Если высшее техническое и среднее профессиональное образование, ориентированное на труд в материальном производстве, осталось за мужчинами, то многие отрасли, особенно непроизводственной сферы, отчетливо феминизировались, в частности такие, как образование, здравоохранение и др. Так, на начало 1985/1986 учебного года в составе директоров начальных школ женщины составляли 100%, директоров 8-летних школ – 76%, директоров средних школ – 64%, среди учителей дневных общеобразовательных школ 1–3 классов почти 100% (99,8%), 4–10 классов – 91,2%, учителей музыки, пения, рисования, черчения, физкультуры, труда – 54% [6]. Женский труд преобладал среди медицинских работников на 90%, в том числе среди врачей женщин было 68%, фельдшеров и акушерок – 91%, провизоров, фармацевтов и медсестер – 99%; среди преподавателей школ всех уровней и средних учебных заведений и курсов (включая инструкторов и мастеров производственного обучения) – 84%; среди заведующих и воспитателей детских домов, дошкольных детских учреждений, школ-интернатов – 99%. Подобная статистика говорит о том, что советское общество почти полностью доверило женщинам работу по охране здоровья и продлению жизни людей и воспитанию молодого поколения. Большой удельный вес имели женщины среди заведующих библиотек и библиотекарей (96%), работников связи, экономистов и статистиков (91%), бухгалтеров, счетоводов и кассиров (96–98%), культурно-просветительных работников (87%) (данные за 1979 г.) [7].

Женщины активно участвовали в управлении государством, политической и общественной жизни. В 1979 г. они составляли 50% от числа руководителей органов государственного управления и общественных организаций, 86% – руководителей торговых организаций и предприятий общественного питания. Женщины являлись также организаторами производства, занимали инженерно-технические должности. Так, среди всех инженеров, включая главных специалистов, женщин было 45%, конструкторов и чертежников – 64%, техников – 61%, диспетчеров – 79%, лаборантов – 91%. Увеличилась численность женщин среди научных работников, преподавателей вузов, руководителей научно-исследовательских учреждений, разведочных и изыскательских организаций – с 34% в 1970 г. до 41% в 1979 г. [8].

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р.–140. Оп. 4. Д. 2949. Л. 93; Д. 8705. Л. 21.
2. Там же. Д. 8705. Л. 5–29.
3. Там же. Д. 2949. Л. 91.
4. Там же. Л. 92.
5. Там же. Л. 43.
6. Там же. Д. 5272. Л. 10.
7. Там же. Д. 2949. Л. 93–94.
8. Там же. Л. 95.

УДК 314.5 (=512.157) "189/201"

*А.С. Барашкова**

Эволюция брачности якутов (конец XIX – начало XXI века)

Проведен демографический анализ брачного состояния якутов за 1897 и 2010 гг. Выбор временных отрезков продиктован наличием вполне пригодной для анализа статистической информации. Огромный по масштабам испытаний, преобразований путь, пройденный якутами вместе с другими народами нашей Родины, не мог не повлечь изменений в процессе брачности. Анализ показал снижение значимости института брака. Об этом можно судить по сокращению численности якутов, состоящих в браке с 69 до 53%. Доля женатых мужчин сократилась с 64,4 до 57%, женщин – с 74,2 до 50,4%. Если в 1897 г. было зарегистрировано всего 50 разведенных и разошедшихся якутов, то в 2010 г. лиц данного брачного статуса оказалось 21,8 тыс. В 4,5 раза вырос уровень безбрачия, особенно ощутимый для женщин (в 13,6 раз). Изменились не только количественные параметры, но и социальная роль брака. Брак при традиционном типе брачности был ориентирован на продолжение рода. При современном типе характерным становится личностное отношение к браку, освобожденное от социального контроля. Институт брака перестает рассматриваться как средство регулирования рождаемости.
Ключевые слова: *брачная структура, категории брачного состояния, якуты, перепись населения, уровень безбрачия.*

A.S. Barashkova

Evolution of nuptiality in the Yakuts (end of XIX – beginning of XXI centuries)

The demographic analysis of marital status of the Yakuts in 1897 and 2010 was carried out. The choice of time periods was dictated by the availability of appropriate techniques for the analysis of statistical information. The way of severe trials and transformations undergone by the Yakuts together with other peoples of our Native land, could not but entail changes in the process of marriage. The analysis has shown decrease in the importance of institute of marriage. This is evidenced by the reduction in number of the Yakuts married from 69 to 53%. The share of married men decreased from 64,4 to 57%, women – from 74,2 to 50,4%. If in 1897 there were only 50 divorced and separated Yakuts, then in 2010 they were 21,8 thousand. The celibacy level increased 4,5 times, especially notable in women (13,6 times). Not only quantitative parameters, but also the social role of marriage has changed. The traditional type of marriage was oriented at procreation. The modern type of marriage is characterized by personal relation to marriage, exempt from social control. The marriage institute ceases to be considered as means of regulation of birth rate.
Key words: *marriage structure, categories of a marriage condition, the Yakuts, population census, celibacy level.*

XX век – эпоха глобальных исторических катаклизмов, время двух мировых войн, период глубокого противоречия антагонистических общественно-экономических формаций. Республика Саха (Якутия) вместе со всей страной пережила за XX век многократную кардинальную смену общественно-политического строя, социально-экономического уклада. Переустройство базисных основ сопровождалось коренной трансформацией социокультурного фона. Происходил неоднократный пересмотр идеологий, социальных норм, обычаев, традиций, системы ценностей, затрагивающих, помимо прочего, и брачно-семейные отношения.

Брачное поведение – одна из наиболее противоречивых по характеру сфер в жизни человека, аккумулирующее в себе все возможные формы взаимоотношений мужчины и женщины, отношения брачной пары с обществом, взаимовлияния семьи и государства [1], и в силу широты рассматриваемых вопросов традиционно остается в фокусе внимания исследователей. Различные аспекты брачно-семейных отношений населения дореволюционной Якутии, главным образом этнографического, историографического плана, представлены в трудах Г.П. Башарина, Н.А. Виташевского, А.И. Гоголева, Б.Н. Попова, В.Л. Серошевского, П.А. Слепцова, С.А. Токарева и др.

* **Барашкова Анастасия Спиридоновна** (Якутск) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономики народонаселения и демографии, Научно-исследовательский институт региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск a.s.barashkova@ire.ysn.ru

Отражением результативности брачного поведения является брачное состояние населения, т.е. положение лица по отношению к институту брака. Брачное состояние, фиксируемое переписями населения – своего рода «поперечный срез» брачной судьбы различных поколений мужчин и женщин. На этом распределении, считает А.Г. Волков, как и на составе населения по любым другим признакам, сказываются предшествующая демографическая история живущих сейчас поколений и особенности каждого из процессов, формирующих распределение [2].

Доклад посвящен анализу брачного состава якутов на моменты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и Всероссийской переписи населения 2010 г. Помимо представления динамики основных показателей брачного состояния якутов за столетие, целью данного исследования явилось описание представленной динамики с позиции теории смены типов брачности. Выбор временных отрезков продиктован наличием вполне достоверных (по 1897 г.) и полных (по 2010 г.) материалов.

В исторической демографии имеются работы, признанные классическими, раскрывающие эволюцию брачности, рождаемости и иных демографических процессов и характеристик за определенные временные отрезки, как целых материков [3], так и отдельных стран [4]. Исторический подход в демографии успешно применяется при изучении как всего населения [5], так и отдельных этногрупп [6]. Отечественная историческая демография представлена в трудах Д.К. Шелестова и его последователей [7].

По материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи, в Якутии проживало 269,9 тыс. чел. [8]. Численность якутов представлена в разделе «Состав наличного населения обоего пола», в которой дано распределение населения по родному языку. Было переписано 221,5 тыс. якутов [9], из них лишь 3,8 тыс. чел. (или 1,7%) проживали в городах, а в общем числе жителей области якуты занимали около 82%.

Данные по брачному составу жителей Якутской области даны по округам и городам, причем для всего населения (раздел «Распределение населения по семейному состоянию и возрастным группам») [10]. С учетом доли якутов в общем числе жителей и численности сельского населения, распределения якутов по возрастным группам, нами сделана оценка численности якутов по категориям брачного состояния. Итак, численность якутов, подлежащая анализу, составила 136,0 тыс., из них 72,3 тыс. – мужчины и 63,7 тыс. – женщины.

Принятые в демографической статистике категории брачного состояния – это состоящие в браке, никогда не состоявшие в браке, разведенные или разошедшиеся, а также вдовые. Брачность в дореволюционной Якутии, как повсеместно по Российской империи, имела всеобщий и обязательный характер, о чем свидетельствует распределение якутов по брачному состоянию в 1897 г., преобладающая доля населения состояла в браке (рис. 1). Численность (абсолютная и относительная) замужних женщин заметно превосходила численность женатых мужчин. На рубеже XIX–XX вв. брачности отводилась важнейшая социальная роль регулятора рождаемости, иначе задача продолжения рода, что подкреплялось правовыми, религиозными и иными рычагами. Дети должны были рождаться только в браке. Не последнюю роль при заключении брака играла и экономическая подоплека.

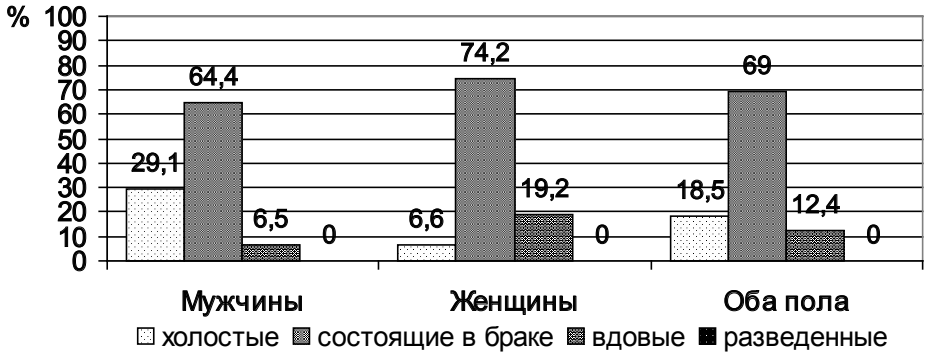

Рис. 1. Распределение якутов по брачному состоянию, 1897 г.

Вместе с тем благополучное на первый взгляд распределение нарушается соотношением численности холостых и вдовых. Численность холостяков более чем в 4 раза превосходит численность девиц. Обратное соотношение характерно для вдовых мужчин и женщин. Ничтожно малая численность разведенных (всего 50 якутов по всей Якутии) статистически не влияет на общее распределение якутов по брачному состоянию, поэтому эту категорию можно пренебречь.

На численность холостяков, по всей видимости, огромное влияние оказывали экзогамные запреты, распространявшиеся на родственников по отцовской линии до определенного поколения [11]. Исследователи от-

мечают, что экзогамные круги у якутов были различными для разных слоев населения. Было установлено, что богатые и родовитые люди старались брать жен для своих сыновей из других улусов; люди среднего достатка женились на девушках из соседних наслегов. Беднякам предоставлялась возможность родниться с семьями одного с ними наслега. Однако было важно, чтобы эти семьи принадлежали к разным «ага ууса» (отцовским) родам. Наибеднейшие якуты могли брать жен из соседнего «ийэ ууса» (материнского рода) [12]. Приведенное на языке демографии говорит о существовании жестко регламентированного брачного круга. Необходимость уплаты калыма из-за бедственного положения большинства инородцев, огромные расстояния между наслегами также, видимо, сужали брачный рынок и служили препятствием на пути создания семьи.

Вдовство, как следует из рис. 1, более характерно для женщин. По количеству заболеваний и высокой смертности Якутия занимала первое место среди областей царской России. Вспышки кори, оспы, гриппа, других инфекционных заболеваний и главный бич – туберкулёз – уносили много жизней. Отсутствие квалифицированной медицинской помощи, высокие физические нагрузки, антисанитарные условия влекли за собой высокую смертность населения [13]. Отсюда – высокий уровень вдовства.

В якутском обществе при втором и третьем браке также соблюдался обычай экзогамии, хотя и не так строго. Однако это ослабление социального контроля не имело, видимо, заметной позитивной роли в улучшении брачной ситуации якутского населения. Итак, в 1897 г. в структуре брачного состояния якутов были представлены такие категории, как состоящие в браке, холостые (девицы) и вдовые. Если по численности первой категории не обнаруживаем резких гендерных различий, то в соотношении холостых (девиц) и вдовых эти различия явно присутствуют.

По переписи населения 2010 г., на территории Республики Саха (Якутия) насчитывалось 958,5 тыс. жителей, из которых 466,5 тыс. – якуты, в том числе в бракоспособном возрасте – 344,6 тыс. (159,3 тыс. – мужчины и 185,3 тыс. – женщины) [14].

Рост абсолютной численности якутов бракоспособного возраста вызвал столь же ощутимый рост значений по категориям их брачного состояния (табл. 1). Прежде всего, это касается численности разведенных и разошедшихся как мужчин, так и особенно женщин. Огромный прирост характерен и для женщин, ни разу не состоявших в браке. Даже элиминирование общего темпа прироста численности населения в бракоспособном возрасте не нивелирует огромных изменений, произошедших в брачной структуре якутов за рассматриваемый период.

Таблица 1

Темпы прироста численности якутов в возрасте 16 лет и старше по категориям их брачного состояния, 2010 г. к 1897 г., в разах

Категории брачного состояния	Мужчины	Женщины	Оба пола
Никогда не состоявшие в браке	2,64	13,6	4,46
Состоящие в браке	1,95	1,97	1,96
Вдовые	1,05	1,74	1,55
Разведенные и разошедшиеся	23,8	87,5	43,87
Всего	2,20	2,90	2,53

Вместе с тем, сопоставление относительных величин показывает, что снизилась доля населения, состоящего в браке, причем для женщин это снижение оказалось более значимым (рис. 2). Наблюдается уменьшение доли вдовых – единственная позитивная тенденция. Отмеченный скачок абсолютной численности женщин, ни разу не вступавших в брак, не мог не отразиться на увеличении этой группы женщин в брачной структуре якуток. Видно, что браки якутов уже не отличаются высокой устойчивостью.

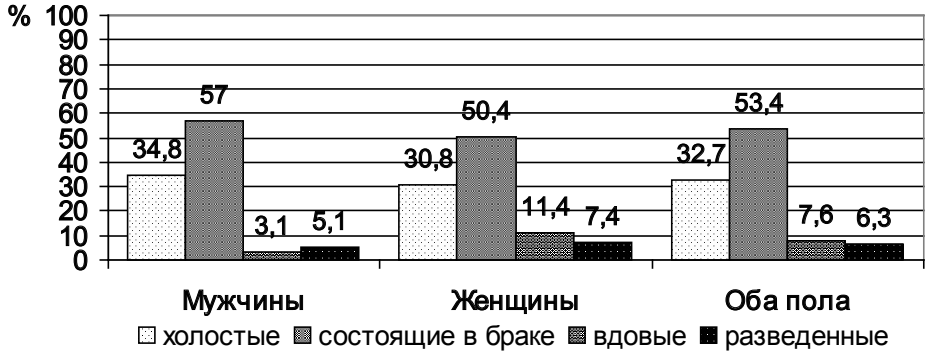

Рис. 2. Распределение якутов по брачному состоянию, 2010 г., %

Казалось бы, кардинально изменившиеся условия заключения брака, его сохранения должны были способствовать укреплению института брака. Возможность вступления в брак по любви, а не по принуждению, снятие барьеров «брачного круга», господствовавших сто лет назад, устранение экономической зависимости женщин, гендерное равенство, ограничение вмешательства социума в вопросы брака и семьи, раскрепощение личности должны были улучшить ситуацию.

Одним из теоретических построений для трактовки изменений в брачности, принятых в демографии, является теория смены типов брачности, связанная с именем американского ученого Дж. Хаджнала [15], идеи которого затем получили развитие в работах Ж.-П. Шене, Р. Диксон и др. Согласно этой теории, выделяются три типа брачности: «европейский», «традиционный» и «промежуточный». Другие авторы выделяют традиционный и современный типы брачности [16], что соответствует и нашим представлениям об эволюции процесса брачности якутов.

Признаками определения типа брачности, по Дж. Хаджналу, являются средний возраст женщины при вступлении в первый брак и доля лиц, никогда не состоявших в браке.

Отсутствие достоверной статистической информации по среднему возрасту женщины при вступлении в первый брак в 1897 г. вынуждает нас прибегнуть к литературным источникам. Так, В.Л. Серошевский пишет: «Период размножения у якутов приблизительно тот же, что и у русских, начинается на 15–18 г. и кончается на 45–50» [17]. Если учесть, что детей рожали только в браке и иметь в виду протогенетический интервал, т.е. период времени между вступлением в брак и рождением первого ребенка [18], то получается, что браки якуток были весьма ранние.

О традиционном типе брачности якуток также свидетельствует важнейшая социальная функция брака – продолжение рода. В том же источнике читаем: «В среднем, по уверению якутов, рождаемость их женщин равняется десяти детям от одного мужчины. Случается же, рожают 20 и более, и это далеко не такая редкость, как у нас» [19].

Второй признак определения типа брачности, как сказано выше, доля лиц, никогда не состоявших в браке. Приведенные на рис. 1 цифры говорят о том, что уровень безбрачия якутов также соответствует традиционному типу брачности.

Огромный по масштабам испытаний, преобразований путь, пройденный якутами вместе с другими народами нашей Родины, не мог не повлечь изменений в процессе брачности. Брачность, как в целом и по России, приобретает относительно самостоятельное движение. Характерным становится личностное отношение к браку, в значительной степени освобожденное от социального контроля. Институт брака перестает рассматриваться как средство регулирования рождаемости [20]. Об этом можно также судить по внебрачной рождаемости, масштабы которой не могут не тревожить. Так, если в 1990 г. вне брака родилось 17,9%, то в 2011 г. – 31,9% детей в республике [21].

По нашим расчетам возраст якутянок при вступлении в первый брак находится на грани порогового значения, определенного Дж. Хаджналом для поздней брачности европейского типа (23–24 года) [22]. Полагаем, что за последние пять лет эти интервалы не претерпели существенных сдвигов.

Современному типу соответствует и значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке, в том числе окончательное безбрачие, уровень которого очень высок, о чем можно судить по данным табл. 2 для лиц в возрасте 50 лет и старше.

Таблица 2

Доля якутов, никогда не состоявших в браке, 2010 г., %

Показатели	Все население		городское население		сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Все население	30,3	24,0	28,1	22,0	34,5	27,9
Все якуты (саха)	14,1	15,9	11,6	17,3	15,5	14,9
В том числе в возрасте:						
30–39	21,1	19,7	17,9	20,2	23,7	19,3
40–49	13,7	16,3	10,4	18,4	15,4	14,9
50+	9,4	13,5	6,2	14,6	10,8	12,8

К факторам, в результате которых «бессемейность» якутов на современном этапе получила распространение, исследователи относят экономические условия, в частности, потерю решающего значения экономических стимулов и экономических соображений при создании семьи, нехватку жилья [23].

В заключение отметим, что на эволюцию брачного состава населения, помимо указанных выше макрофакторов и причин, отчасти упомянутых в ходе обсуждения, влияет целый ряд условий, действующих в

комплексе или по отдельности, прямо или опосредованно, в определенные моменты времени, краткосрочно или более продолжительное время. Среди них структурные характеристики населения республики, интенсивность рождаемости, смертности населения, главным образом, бракоспособного возраста, тенденции миграционных потоков, существующие социальные нормы брачности, бытующие традиции в вопросах брака и семьи.

Изучение влияния этих факторов в историческом аспекте – задачи последующих этапов работы автора. Такой подход будет способствовать преодолению упрощенных представлений о вторичности демографических изменений, когда поздние браки, низкая рождаемость, высокий уровень безбрачия «рассматриваются просто как почти автоматическое следствие индустриализации, урбанизации и тому подобных процессов» [24].

Источники и литература

1. Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. Г. Меликьян. М.: Большая Российская энциклопедия. 1994. С. 30.

2. *Волков А. Г.* Семья – объект демографии. М.: Мысль, 1986. С. 69.

3. *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века / Под ред. А.Г. Вишневского и И.С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 14–70; *Диксон Р.* Колебания возраста вступления в брак и доли никогда не состоявших в браке в странах разных культур // Брак и семья. Демографический аспект. М.: Статистика, 1975. С. 30–65.

4. *Dyrvic S.* Historical Demography in Norway 1660–1801: A short survey / The Scandinavian Economic History Review. Vol. XX. 1972. P. 27–44; Gonnell J. The population of Ireland 1750–1845. Oxford: Clarendon Press, 1950.

5. *Фести П.* Динамика брачности в Западной Европе после второй мировой войны // Брак и семья. Демографический аспект / Под ред. и с предисловием А.Г. Волкова и Л.Е. Дарского. М.: Статистика. 1975. С. 129–159.

6. *Katz J.* Family, kinship and marriage among Ashkenazim in the sixteenth to eighteenth centuries // The Jewish Journal of Sociology. 1959. Vol. 1. N 1. P. 3–22.

7. *Шелестов Д.К.* Историческая демография. М.: Высшая школа. 1988. 288 с.; Историческая демография. Сборник статей / Под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. 2-е изд. М.: МАКС Пресс, 2010. 300 с.

8. Якутия: XX век в зеркале статистики: офиц. изд. / Гос. ком. Рос. Федерации по статистике; Редкол.: Т.А. Торговкина и др. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. С. 31.

9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXX. Якутская область. Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под ред. Н.А. Тройницкого. СПБ., 1905. С. 2−3.

10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXX. Якутская область. Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под ред. Н.А. Тройницкого. СПБ., 1905. С. 18–21.

11. *Гоголев А.И.* Социальная организация и традиционная семья якутов в XVII в. // Семья у народов Северо-Востока СССР / Отв. ред. М.К. Панкратова. Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1988. С. 89; *Гоголев А. И.* Лекции по исторической этнографии якутов. Якутск, 1978. Ч. I. С. 50.

12. *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. С. 558; *Слепцов П.А.* Традиционные формы брака у якутов (XIX – начало XX в.) // Семья у народов Северо-Востока СССР / Отв. ред. М.К. Панкратова. Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1988. С. 98.

13. Якутия: XX век в зеркале статистики: офиц. изд. / Гос. ком. Рос. Федерации по статистике; Редкол.: Т.А. Торговкина и др. Якутск, Сахаполиграфиздат, 2001. С. 33.

14. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2010. Т. 4. Кн. 2. Стат. сб. Якутск, 2013. С. 210−211.

15. *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века / Под ред. А.Г. Вишневского и И.С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 14–70.

16. *Калмыкова Н.М.* Демографическая составляющая развития семьи // Домохозяйство, семья и семейная политика / Под ред. В.В. Елизарова и Н.В. Зверевой. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 58–72.

17. *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. С. 507.

18. Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. Г. Меликьян. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 363.

19. *Серошевский В.Л.* Указ. соч. С. 507.

20. *Калмыкова Н.М.* Демографическая составляющая развития семьи // Домохозяйство, семья и семейная политика / Под ред. В.В. Елизарова и Н.В. Зверевой. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 62.

21. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сб. Якутск , 2012. С. 77.

22. *Барашкова А.С.* Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты. Новосибирск: Наука, 2009. С. 33.

23. *Попов Б.Н., Попов В.Б.* Современные проблемные ситуации при создании семьи // Семья у народов Северо-Востока СССР / Отв. ред. М.К. Панкратова. Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1988. С 63.

24. Брачность, рождаемость, семья за три века / Под ред. А.Г. Вишневского и И.С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 7.

УДК 343.4 : 343.294 : 323(=1.470.62/.67)

*М.А. Дадуев, С.-Х.М. Нунуев**

Реабилитация репрессированных народов как направление государственной политики Российской Федерации на Северном Кавказе

В статье раскрываются этапы проведения государственной политики реабилитации, в том числе народов Северного Кавказа. Рассматриваются проблемы при проведении политики реабилитации. Анализируется вопрос важности политики реабилитации народов в рамках общей этнополитики Российской Федерации.
Ключевые слова: *государственная политика, реабилитация, репрессии, Северный Кавказ.*

M.A. Daduev, S.-H.M. Nunuev

Rehabilitation of the subjected to repression people as a direction of the state policy of the Russian Federation in the North Caucasus

The stages of the state policy on rehabilitation, including the people of the North Caucasus, are revealed. The problems at carrying out the policy of rehabilitation are considered. The problem of importance of the policy of rehabilitation of the people within the frames of the general ethnic policy of the Russian Federation is analyzed.
Key words: p*ublic policy, rehabilitation, repressions, North Caucasus.*

Важным неотъемлемым направлением этнополитики Российской Федерации является реабилитация репрессированных народов. Эффективная реализация задач и мер государственной этнополитики России невозможна без концептуального осмысления данного направления, совершенствования его целей, нормативного регулирования, институциональных форм, ресурсного обеспечения. Именно к федеральной власти апеллируют представители этнических элит и общественных движений, ожидая стратегических решений в сфере реабилитации народов. Вместе с тем реабилитация репрессированных народов требует активного участия органов власти субъектов федерации, а также органов местного самоуправления, предпринимательских и этнических организаций, правозащитников. Значительным своеобразием данная политика обладает на Северном Кавказе и вследствие географии проживания реабилитированных народов, и ввиду проблем социально-экономической отсталости, терроризма и этноконфессионального экстремизма, архаизации сообществ.

Данная тема начала изучаться в политическом аспекте только в период «перестройки», но основной массив исследований выполнен после середины 1990-х гг. Можно выделить по глубине анализа работы Н.Ф. Бугая [1], П.Б. Поляна [2], А.Г. Здравомыслова [3], А.М. Гонова [4], В.Д. Дзидзоева [5], Л.Л. Хопёрской [6], Г.С. Денисовой [7] и др., в том числе значительной группы местных ученых.

Новый этап развития концепций и методик анализа реабилитационной политики начинается в 2000-х гг., что связано со стратегией Российского государства по рецентрализации власти, преодолению сепаратизма и экстремизма. Постепенно осваиваются парадигмы и понятийный аппарат, технологии мировой политической науки и конфликтологии. Меры реабилитации репрессированных народов интерпретируются во многом в контексте постконфликтного миростроительства и воспитания культуры межэтнического согласия, преодо-

* **Дадуев Магомед Абуевич** (Грозный) – кандидат политических наук, Чеченский государственный университет; **Нунуев Сайд-Хамзат Махмудович** (Грозный) − кандидат исторических наук, Чеченский государственный университет, nunuiev52@mail.ru.

ления негативных стереотипов исторической памяти. Для современного этапа исследований проблемы особенно показательны монографии М.А. Аствацатуровой, В.А. Тишкова и Л.Л. Хоперской [8]; К.О. Казенина [9]; С.Я. Сущия [11]. Значительную роль играют также прикладные мониторинговые исследования этнополитических и миграционных конфликтов, проводимые Южным научным центром РАН (г. Ростов-на-Дону) и его региональными подразделениями под руководством В.А. Авксентьева и Г.Г. Матишова [11].

Наряду с достижениями в политологическом осмыслении темы сохраняются определенные проблемы. Так, слаба межрегиональная координация изучения реабилитации в формах конференций, грантовых проектов, создания компьютерных и баз данных, что в некоторой степени способствует сохранению диаметральных крайностей: от попыток оправдания сталинских преступлений до определенного «гиперисторизма» исследования темы, что затрудняет специализированный анализ современной политики реабилитации. Редко проводится критика националистических и зарубежных фальсификаций государственной этнополитики 1990–2010-х гг., использующих трагедию прошлого для разжигания современных конфликтов. Вышесказанное определяет выбор цели работы – установить идейное целеполагание и ресурсы реализации политики реабилитации репрессированных народов как направления государственной политики Российской Федерации на Северном Кавказе (1992–2014 гг.). Теоретическую основу статьи составляет исторический неоинституционализм [12], а также конфликтологическая парадигма в этнополитических исследованиях [13].

Эмпирическая база работы включает в себя:

– нормативно-правовые документы, принятые органами государственной власти по проблемам реабилитации репрессированных народов, регламентирующие порядок выполнения законов (Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года; Федеральный закон «О реабилитации репрессированных народов», федеральный закон «О национально-культурной автономии», Федеральный закон «О реабилитации жертв политических репрессий» и т.д.);

– справочные и отчетно-аналитические материалы органов государственной власти Российской Федерации и её субъектов – республик Северного Кавказа;

– выступления и публикации политических лидеров России – Президента Российской Федерации, Председателя Правительства РФ, палат Федерального Собрания РФ;

– материалы Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., текущих статистических обследований;

– результаты социологических исследований, проведенных ведущими информационно-аналитическими центрами (Институт социологии РАН, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов Института этнологии и антропологии РАН, Южный научный центр РАН);

– Интернет-источники и публикации периодической печати, затрагивающие тематику реабилитации репрессированных народов (газеты «Российская газета», «Известия», «Независимая газета», «Московские новости», «Северный Кавказ», сайты «Кавказовед. Инфо», «Кавказский узел», «Кавказская политика» и др.).

Мировой опыт государственного преодоления репрессий на этнической и языковой основе свидетельствует о том, что одной из главных задач органов государственной власти является признание незаконности актов депортаций по этническому признаку и неукоснительное, системное выполнение законов о реабилитации. Поскольку этнические ареалы репрессированных народов, как правило, не совпадают с административными границами, то эффективным в урегулировании конфликта является сочетание трех принципов: отказ от силовых методов межэтнической конкуренции, применение демократических норм закона и политических процедур, добрая воля участников переговорного процесса [14]. Одной из успешных технологий реабилитации репрессированных народов является деполитизация этничности, при которой поощряется перенос акцентов с политико-институциональных и территориальных форм этничности на социокультурные, экстерриториальные.

Реабилитация этнических групп в качестве коллективного объекта репрессий 1920–1950-х гг. относится к системным задачам государственной политики. Она требует беспристрастного анализа правовых, исторических, психологических, социальных и иных аспектов реабилитации в контексте современной ситуации в российском поликультурном обществе. В основе данной политики должны лежать цели восстановления справедливости в отношении к репрессированным народам, подтверждения способности государства эффективно регулировать этнополитические и миграционные конфликты. Методы политики реабилитации могут быть классифицированы на идеологические, нормативно-правовые, организационные, экономические, социальные, информационные.

Политика реабилитации приобрела системный и последовательный характер в условиях «перестройки», когда развернулась активная научная и общественная дискуссия о необходимости реабилитации народов, пострадавших в период сталинских депортаций. За 1989–1991 гг. Верховным Советом и Советом Министров СССР принят ряд важных законодательных и нормативных актов: Декларация о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспе-

чении их прав от 14 ноября 1989 г., постановление Верховного Совета СССР «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией ВС СССР от 14 ноября 1989 г.» от 7 марта 1991 г. и постановление Совета Министров СССР от 6 июня 1991 г. об отмене 60 актов высших органов государственной власти СССР, послуживших правовыми основаниями репрессивных акций против народов.

Вместе с тем ключевой акт новой политики – Закон РСФСР «О реабилитации реабилитированных народов» от 26 апреля 1991 г. [15] − оценивается политологами и конфликтологами противоречиво [16]. Данный Закон отменил свыше 60 нормативных актов РФ [17]. Будучи актом восстановления исторической справедливости, устанавливая меры экономической и политической реабилитации, Закон назвал субъектом реабилитации этнические группы, а не только граждан. Среди направлений реабилитации установлено было территориальное, т.е. восстановление «национальных» территориальных автономий в границах на момент упразднения. Тем самым российский законодатель создал опасную коллизию между требованиями различных этнических движений и элит Северного Кавказа. Их территориальные требования порой носят спорный характер, который тем не менее предстоит преодолеть. Наиболее конфликтогенный характер имели лозунги расчленения либо федерализации Дагестана, отделения от данной республики Новолакского (Ауховского) района, претензии ингушских организаций на Пригородный район и часть г. Владикавказа, разделение Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, создание казачьих республик и мн. др. В итоге, столкнувшись с нарастанием этнотерриториальных претензий, государство сочло за меньшее зло к 1994 г. пока отложить разрешение противоречий. Такая тактика была избрана из-за дефицита ресурсов и политической воли центра выступить в роли высшего справедливого арбитра. Однако проблемы остаются и их игнорирование чревато новым всплеском недовольства репрессированных народов. Не может также удовлетворять смехотворная сумма материальной компенсации, равная десяти тысячам рублям на главу пострадавшей семьи. Подобное игнорирование законных интересов и требование репрессированных государственными чиновниками различных уровней создает в обществе напряженность.

В России с 1991 по 1993 г. Верховный Совет РФ принял восемь законов и три других акта по вопросам реабилитации репрессированных народов и граждан, пострадавших индивидуально от политических репрессий. Были изданы также семь указов Президента РФ и более 50 постановлений Правительства, министерств и ведомств России, направленных на решение проблем социальной и культурной реабилитации репрессированных этнических групп: чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, калмыков, корейцев, немцев, финнов, греков, болгар, крымских татар, турок-месхетинцев, а также казаков, ингерманландцев, финнов и др. В текущем году Российским государством приняты конкретные законы и распоряжения по реабилитации крымских татар. Будут учтены как политические, так и экономические, культурные, правовые интересы крымскотатарского населения. В частности, гарантируются лимиты в органах государственной и республиканской власти, а также наделения земельных участков под индивидуальное жилье, что игнорировалось киевскими властями при вхождении Крыма в состав Украины.

Институциональная структура политики реабилитации была первоначально такова. В структуре Миннаца РФ в начале 1990-х гг. создан отдел по делам депортированных и репрессированных народов, позже преобразованный в одноименный департамент. Соответствующую работу вел также Департамент по делам национальностей Миннаца РФ, Департамент по делам Северного Кавказа [18]. Ввиду слабой работы комиссий Совета Министров РСФСР, значительной специфики реабилитации в каждом из регионов 5 февраля 1992 г. Правительство РФ создало комиссии по Дагестанской ССР (председатель В.Ф. Ерин), Кабардино-Балкарии (И.Н. Лазарев), Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской ССР (В.П. Баранников, с 30 апреля 1992 г. – В.А. Тишков), Карачаево-Черкесской ССР (Н.В. Федоров), Калмыкии (С.В. Анисимов) и др. Координация деятельности комиссий возложена на заместителя Председателя Совета Министров РФ О.И. Лобова. Предполагалось разработать до 13 февраля 1992 г. Концепцию реализации Закона РСФСР «О реабилитации реабилитированных народов», что не выполнено по политическим причинам. Во всех субъектах РФ были созданы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Принимались региональные законодательные и нормативно-правовые акты о реабилитации, федеральные целевые программы государственной поддержки репрессированных народов.

Во исполнение нормативно-правовых актов РФ, изданных в рамках реабилитационных программ, выделены значительные финансовые ресурсы. В марте 1992 г. зарегистрирован Фонд реабилитации и развития репрессированных и депортированных народов России под руководством А.-Х.А. Султыгова, развернувший сотрудничество с органами власти стран СНГ. Только на компенсацию материального ущерба репрессированным в 1994 г. Минфин РФ выделил из федерального бюджета 16,9 млрд. руб. [19]. 22 мая 2002 г. по постановлению Правительства РФ компенсации на меры реабилитации стали покрываться из региональных и муниципальных бюджетов с последующей компенсацией за счет федерального фонда.

Как установили Н.Ф. Бугай и А.М. Гонов по документам МВД и Миннаца РФ, за 1991–1995 гг. было реабилитировано 140 938 граждан России, в том числе 1 101 чеченец, 1 163 ингуша, 29 819 балкарцев, 7 154

карачаевца, 618 крымских татар [20]. Реабилитация продолжалась и позже. Как доложил в Минфедерации РФ заместитель министра внутренних дел РФ И.И. Голубев, за октябрь 1991 – ноябрь 2000 гг. было реабилитировано 695 676 граждан всех национальностей, а 886 687 граждан признаны пострадавшими от политических репрессий [21]. Им возвращалось имущество, проводились денежные выплаты.

Задачи данной политики решались до 2013 г. недостаточно эффективно и системно. К насущным проблемам относятся: выборочное предоставление репрессированным народам и гражданам реабилитации (к началу 2014 г. отдельными законодательными актами реабилитированы только 2 из 15 репрессированных народов – корейцы и финны); решение проблем статуса регионов проживания репрессированных народов; возвращение представителей репрессированных народов, не имевших автономных образований, в места жительства при равной защите прав и законных интересов населения, постоянно проживающего в данных местностях; неполное и неравномерное по заинтересованным регионам финансирование программ реабилитации.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, концептуально обновила направленность противодействия экстремизму [22]. Среди целей Стратегии указано укрепление государственного единства и целостности России. Стратегия основывается на принципах построения демократического федеративного государства. В числе основных вопросов государственной национальной политики Российской Федерации, требующими особого внимания государственных и муниципальных органов, названо «создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе» (п. 5 в). В п. 8 впервые применен понятийный аппарат мировой политической науки. Речь идёт о российской нации как синониме многонационального народа Российской Федерации, чего давно добивался ведущий российский этнополитолог В.А. Тишков. Указано, что российская нация состоит из народов (этнических общностей). Государственная целостность, национальная безопасность Российской Федерации, единство системы государственной власти РФ названы в перечне основных принципов государственной национальной политики первыми. В число принципов национальной политики вошли также «своевременное и мирное разрешение межнациональных (межэтнических) противоречий и конфликтов; пресечение деятельности, направленной на подрыв безопасности государства, нарушение межнационального мира и согласия, разжигание расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды». Стратегия устанавливает в числе приоритетных задач национальной политики для государственных и муниципальных органов и их должностных лиц вопросы поддержания межнационального мира и согласия, гармонизации межнациональных отношений, профилактики конфликтных ситуаций, содействия диалогу между представителями различных этнических общностей. К приоритетным задачам отнесено и формирование в обществе нетерпимости к пропаганде и распространению идей экстремизма, ксенофобии, национальной исключительности, направленных на подрыв политической стабильности, национального мира и согласия. Должно вестись совершенствование правовых основ научного и экспертного обеспечения раннего предупреждения межнациональных конфликтов, проявлений агрессивного национализма и связанных с ними преступлений, массовых беспорядков, экстремизма и терроризма.

Таким образом, в настоящее время начинается новый этап политики реабилитации репрессированных народов, которая должна быть концептуально обновлена в региональных (республиканских, краевых) программах реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Источники и литература

1. *Бугай Н.Ф.* Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011; *Он же.* Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография. XX в. – начало XXI вв. М., 2012; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М., 2004.

2. *Полян П.Б.* Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшее тенденции. М., 2004; *Полян П.Б.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

3. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999.

4. *Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20-90-е гг. XX века: Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1998.

5. *Дзидзоев В.Д.* Кавказ конца XX в.: тенденции этнополитического развития. Владикавказ, 2004.

6. *Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1997.

7. *Денисова Г.С.* Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. Ростов н/Д., 1996.

8. *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М., 2010.

9. *Казенин К.О.* Элементы Кавказа: Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М., 2012.

10. *Сущий С.Я.* Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М., 2013.

11. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / Под ред. Г.Г. Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. Ростов н/Д., 2011; Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / Под ред. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д., 2006–2013. Т. I–VI.

12. Институциональная политология / Под ред. С.В. Патрушева. М., 2006.

13. *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ. Менеджмент. М., 2008.

14. *Теммоев И.Ю.* Реабилитация репрессированных народов как фактор современного российского политического процесса: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2009. С. 11.

15. Российская газета. 1991. 28 апр.

16. *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Указ. соч. С. 115–116.

17. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Указ. соч. С. 170.

18. Там же. С. 169.

19. Там же. С. 179.

20. Там же. С. 177–178.

21. Там же. С. 178.

22. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

УДК 930.2 : 314.148 : 314.122 (470.13) "16/17"

*И.Л. Жеребцов**

Материалы о народонаселении Лузы и Летки XVII – начала XVIII века**

Публикуются исторические документы, содержащие информацию о населении и социально-экономической ситуации на юго-западе Коми края в XVII – начале XVIII в.
Ключевые слова: *Коми край, население, поселения, экономика, миграции, исторические источники.*

I.L. Zherebtsov

Materials on population of Luza and Letka rivers XVII – early XVIII centuries

Published historical documents containing information on population and socio-economic situation in the South-West of the Komi region in XVII – early XVIII centuries.
Key words: *Komi region, population, settlements, economy, migration, historical sources.*

Дозорные, писцовые и переписные книги являются ценнейшим источником для изучения историко-демографического и историко-географического развития Коми края в XVII – начале XVIII в. В научной литературе дана подробная характеристика названных типов источников. Источниковедческий анализ писцовых, переписных и дозорных книг в целом по России дали Я.Е. Водарский [1], М.Н. Тихомиров [2], Л.В. Милов [3], по Поморью – П.А. Колесников [4], по Яренскому уезду – Н.П. Воскобойникова, уделившая основное внимание социально-экономическому развитию уезда [5]. Л.Н. Жеребцов рассмотрел писцовые и переписные книги XVII в. непосредственно как источник по изучению расселения коми [6]. В этих работах показано, какие сведения о населении, его численности и миграциях можно извлечь из указанных источников, рассмотрены вопросы полноты и достоверности этих сведений.

Чрезвычайно важно, что в писцовых, переписных и дозорных книгах содержатся богатые сведения об административно-территориальном делении и в особенности о населении, а именно о населенных пунктах, их местоположении, количестве дворов в них, числе жителей, экономическом и социальном положении последних, миграциях. Ключевая роль писцовых и переписных книг в нашем исследовании (применительно к периоду до начала XVIII в.) определяется тем, что это источники массового порядка. Если актовый и другой материал содержит информацию о единичных фактах, то книги охватывают практически всю территорию Коми края, содержат сведения о значительной части его населения. Чрезвычайно важно, что книги составлялись на протяжении длительного времени каждые 25–30 лет, благодаря чему можно проследить изучаемые процессы в динамике [7].

Антропонимия населения, зафиксированная в писцовых и переписных книгах, дает возможность тщательно исследовать миграционные процессы – важную составную часть этнической истории коми. Фамилии и прозвища коренного и пришлого населения позволяют проследить как миграции, происходившие в преде-

* **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, zherebtsov@mail.illhkomisc.ru.
** Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

лах этнической территории коми (из поселения в поселение, из района в район), так и приход иноэтничных переселенцев в Коми край извне и уход коми в иные регионы. Основное значение при этом имеют топонимические, этнонимические и образованные от различных коми слов фамилии, а также фамилии иного происхождения, имеющие распространение среди определенных территориальных групп коми. Продуктивным является сопоставление антропонимии, отмеченной в писцовых и переписных книгах, с современным фамильным составом как по районам, так и по отдельным селениям [8].

Вместе с тем эти источники имеют ряд существенных недостатков, которые нельзя не учитывать. Во-первых, в книгах фиксировалось не все население. Практически не учитывались женщины (кроме переписи 1710 г. и редких исключений, касающихся вдов-дворовладелиц, церковных просвирниц и проживающих в монастырях «стариц» в других книгах). Мужчины также фиксировались не полностью, причем полнота их учета различна в разных книгах (переписные книги 1678–1679 гг. в этом отношении полнее, чем все предшествовавшие). Далее, часть жителей утаивалась самим населением, стремившимся таким путем ослабить налоговое бремя. Особенно значительной эта утайка была в начале XVIII в. Наконец, в книгах возможны пропуски или повторные записи некоторых населенных пунктов, неверные подсчеты количества селений, дворов и жителей [9].

Во-вторых, в этих источниках фактически отсутствуют сведения о национальном составе населения. Встречаются лишь отдельные указания на этническую принадлежность. В определенной мере этот пробел восполняется при помощи анализа ономастического материала (в частности, топонимов и антропонимов, имеющих этническое содержание), но полной картины эти материалы, конечно, дать не могут. В-третьих, в книгах в большинстве случаев не указаны причины переселений, не всегда называются конкретные направления ухода, крайне редки сведения о приходе переселенцев в Коми край и о месте их прежнего жительства (правда, существенную помощь в этом вопросе оказывают топонимические фамилии, т.е. фамилии, образованные на основе географических названий тех мест, где раньше жили переселенцы) [10].

Исследователи А.М. Гневушев [11], А.А. Зимин, А.И. Копанев [12], Н.П. Воскобойникова, М.А. Мацук и в определенной мере автор данной работы [13] опубликовали серию чрезвычайно содержательных источников по истории Коми края, являющихся важнейшей документальной базой для анализа демографических и социально-экономических процессов, протекавших на Европейском Северо-Востоке в конце XVI − начале XVIII в. К сожалению, писцовые и переписные книги по Прилузью и Летке остаются практически неизданными. В данную публикацию включены фрагменты дозорной книги Сольвычегодского уезда 1620 г., переписной книги Сольвычегодского уезда 1647 г. и переписной книги Хлыновского уезда 1710 г., содержащие информацию о Прилузье и верхней Летке XVII – начала XVIII в.

Передача текста осуществлена по существующим правилам издания источников. Выносные буквы вносятся в строку и смягчаются по современному правописанию. Сокращенные слова под титлами и без них раскрываются без специальной оговорки. В конце слов буква «ъ» опускается, буква «ь» ставится по правилам современной орфографии. Цифры, написанные словами, передаются арабскими цифрами. Утраченные буквы восстанавливаются в квадратных скобках. Явные описки писцов и допущенные ими пропуски восстанавливаются без примечаний и скобок. Слова или фразы, не ясные по смыслу и не подлежащие бесспорному исправлению, в соответствующих местах текста оставляются без изменений с оговоркой в примечании: «Так в тексте». Принятые сокращения: в. – во дворе; д. – двор; дер. – деревня; поч. – починок; кн. – книга; л. – лист; ф. – фонд.

Источники и литература

1. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. М, 1977.

2. *Тихомиров М.Н.* Приказное делопроизводство в XVII в. // Российское государство в XV–XVII вв. М., 1973. С. 348–383.

3. *Милов Л.В.* Писцовое делопроизводство (XV–XVII вв.). Экономико-географические и статистические описания // Источниковедение истории СССР. М., 1973.

4. *Колесников П.А.* Писцовые и переписные книги как источник для изучения миграций поморского населения в XVI – конце XVII вв. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып. 1; *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976.

5. *Воскобойникова Н.П.* Писцовые и переписные книги Яренского уезда конца XVI–XVII вв. как исторический источник // Материалы по истории Европейского Севера СССР. СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып. 1.

6. *Жеребцов Л.Н.* Обзор источников по расселению коми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Пермь; Сыктывкар, 1982. С. 145–155.

7. *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 376 с.

8. *Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н.* Антропонимика как источник для изучения миграций и этнического состава населения Коми края. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1990. 24 с.

9. *Жеребцов И.Л.* Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 258 с.

10. См.: *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. 224 с.

11. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собрал и ред. А.М. Гневушев. М.: издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1914. 421 с.

12. *Зимин А.А., Копанев А.И.* Материалы по истории Вымской и Вычегодской земель конца XVI в. // Материалы по истории Европейского севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 432–486.

13. Документы по истории народа коми / Сост. Н.П. Воскобойникова, М.А. Мацук. Сыктывкар, 1985. 388 с.; *Мацук М.А.* Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Сыктывкар, 1993. 184 с.; *Жеребцов И.Л., Мацук М.А.* Начало заселения верхней Летки (фрагменты дозорной, писцовых и переписной книг Сольвычегодского уезда I половины XVII в.) // Крестьяне Европейского Севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. Сыктывкар, 1996.

Дозорная книга Сольвычегодского уезда 1620 года (фрагмент)

(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15039)

(л. 2) Книги припра[вочные] Соли Выче[годской] посаду и Усольского уезда черных волостей и монастырских вотчинных деревень с Васильева письма и дозору Семеновича Самарина да подьячего Семена Осокина, каковы даны Парфенью Микифоровичу Мансурову да подьячему Василью Архипову лета 7128 [1620] году. <…>

(л. 542) В Усольском уезде волость Лутцкая Пермца по реке по Лузе.

Дер., что был починок Прислон над болотом на горе, а в ней крестьян: в. Куземка Сергеев, в. брат ево Родионка, в. брат же его Федка. Пашни паханые худые земли 3 чети без третника в поле, а в дву по тому ж. В живущем полутрети выти. Да у тое ж деревни на реке на Лузе сверх выше сухие курьи по чистому озерку на усть Визганки прямо да по Визганке вверх и до вершины, сена ставитца 60 копен. И того сена к живущей пашне 10 копен. А на 50 копен оброку // (л. 542 об.) положено по два алтына по три денги на год.

Дер., что был починок Гарь над болотом, а в ней крестьян: в. Ондрюшка Федоров, в. Беляйко Сергеев. Пашни паханые худые земли 3 чети без третника в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен. В живущем полтрети выти.

Дер., что был починок Прислон на Лойме над болотом у глубоково врага, а в ней крестьян: в. Васка да Тренка Пантелеевы. Пашни паханые худые земли 3 чети без третника в поле, а в дву по тому ж. Сена на новой росчисти в отходе на Начиваде 12 копен. В живущем полтрети выти. // (л. 543)

Дер. Матфеевская на речке на Вадреше на Лойме, а в ней крестьян: в. Васка Дмитриев, в. Меншичко Некрасов, в. Савка Калинин, в. Пиминко Иванов, в. Онашка Оверкиев. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена в наволоке Егутцком 23 копны. В живущем четь и полчети выти.

Дер. Ракино на речке на Лузе, а в ней крестьян: в. Пятко Степанов сын Ракина, в. Семейка Федоров. Пашни паханые худые земли и с припашью 14 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен. В живущем выть без получети выти. // (л. 543 об.)

Дер. Тарбеевская над Варшею: в. Сазонко Ерилов, в. брат ево Офонка. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен. В живущем полвыти.

Дер. Борисовская на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Мартемьянко Офонасьев, в. Данилко Архипов с сыном с Федкою. Пашни паханые худые земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен. В живущем выть без чети выти.

Дер. Гам, а Ракино тож на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Гришка Омельянов, в Тиханко Офонасьев // (л. 544) с сыном с Потапком. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 17 копен. В живущем четь и полчети выти.

Дер. Козловская, а в ней крестьян: в. Ивашка Семенов з братом с Пашком, в. брат их Микифорко Семенов. Пашни паханые худые земли 3 чети без третника в поле, а в дву по тому ж. Сена 7 копен. В живущем полтрети выти.

Пустошь, что была деревня Тарасовская на речке на Лехте. Пашню пашет наездом Фомка Тиханов сын Иевлева из деревни Тарасовы. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву // (л. 544 об.) по тому ж. Сена 20 копен. В живущем полвыти.

Дер. Тарасова на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Фомка Тиханов сын Иевлева, в. брат ево Мишка Иевлев, в. Стахейко Архипов, двор пуст Ивашка Нечаева, умер, в. Оверка Семенов. Пашни паханые середние земли 17 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена на отхожей пожне на Росогле ставитца 30 копен, а 20 копен на тои ж пожне деревни Ракино. В живущем выть с четью выти. У тое же деревни озеро да 2 перевесья, оброку платят по шти алтын по четыре // (л. 545) денги на год.

Дер. Рагозино, а в ней крестьян: в. Ромашко Тиханов с сыном с Киселком. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен. В живущем четь выти.

Дер. Борисово на Лузе, а в ней крестьян: в. Васька Осипов, в. Васка Терентьев, в. Федка Борисов. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена в Облом (?) наволоке 17 копен. В живущем выть без чети выти.

Дер. Тимофеевская на речке на Ратегове, а в ней крестьян: в. Офонька // (л. 545 об.) Григорьев, в. Власко Осипов сын Епимахов, в. Поспелко Михайлов. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 22 копны. В живущем четь выти. К той же деревне озеро да перевесье, оброку платят 6 алтын 4 денги на год.

Дер. Лентилап Запольская, а в ней крестьян: в. Омелька Тимофеев, в. Костька Меньшиков. Пашни паханые середние земли 10 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен на пожнях Варвомени (?)

да на усть Пряма да в Кузватцком наволоке. В живущем выть без // (л. 546) чети выти. Да за ними ж озерко, оброку платят по 3 алтына по 2 деньги на год.

Дер. Путиловская на Лузе, а в ней крестьян: в. Пронька Семенов с сыном с Митькою, в. Лучка Семенов, в. Анцыфорко Семенов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена на реке на Лузе 23 копны. В живущем полвыти.

Дер. Вотиновская, а в ней крестьян: в. Ивашко Юрьев сын Родионов с сыном с Омелькою, в. Тимошка Иванов сын Жданова. Пашни паханые середние земли 12 чети с полуосьминою да перелогом и лесом поросло 9 // (л. 546 об.) чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж. Сена 22 копны. В живущем выть без полчети выти, а в пусте полвыти и полчети выти.

Дер. Семеновское, а в ней крестьян: в. Бориско Борисов, двор пуст ево ж. Пашни паханые середние земли 3 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен. В живущем четь выти.

Дер. Милинская на Лузе, а в ней крестьян: в. Гришка Мокеев с сыном с Оникейком, в. Первушка Микифоров, в. вдова Оноска Микитинская с сыном с Ваською, в. Федька Олексеев сын Рогова. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена // (л. 547) в Девятом наволоке 12 копен. В живущем четь выти.

Дер. Уркинская на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Якушко Савельев. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен. В живущем четь выти.

Дер. Визалевская на Лузе, а в ней крестьян: в. Савка Власов, в. брат его Гаврилко. Пашни паханые худые земли 7 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 22 копны. В живущем четь и полчети и полполчети выти. У тое ж деревни участок речки Улы рыбная ловля и с лесы и с падуны в Раменском // (л. 547 об.) погосте. Оброку платят по 10 алтын на год.

Дер. Итетевская на Лузе, а в ней крестьян: в. Сергейко Федоров, в. вдова Аломпейка Силинская с сыном с Ерофейком. Пашни паханые худые земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 13 копен. В живущем четь и полполчети выти.

Дер. Ходутовская, а в ней крестьян: в. Ларька Кашанин, в. брат ево Федотка, в. Титко Вавилин. Пашни паханые худые земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 13 копен. В живущем четь и полполчети выти.

Дер. Карповская, а в ней крестьян: // (л. 548) в. Якушко Иванов, в. брат его Сиверка Иванов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен. В живущем четь выти.

Дер., что был починок за рекою за Лузою повыше Лоемского погосту в наволоке пуста, а в ней двор пуст, пашню пашет наездом всее (?) Первуша Ерило с погосту. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен. Наезжей пашни четь и полчети выти.

Дер. Семеновская, а в ней крестьян: в. Оверка Капустин, в. Поспелко Иванов. Пашни паханые худые земли // (л. 548 об.) 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен. В живущем четь и полчети выти.

Дер. Старцовская, а в ней крестьян: в. Ивашко Селиванов, в. Демешка Самуилов. Пашни паханые худые земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 13 копен. В живущем четь и полполчети выти.

Починок Горяиновской пуст, а в нем двор пуст. Пашню пашет наездом Ивашко Селиванов из деревни Старцовские. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен. Наезжей пашни четь выти. // (л. 549)

Дер. Кондоревская, а в ней крестьян: в. Пиминко Еремеев, в. Власко Мартынов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен. В жДер. Омельянова, а Помясовская тож, а в ней крестьян: в. Мишко Яковлев з братом з Гаврилком; в. Ондрюшка Иванов, в. Елка Тимофеев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь выти.

Дер., что был починок Огеев, а в ней крестьян: в. Поздейко Ермолин с сыном с Обросимком. Пашни паханые худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому же. // (л. 549 об.) Сена 7 копен, в живущем полчети и полполчети выти.

Дер. Кузнецово, а в ней крестьян: в. Офонька Обрамов, в. Гришка с сыном с Омелькою, в. Ярофейко Трофимов. Пашни паханые худые земли 10 чети да перелогом и лесом поросло 10 же чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти и полчетверти выти, а в пусте полвыти и полчетверти выти. У тое ж деревни на отхожей пожне оброчного сена 30 копен, оброку платят по 10 денег на год.

Дер. Данилово на Лузе, а в ней крестьян: в. Спирько Посохов, в. куземка Тырышкин. // (л. 550) Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Ермолино, а Тихановская тож, а в ней крестьян: в. Онаша Пантелеев з братом с Ысачком. Тое ж деревни на тех же полях в относе: в. Ларька Васильев. Пашни паханые худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем полчети и полполчети выти.

Дер. Филимоновская, а в ней крестьян: в. Якушко Прокофьев з братом с калинкою; на тех же полях отнесено поконецпол: в. Лаврик Осипов, // (л. 550 об.) в. Первушка Иванов, в. вдова Лукерька Карповская с сыном с Лазарьком. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер., что был починок Ивашково, а в ней крестьян: в. Данилко Елизарьев, д. пуст ево ж Данилков. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Галахтионова, а в ней крестьян: в. Федька Давыдов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 // (л. 551) копен, в живущем четь выти.

Дер. Степановская, а в ней крестьян: в. Поздейко Онисимов с сыном с Федькою. Пашни паханые худые земли 4 чети, да перелогом 4 ж чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь выти, а в пусте четь же выти.

Дер. Иванова на Усть Селюга, а в ней крестьян: в. Гришка Аврамов, в. племянник его Карпик Васильев, в. Евсюк Васильев. Пашни паханые худые земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 40 копен, в живущем выть без чети выти. //

(л. 551 об.) Дер. Гавриловская, а в ней крестьян: в. Левка Иванов. На тех же полях в относе: в. Семейка Степанов, прозвище Капуста; в. Ларька Григорьев сын Чижов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем полвыти.

Дер. Колегова Тимофеева на речке на Раюзле, а в ней крестьян: в. Богдашко Тиханов, в. Степанко Микифоров, в. Ивашка Исаков, в. Митрошка Омельянов, в. Парфенко Ярофеев. Пашни паханые середние земли 21 четь в поле, а в дву по тому ж. Сена 50 копен, в живущем выть с полувытью.

Дер. Ивашка Панева на речке на Лехте, // (л. 552), а в ней крестьян: в. Самсонко Васильев. Пашни паханые середние земли 7 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Ивашка Морозова на речке на Лехте новая роспашь, а в ней крестьян: в. Демка Ермолин, в. Никонка Михайлов. Пашни паханые худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти и полчети выти.

Дер. Петрова на Лехте, а в ней крестьян: в. Васька Ортемьев, в. Сенька Онисимов, д. пуст Карпика Иванова, а пашню того двора пашет наездом Куземка Митин из деревни Гороховские. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву // (л. 552 об.) по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Еремеева на Лехте, а в ней крестьян: в. Пашко Семенов сын Худяков, в. Ивашко Степанов, в. Тренька Борисов, в. Мишка Ортемов. Пашни паханые худые земли 16 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 40 копен, в живущем выть.

Дер. пуста Раюзли на Лехте, а в ней двор пуст Мелешки Савельева, умер, а пашню пашет наездом Ивашко Степанов из деревни Еремеева. Пашни паханые середние земли 5 чети с полуосьминою, да перелогом 2 чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, наезжей пашни четь и полчети выти, а в пу//(л. 553)сте полчети выти.

Дер. Анкирчье на Лехте, а в ней крестьян: в. Пашко Сидоров, в. Федька Иванов, в. Еремка Яковлев, в. ивашко Ортемьев, в. Фомка Климов, в. Ондрюшка Беляев. На тех же полях в выставке: в. Куземка Митин. Пашни паханые середние земли и с припашью 12 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 23 копны, в живущем выть без полчети выти.

Дер. Сенькино на Лехте, а в ней крестьян: в. Карпик Евсеев. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Чешкашер на речке на Лехте, а в ней крестьян: в. Демка Ортемов. Пашни паханые // (л. 553 об.) худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Новоселово на Лехте, а в ней крестьян: в. Захарко Кирилов, д. Васьки Кирилова, умер во 126 [1618] году. Пашню того двора пашет Митька Захаров. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

В Порубе в волостьке.

Дер. Лоньюрья на речке на Порубе, а в ней крестьян: в. Ивашка Ортемьев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем четь выти.

Дер. Носовская на Порубе, а в ней крестьян: в. Иевка Оверкиев, в. Куземка Чебежев, в. брат // (л. 554) его Левка. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Капончюкова на Порубе, а в ней крестьян: в. Елька Сысоев, в. брат его Гришка. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Подсосновой починок на Порубе, а в ней крестьян: в. Марко Потапов, в. Васька Лобанов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. пуста Карпиково на Порубе, а в ней двор пуст Степанка Тарасова, сшол безвесно. Пашню пашет наездом Васька Лобанов // (л. 554 об.) из деревни Подсосновово починка. Пашни паханые худые земли 2 чети, да перелогом и лесом поросло 2 ж чети в поле, а в дву по тому ж. Наезжие пашни полчети выти, а в пусте полчети ж выти.

Дер. Немцово на Порубе, а в ней крестьян: в. Савка Овдокимов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Зятево на Порубе, а в ней крестьян: в. Ортюшка Голощапов, в. Тиханко Зорин. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем полвыти.

Дер. Подгорная на Порубе, а в ней крестьян: в. Пантелейко Осипов сын Езимова з братом // (л. 555) с Онтипкою, в. Васька Давыдов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Порогова на Порубе, а в ней крестьян: в. Куземко Езимов, в. Беляйко Васильев с сыном с Тренькою. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Шумиловская на Порубе, а в ней крестьян: в. Ивашко Овдокимов. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Онтипино на Порубе, а в ней крестьян: в. Тимошка Онтипин. Пашни паханые худые // (л. 555 об.) земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Егиб на Порубе, а в ней крестьян: в. Якушко Мокаров. Пашни паханые худые земли 6 чети, да перелогом 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четверть и полчетверти выти, а в пусте полчети выти.

Дер. Осташевская на Порубе, а в ней крестьян: в. Наумко Якимов с сыном с Федькою, д. пуст Микитки Наумова, сшол безвесно во 125 году, а пашню пашет он же, Наумко. На тех же полех в выставке: в. Сенька Алампеев с сыном с Еремкою. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 25 копен, в живущем полвыти.

Дер. Другая Осташевская, а в ней крестьян: в. Ва//(л. 556)ська Григорьев, в. Гришка Некрасов, в. Игнашко Патрекеев. Пашни паханые худые земли 6 чети, да перелогом и лесом поросло 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти, а в пусте полчети выти.

Дер. Кеповская на Порубе, а в ней крестьян: в. Карпик Никитин; д. пуст Степановской, сшол безвесно лет з 10. Пашни паханые худые земли 4 чети, да перелогом и лесом поросло 4 ж чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь выти, а в пусте четь же выти.

Дер. Ерасимово на Порубе, а в ней крестьян: в. Олешка Некрасов; да 2 двора пусты Меркушки Некрасова, сшол безвесно во 123-м году. // (л. 556 об.) Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Миколевская на Порубе, а в ней крестьян: в. Юшка Васильев, в. бобылка вдова Маурка Некрасовская. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем полвыти.

Дер. Бердышевская на Порубе, а в ней крестьян: в. Федька Степанов, в. Беляйко Ондреев, в. Максимко Степанов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Мартыновская, а в ней крестьян: в. Васька Юрьев, в. Васька Федотов. Пашни паханые худые земли 6 чети, да перелогом и лесом поросло // (л. 557) 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти, а в пусте четь выти.

Дер. Ивана Колова на Порубе, а в ней крестьян: в. Осташко Созонов, в. Демка Митин, в. бобыль Михалко Захаров. Пашни паханые худые земли 12 чети, да перелогом и лесом поросло 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем выть без чети выти, а в пусте полвыти. У тое ж деревни на отхожей пожне оброчного сена 30 копен, оброку платят по десяти денег на год.

Пустошь, что была дер. Борисовская на Порубе. Пашни перелогом и лесом поросло худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена было 10 копен, в пусте четь выти.

Дер. Гарь над Порубом, // (л. 557 об.) а в ней крестьян: в. Онтон Кошеин. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 7 копен, в живущем полчети выти.

Дер. Тирасла на Порубе, а в ней крестьян: в. Костька Тарасов; двор пуст Батрачка Некрасова, съехал на Каму. Пашни паханые худые земли 4 четверти в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Куисеи на Порубе, а в ней крестьян: в. Васька Наумов, в. Климко Федоров, в. Гаврилко Петров. Пашни паханые худые земли 6 чети да перелогом и лесом поросло 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти, а в пусте полчети выти.

Дер. Гарь на бору на речке на Порубе, а в ней // (л. 558) крестьян: в. Сенька Фомин с сыном с Еремкою. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Чиначеи на Порубе, а в ней крестьян: в. Меньшичко Якимов, в. Офонька Сергеев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти. У тое ж деревни была пожня на реке на Лузе выше истока Кучпоза и с присыпью, и ту пожню продали от тое деревни от Чиначея Меньшичко Екимов Ваське Ондрееву. Сена на ней ставитца 30 копен, оброку платят по 10 денег на год.

Дер. пуста Другое Чиначее, а в ней крестьян: двор пуст Степанка Сергеева сына Бурдукова. Пашню пашет наездом Викулко Поздеев. // (л. 558 об.) Пашни паханые худые земли 4 чети, да перелогом и лесом

поросло 4 ж чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, наезжие пашни четь выти, а в пусте четь же выти.

Дер. Третее Чиначее на Порубе, а в ней крестьян: в. Федька Огафонов сын Поздеев, в. Викулко Поздеев, в. Меньшичко Симанов, в. Нестерко Ортемов, в. Киприянко Поздеев, в. Демка Иванов. На тех же полях в выставке: в. Митька Батеев, в. Онтонка Батеев. Пашни паханые худые земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть без чети выти.

Починок Прислонец над речкою над Раюслем на Порубе новая роспашь, а в нем крестьян: в. Максимко Шилкин. Пашни паханые худые земли 2 чети // (л. 559) в поле, а в дву по тому ж. Сена у речки у Поруба 5 копен, в живущем полчети выти.

В Спаском погосте.

Дер. Трофимово, а в ней крестьян: в.Федосейко Трофимов, в. Ивашко Максимов, в. Мартьянко Бордуков; двор пуст бобыльской на поскотине Калининской, сшол безвесно. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Над бором Спаская, а в ней крестьян: в. Марко Иванов, в. Оничка Мосеев, в. Филька Павлов; двор пуст Тимошки Мосеева, сшол на Каму во 124-м году. Пашню его жеребеи пашут Мосейко Рудаков из деревни из Васильевские. // (л. 559 об.) Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем полвыти.

Дер. Дмитрова, а в ней крестьян: в. Игнашко Елизарьев, в. Сидорко Мартьянов, в. Иевко Максимов, в. Исачко Никитин, в. Мартьянко Матев, в. бобыль Калинко Исаков. Пашни паханые худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти и полчети выти.

Дер. Карповская, а в ней крестьян: в. Куземка Петров, в. Трофимко Васильев сын Кузнец. На тех же полях в выставке половники Васьки Ондреева с погосту: в. Иевко Максимов, в. Бориско Исаков. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. // (л. 560) Сена 22 копны, в живущем полвыти.

Дер. Васильевская, а в ней крестьян: в. Микитка Рудаков, в. Мосейко Рудаков, в. половник Спаского попа Якова Первушка Парфенов, в. Сенька Васильев. Пашни паханые худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 23 копны, в живущем полвыти и полчети выти.

Дер. Шиловская, а в ней крестьян: в. Федька Ондреев, в. Кирилко Перфильев. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 17 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Матвеевская, а в ней крестьян: в. Игнашко Климентьев, в. Васька Семенов, в. Ортюшко Онтомонов, // (л. 560 об.), в. Ивка Ерофеев, в. половник Савки Семенова Ивашко Степанов; двор пуст Игнашки Клементьева. Пашни паханые худые земли 20 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 50 копен, в живущем выть с четью выти.

Дер. Урусовская, а Урнышевская тож, а в ней крестьян: в. в. Ларька Урнышев с сыном с Федькою, в. Левка Урнышев, в. Парфенко Урнышев, в. Елисейко Терентьев с сыном с Агейком, в. Вахрушко Терентьев. Пашни паханые середние земли 10 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть без чети выти.

Дер. Сабурово на Лузк, а в ней крестьян: в. Потапко Власов з братом с Худячком, в. Ивашко Максимов, в. Сенька Гирев. Пашни // паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем полчети выти.

В Пермском погосте.

Дер. Софроновской наволок на Лузе, а в ней крестьян: в. Пятко да Офонька Климовы, в. Потапко Омельянов, в. Фомка Агеев, в. Терешка Евсевьев, в. Лучка Онисимов; двор пуст Гришкинской, сшел безвесно. Пашни паханые худые земли и с припашью 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена на 12 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Ракино на оезрке на Кувате новая роспашь, а в ней крестьян: в. Матвейко Омельянов; двор пуст Ситка Терентьева из выставка. На тои же земли в выставке: Ситко Терентьев. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 5 копен, в живущем полчети выти. // (л. 561 об.)

Дер. Другой Наволок, а в ней крестьян: в. Олешка Ондреев; двор Ондрюшкинской пуст, съехал на Каму в 124 году, а землею владеет Лучка Анисимов из дер. Софоновские. На тои ж земле в выставке: в. Боженко Филипов. Пашни паханые худые земли 3 чети, да перелогом и лесом поросло четь в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем полчети и полполчети выти, а в пусте полполчети выти. <…>

В Подкиберском подволочье.

Дер. Вишаковская на Лузе, а в ней крестьян: в. Митька Потапов, в. Трофимко Федоров, в. Кирилко Малцов. Пашни паханые худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти и полчети выти.

Да за ними ж в наволоке в Елкикоже да у де//(л. 562)суда* на Зезелове сена ставитца 50 копен, оброку платят по 3 алтына по 2 деньги на год.

Дер. Другая Вишаковская на озерке и не реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Васька Кондратов, в. Федька Кондратов, в. вдова Полагейка Федоровская, в. Гришка Иванов. На тои ж земли в выставке: в. Левка Мартемьянов, в. Пронька Горбунов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Глебовская на Лузе, а в ней крестьян: в. Парфенко Захаров с сыном с Потапком. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти. Да у них же оброчново сена 20 копен, оброку платят по алтыну на год.

Дер. Спиринская над речкою // (л. 562 об.) над Нюлою, а в ней крестьян: в. Ивашко да Олешка Яковлевы. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Другое Спиринское над Нюлою ж, а в ней крестьян: в. Данилко Некрасов, в. Фефилко Овдокимов с сыном с Фалкою. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Третее Спиринское над Нюлою ж, а в ней крестьян: в. ЖючкоИванов. А другою половину тое деревни пашет наездом Чюдинко Ондреев ис Кибринские волости. Пашни паханые худые земли // (л. 563) 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 17 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Негорт на Лезу*, а в ней крестьян: в. Тимошка Некрасов, в. Карпик да Осипко Петровы. На тои ж земли в выставке: в. вдова Оленка Савинская, в. бобыль Миронко Агафонов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Новоселка на горе* на Лузе, а в ней крестьян: в. Ивашко Черкасов. Тое ж деревни за рекою за Лозою* выставок, а в ней: в. Поздейко Дементьев, в. Меншичко Ондреев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. // (л. 563 об.) Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Екшер на Лузе, а в ней крестьян: в. Митька Офонасьев с сыном с Оською, в. Спирька Онаньин, в. Ивашко Офонасьев, в. Сенька Кузьмин, в. Ивашко Оринин, в. Кирилко Шучалин. Пашни паханые худые земли 16 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 40 копен, в живущем выть.

В Володине погосте

Дер. Березник на Лузе, а в ней крестьян: в. Меншичко Ондреев с сыном с Оською, в. Васька Корнилов, в. Тимошка Федоров, в. Сидорко Ермолин, в. Левка Ермолин, в. Олешка Микитин. На теи ж земле в выставке: в. Павлик Микитин. Пашни паханые худые земли и с припашью // (л. 564) 13 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть без полчети и без полполчети выти.

Дер. Степаново, а в ней крестьян: в. в. Федька Степанов с сыном с Павликом, в. Мартынко Беляев, в. Мишка Беляев; двор пуст Дорофейка Данилова. Пашни паханые середние земли 10 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть без чети выти.

Дер. На нижнем Илгорте, а в ней крестьян: в. Федька Иванов. На тои ж земле в выставке: в. Петрушка Васильев. Пашни паханые середние земли 7 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. На Илгорте ж, а в ней крестьян: в. Гаврилко // (л. 564 об.) Микитин. На тои ж земле в выставке: в. бобыль Михейко Иванов. Пашни паханые середние земли 3 с осьминою чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Нестерово, а в ней крестьян: в. Есипко Офонасьев. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 7 копен, в живущем полчети выти.

Дер. Миляшево, а в ней крестьян: в. Лучка Мокаров, в. Олешка Дягилев. На тои ж земли в выставке: в. бобыль Дорофейко Данилов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живу// (л. 565) щем полвыти.

Дер. Другое Миляшево, а в ней крестьян: в. Ларька Оксенов, в. Фарафонко Зиновьев, в. Осипко Ермолин, в. Куземка Федоров, в. Васька Носков, в. вдова Фетиньица Борисовская жена. Пашни паханые худые земли 16 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть.

В Емове погосте.

Дер. Васильево, а в ней крестьян: в. Илейка Федоров сын Онофреев, в. Митька Семенов, в. Евсевейко Онаньин, в. Первушка Микитин, в. бобылка вдова Марьица Юрьевская жена. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 17 // (л. 565 об.) копен, в живущем четь и полчети выти.

* Так в тексте.

Дер. Марфино, а в ней крестьян: в. Гаврилко Григорьев, в. Петрушка Маковеев. На ито* ж земле в выставке: в. Ларька Маковеев. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 7 копен, в живущем полчети выти.

Дер. Юксино, а в ней крестьян: в. Офонька Иванов сын Губина, в. Лучка Богданов, в. Исачко Ортемов; место дворовое Родьки Вахромеева, двор згорел, а он живет на подворье у Исачка Ортемова. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем // (л. 566) полвыти.

Дер. Емово, а в ней крестьян: в. Демка Колегов, в. Митька Федоров, в. Олферко Дорофеев, в. бобыль Дорофейко Олексеев, в. Оверка Олексеев. На тои ж земле в выставке: в. Оксенко Меркурьев, в. Сергейко Кондратьев. На тои ж земле другой выставок, а в нем: в. Ивашко Горбунов, в. Гаврилко Семенов, в. Офонька Ширяев. Пашни паханые худые земли и с припашью 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 25 копен, в живущем полвыти и полчети выти.

Дер. Погорова, а Пуреговская тож, а в ней крестьян: в. Харламко Васильев сын Головин, в. Онтошка Иванов. Пашни па//(л. 566 об.)ханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

На озерках.

Дер. Аристово на озерке, а в ней крестьян: в. Ларионко Степанов, в. Онтоманко Иванов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. пуста на озерках, что бывала пустошь зарослая, а в ней: двор пуст Васьки Максимова. А землю пашет наездом ис Филиповы деревни Юшка Остафьев. Пашни паханые худые земли четь, да водою сметало рекою Лузою четь же в поле, а в дву по тому ж. Сена 5 ко//(л. 567)пен, наездные пашни полполчети выти, а водою сметало полполчети же выти.

Дер. Филипово на озерках, а в ней крестьян: в. Юшка Остафьев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Матвеева на озерках, а в ней крестьян: в. Ларька Сидоров сын Панев, в. Федька Мартемьянов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Филипово на озерках, а в ней крестьян: в. Обрамко Онаньин, в. вдова Федосьица Остафьевская жена. На тои ж земле в выставке: в. Гришка Дмитреев, в. Ондрюшка Софронтьев, // (л. 567 об.) в. Тимошка Степанов. Пашни паханые худые земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть без чети выти.

Дер. На озерках, а в ней крестьян: в. вдова Катеринка Федотовская жена Кирьянова, в. бобыль Киприянко Трофимов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. пуста На прислоне, а в ней 3 двора пусты: Михайловской Панева, да Кипчаковской, да Киршаковской Михайло, все померли в зяблой год. Пашни перелогом и лесом поросло худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. В пусте четверть выти.

Дер. Калинино на Лузе, а в ней крестьян: в. Савка Федоров, в. Пятунько Федоров, в. Анцыфорко Федоров, в. Ермолко // Якимов, в. Васька Федоров. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти. Тое ж деревни выставок: в. Ивашко Тимофеев с сыном с Ваською, в. Трофимко Тимофеев сын Калинина, в. Онисимко Тимофеев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Что была деревня Захарово, сметало водою рекою Лузою, пашни в ней было середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен. Сметало водою четь выти. //

В Объяческом погосте.

Дер. Тупеговская, а в ней крестьян: в. Федька Иевлев з братом с Филькою. Пашни паханые середние земли 7 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти. Да к тои ж деревне угодей по купчим и по входным и по крепостям: поженка Пожин Тылкосока, сена ставитца 20 копен волоковых. Поженка подле Ожин речка Ожин* с наволачками и с езовищи и с новинными месты с пашенными, а межи по купчим и по входным; поженка Солвалва, поженка на усть Нового // (л. 569) озера и с причистью и с ыстоком по обе стороны, да поженка Остров, да поженка Ижидвиц, на наволок Поддором; тое ж деревни скотинной выпуск и с озерком и с ысточком до реки до Лузы и с водопойными месты по обе стороны, да прислон пашенное место по вражку по Важгошеру, а межи по купчим и по входным; да по Сыншеру лесы лешебные, да прислон Анкозья, а тот прислон с Пятком Левонтьевым вместе по купчим и по деловым. А на всех на тех поженках сена ставитца 25 копен волоковых, а иные месты вново розчищати. Да у деревни Захаровские поженка Инвич да другая поженка Моепель, // (л. 569 об.) а сена на тех поженках ставитца 30 копен волоковых. Да у тое ж

* Так в тексте.

деревни речка Соя с лешебными лесы и с путики по обе стороны и с рыбною ловлею, а межи по купчим и по входным. И на все на те угодья положено оброку 20 алтын.

Дер. Кузьмы Лямчикова, а в ней крестьян: в. Пятко Левонтьев. В тое ж деревне пашет наездом Ивашко Матвеев по купчей четвертой жеребеи, да тут же во дворе без пашни Олешка Попов, а пашню пашет на Вилгортской дороге на бору под болотом и до бору по купчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 // (л. 570) копен, в живущем четь выти.

Дер. Захаровская, а в ней крестьян: в. Тимошка Екимов, в. бобыль Ортюшка Симонов. На тои ж земле в выставке: в. Максимко Васильев. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Югово, а в ней крестьян: в. Филька Томилов, в. Мартемьянко Яковлев. Пашни паханые середние земли 5 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Другое Югово, а в ней крестьян: в. Титко Яковлев, в. Гуляйко Федоров. Пашни паханые середние земли // (л. 570 об.) 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. пуста Микулино, а в ней двор пуст, пашню пашет наездом Объяческого погоста Никольской поп да прыхожане, откупили де миром всем при[хо]дом тое деревни к церкве у Микитки Дмитреева. Пашни паханые худые земли 2 чети, да перелогом 2 ж чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, наезжие пашни полчети выти, а в пусте полчеты же выти.

Дер. Борисово, а в ней крестьян: в. Нечайко Офонасьев с сыном с Офонькою, двор земскаго дьячка Васьки Юрьева, а па//(л. 571)шет наездом, двор Заньки Понкратова, пашет наездом из выставка и с починка Загарья. Тое ж земли в выставке починок Загарье, а в нем крестьян: в. Ларька Носков, в. Захарко Носков, в. Баженко Лукьянов. Пашни паханые худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 22 копен, в живущем полвыти и полчети выти. Да* у них же усть Соли речки рыбные ловли и путики до Лузы реки по их крепостям, а оброку им платить с рыбные ловли и с путиков 16 алтын 4 деньги, а владеть им по своим купчим и по крепостям.

Дер. Туганово, Родионовская, а в ней крестьян: // (л. 571 об.) в. Онтонка Федоров, в. Вахрушка Оверкиев. На тои ж земле в выставке починок Вверх Горташа: в. Ивашка Оверкиев. На тои ж земле в другои выставке: в. Мишка Лихачев. На тои ж земле в третеем выставке: в. бобыль Вахрушка оверкиев. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь и полчети выти и с выставками**.

Дер. Остапово, Лихачевская тож, а в ней крестьян: в. Иевка Шулепов с сыном с Юдкою, Васька Шулепов с сыном с Митькою. На тои ж земле в выставке: в. Петрушка Семенов, в. Васька Семенов. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, // (л. 572) а в дву по тому ж. Сена 17 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер., что был починок Окисин, а в ней крестьян: в. Кирилко Романов з братом с Калинкою, в. Тренька Романов з братом с Калинкою ж. На тои ж земле в выставке: в. половник Кирилка Романова Васька Романов. На тои ж земле в другом выставке: в. Васька Паюсов. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Другое Борисово, а в ней крестьян: в. Карпик Степанов, в. ево ж половник Гришка Харитонов; двор пуст Максимка Васильева, пашню того двора пашет // (л. 572 об.) он, Максимко, из деревни Захаровские от погосту. На тои ж земле в выставке: в. Вавилко Ларионов. На тои ж земле в другом выставке: в. Оська ларионов, в. Офонька Харитонов. Пашни паханые худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 23 копны, в живущем полвыти и полчети выти.

Дер. ивкино, а в ней крестьян: в. Логинко Яковлев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем четь выти.

Дер. Яковлево Пряженово, а в ней крестьян: в. Пахомко Васильев сын Губин, в. Юрка иванов. На тои ж земле выставок: // (л. 573) в. вдова Феклица Пантелеевская с сыном с Родькою; двор пуст Пахомка Васильева. Пашни паханые худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 7 копен, в живущем полчети и полполчети выти.

Дер. Микулинская, а в ней крестьян: в. Васька Степанов с сыном з Азикою. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Марковская, а в ней крестьян: в. Ивашко Титов. На тои ж земле в выставке: в. Микитка Конанов, в. племянник его Васька Федоров. На тои ж земле в другом выставке: в. вдова Варварка // (л. 573 об.) Анцыфоровская с сыном с Мишкою, в. вдова ж Дарьица Дмитреевская. Пашни паханые худые земли 9 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 22 копны, в живущем полвыти и полполчети выти.

Дер. Горяиновская, а в ней крестьян: в. Пьянко Максимов. На тои ж земле в выставке: в. Васька Панфилов. Пашни паханые худые земли 9 чети в поле***, а в дву по тому ж. Сена 22 копны, в живущем полвыти и полполчети выти.

---

* В тексте «на».
** В тексте «выставкими».
*** В тексте «пеле».

Дер. Загарье на Лузе, а в ней крестьян: в. Микитка Дмитреев, в. Минейко Логинов. На тои ж земле в выставке: в. // (л. 574) Ивашко Дмитреев. Пашни паханые худые земли и с тем, что в заполице, 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь и полчети выти.

В Шерковском погосте.

Дер. Карповская на Лузе, а в ней крестьян: в. Вахрушко Митин, в. Трифанко Степанов, в. Тимошка Григорьев. На тои ж земле в выставке: двор пуст Федьки Мосеева. Пашни паханые худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем полчети и полполчети выти.

Дер. Васьково, а в ней крестьян: в. Левка Иванов. Пашни паханые худые земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому же. // (л. 574 об.) Сена 20 копен, в живущем четь выти.

Дер. Мичюрино, а в ней крестьян: в. Тимошка Мичюрин. На тои ж земле в выставке: в. Левка Смолев, в. Федька Мосеев, в. Гришка Иванов. Пашни паханые худые земли и с припашью, что припахано вново, 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Ильинское, а в ней крестьян: в. Июдка Осипов, в. Ивашко Олексеев. На тои ж земле в выставке: в. Тимошка Родионов, в. бобыль Савка Иванов. Пашни паханые худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 7 копен, в живущем полчети и полполчети выти.

Дер. Иваново, а в ней крестьян: в. Кондрашка // (л. 575) Екимов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Коитановская, а в ней крестьян: в. Осипко Григорьев. На тои ж земле в выставке: в. Вахрушко Овдеев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем четь выти.

Дер. Пестриково, а в ней крестьян: в. Степанко Федоров. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Другое Пестриково, а в ней крестьян: в. Ондрюшка Иванов, в. вдова Маврица // (л. 575 об.) Костянтиновская; двор пуст Пахомка Кузьмина. На тои ж земле в выставке: в. вдова Оленка Ивановская жена со внуком с Ысачком. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Иваново, а в ней крестьян: в. Федька Максимов, в. Ивашко Онисимов, в. Гришка Онисимов; двор пуст Ивашка же Онисимова. На тои ж земле в выставке: двор пуст Пахомка Кузьмина. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Починок Новоя Гобскои роспашь, а в ней крестьян: // (л. 576) в. Пахомко Кузьмин. Пашни паханые худые земли четь в поле, а в дву по тому ж. Сена 3 копны, в живущем полполчети выти.

Дер. Важгорт, а в ней крестьян: в. Лучка Петров. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

В Ношульском погосте.

Починок Ульянов, а в нем крестьян: в. половник Бориска Боброва Васька Тиханов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Горбуновская, а в ней крестьян: в. Ерофейко Потеев; двор пуст Вавиловской Потеева, сшол в Сибирь. На тои ж // (л. 576 об.) земле в выставке: в. Онашка Павлов. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер., что была пустошь Яковлево, а в ней крестьян. <…>

(л. 584) <…>Лутцкие ж Пермцы все волости за крестьяны на оброке рыбная ловля и бобровые гоны половина речки Красные, да половина реки Ковры, да половина речки Федоровы, да половина речки Мамонтовы, да река Чемелина. А лесу промеж тех речек по сотной и по дозору по смете в длину 450 верст, а поперечь в ыном месте 220 верст, а инде больше, а инде // (л. 584 об.) меньши. В реках рыбная ловля и бобровые гоны, а по лесу крестьяне за зверем лесуют и всякими угодьи владеют. И оброку платят всею волостью 6 рублев 16 алтын 4 деньги и с пошлинами.

Да на оброке пожня Лов была за Евсевейком Худовым, а ныне за сыном его за Власком. Сена на ней ставитца 100 копен, оброку 5 алтын. Пожня Иняжвлом Допрясном на оброке за ним же, за Власком. Сена на ней ставитца 340 копен, оброку 17 алтын. Пожня Новая причисть, сена 40 копен, оброку 2 алтына. Да на Лоемском погосте за Ивашком за кузнецом была домница, а варил в ней железо, оброку // (л. 585) на нее положено было 4 алтына на год, а ныне та домница в пусте, печи и горны розломаны, а Ивашко кузнец збрел безвесно во 125 (1617. – Авт.) году, и тот оброк для пуста сложен.

И всего в Лутцкой Пермце 159 деревень, да выставок, да 8 починков, да наездом пашут 6 деревень пустых, да 2 починка, да пустошь. А в них жилых 444 двора, а людей в них 491 человек, да 11 дворов бобыльских, а людей в них тож. Пашни паханые середние земли 212 чети без полуосьмины // (л. 585 об.), да наездом

пашут середние ж земли 5 чети с полуосьминою, да пашни ж паханые худые земли 819 чети без третника, да наездом пашут худые ж земли 27 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. В живущем 68 вытей и полполчети и полполполтрети и полполполчети выти. Сена вытного 2060 копен, а государева оброку за намесник корм и за присудных пошлинных людей доход и с пошлинами 102 рубли 18 алтын, с выти по рублю по 16 алтын по 5 денег. Сошного письма в живущем 9 сошек, а дани и за прос и за поминочные…<…>

(л. 587об.) …34 двора пустых…<…>

(л. 588) Да старые пустоши и починки запустели до писцов, лежат в пусте, а по дозору и по сыску пашня в них и сенные покосы лесом поросли.

Починок Кучевской на Порубе. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена было 9 копен. Пашня и сенные покосы лесом поросли большим.

Починок*, что была дер. Захаркова церковная Офонасья и Кирила Александрийских. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена было 5 копен. Пашня // (л. 588 об.) и сенные покосы лесом поросли большим.

Починок**, что была деревня Денисова на озерках. Пашни худые земли 6 чети, сена 15 копен. Четь и полчети выти пашня и сенные покосы лесом поросли большим.

Починок Захаров. Пашни худые земли лесом поросло четь в поле, а в дву по тому ж. Полполчети выти. Сена 5 копен.

…И всего 2 пустоши да 2 починка. <…>

(л. 589 об.) А по приправочным и дозорным книгам 124-го (1616. – Авт.) году дозору Степана Голенищева да подьячево Пятова Филатова в волости в Лутцкой Пермце в живущем 65 вытей и полполчети выти. <…>

(л. 590) И прибыло по дозору 128-го (1620. – Авт.) году в волости в Луцкой Пермцы перед росписью в живущее полсошки без полполполчети сошки. <…>

(л. 590 об.) А перед приправочными дозорными книгами в волости в Лутцкой Пермце прибыло в живущее 3 выти и полполполтрети и полполполчети выти. Сошного письма прибыло полсошки без полполполчети сошки. <…>

(л. 591). В Объяческом погосте на реке на Лузе городок Объячей, а в нем 23 городни, да башня, а в ней ворота проезжие, да башня глухая. Стоит на круче, с истону река Луза, а з дву сторон бояроки и подошли болота, а с четвертую сторону перекоп; из бояроков к реке к Лузе бывал тайник, завалился. А в городке церковь Никола Чюдотворец древяна клетцки, да казенной анбар, а в нем за замком и за печатью у городового приказчика у Михалка Нестерова 4 пищали затинных, а к ним 1500 ядер железных, да 15 рушниц, да ствол без станку, да 2 ствола пищальных попорченых, да пуд с четью // (л. 591 об.) пороху, да в усечках и в пульках пуд свинцу, да 200 стрел. Да на погосте церковь Илья пророк клетцкии древяна, а в ней образы писные и поставные, и свечи, и книги, и ризы, и колокола, и все церковное строение мирских людей.

В Лутцкой Пермце на реке на Лузе у Спаса городище Спаское. Был городок рублен городнями, а ныне розвалился, стоял на осыпку на круче, а наряд того городка 4 пищали затинных, а к ним 1830 ядер железных, да 17 рушниц да 2 ствола, один попорчен, пуда з 3 пороху, четь пуда свинцу, 130 стрел, а свезен тот наряд в Объячей городок. // (л. 592) У городка погост на реке на Лузе, а на погосте церковь Преображенье Спасово да теплая церковь Офонасия и Кирила Александрийских. <…>

Да на Лойме погост. <…>

* Так в тексте. Должно быть, вероятно, – пустошь.

** Так в тексте. Должно быть, вероятно, – пустошь.

Переписная книга Сольвычегодского уезда 1647 года (фрагмент)

(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15052. Л. 667–704)

(л. 667) Волость Луская Пермьца по реке по Лузе.

Лоемской погост, а на погосте церковь Успение Пресвятые Богородицы да другая церковь теплая Афанасия Александрейского. А на церковной земле: в. поп Игнатей Дмитреев сын Попов, у него детей Афонька до Матюшка десяти лет; в. дьячок Дениско Андронов сын Попов с сыном с Микифорком году; в. пономарь Гришка Борисов // (л. 667 об.) сын, прозвище Сюдкин, с сыном Стенькою; в. просвирня Марфица Яковлевская жена Раскина с сыном с Коземкою Яковлевым. Да на церковной же земле: в. нищая вдова Варварка Васильевская жена.

В Лоемской же волости деревни черные. Деревня, что был починок Прислон над Болотом на горе, а в нем: в. крестьянин Оська Козьмин с сыном Ивашком; двор пуст Родьки Сергиева с сыном Ивашком, // (л. 668), а они умерли во 151-м году; двор пуст Сеньки Дмитреева, умер во 148-м году, а после них детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня, что был починок Гарь над Болотом, а в нем: в. крестьянин Антонко Федоров сын, прозвище Шумилов, с сыном Артюшкою, у Артюшки сын Васька трех лет; двор пуст Сергия Сергиева сына, прозвище Беляйка, а он жывет в Ондреевской // (л. 668 об.) волости со 153 году; двор пуст Кондрашки Антипина, умер во 145-м году, а после их детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня, что был починок Прислон на Лойме над болотом, а в нем: в. крестьянин Иевка Трофимов сын, прозвище Пантелиев с сыном с Митрофанком году.

Деревня Матфеевская на реке на Вадреже на Лойме, а в ней кресть//(л. 669)ян: в. Савка Калиных Нескрасов* с сыном с Марчком; в. Сенька Дорофиев с сыном Сенькою; в. Кирилко Ананин с сыном с Фетькою четырех лет; в. Анофрейко Калин с сыном Андрюшкою пяти лет; в. нищая вдова Параньица Пиминовская жена; двор пуст Емелки Власова, умер во 150-м году, а после ево детей не осталось, и тех дворов (так в тексте) пашня и сенные // (л. 669 об.) покосы в пусте.

Деревня Ракина на Лузе, а в ней крестьянских**: в. Мишка Патракиев с сыном з Дениском; в. Кирилко Патракиев с сыном Ивашком осьми лет; двор пуст Сеньки Федорова, збежал во 147-м году безвестно; двор пуст Якушка Патракиева з братом с родным с Харитонком, а Харитонко збежал во 143-м году безвестно, а Якушко умер во 154-м году. А после их детей не осталось, и пашня тех дворов // (л. 670) и сенные покосы в пусте.

Деревня Тарбиевская над Варшею, а в ней крестьян: в. Созонко Андронов сын с сыном Ивашком, у Ивашка сын Мишка четырех лет; в. Ермилко Тихонов сын с сыном Ивашком семи лет; в. вдова Омелфица Афанасьевская жена со внуком с Тихонком Васильевым девяти лет да с сыном с Ваською Афанасьевым, а Васька збежал во 155-м году безвестно.

Деревня Борисовская // (л. 670об.) на реке на Лузе, а в ней: в. крестьянин Мишка Калинин сын с сыном Ивашком году; в. крестьянин Фетька Данилов с сыном з Гаврилком; двор пуст Мартынка Иванова, умер во 148-м году, а пашня того двора и сенные покосы в пусте.

Деревня Гам, Ракино тож, на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Васька Семенов с сыном с Логинком десяти лет да с племянником с Максимком Тимофиевым; в. // (л. 671) Мишка Борисов сын, прозвище Сюдкин, да у него ж подсоседник Митрошка Иванов.

Деревня Козловская, а в ней: в. крестьянин Андрюшка Иванов сын, прозвище Башмаков; двор пуст Микифорка Семенова, умер во 151-м году, а пашня того двора в пусте.

Пустошь, что была деревня Тарасовская на речке на Лухте, а в ней двор пуст Фетьки Тихонова, умер во 143-м году, и пашня того двора в пусте.

Деревня // (л. 671об.) Тарасовская на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Стахейко Архипов сын, прозвище Третьяков, с сыном с Игнашкою; в. Ивашко Тихонов с сыном с Евдокимком, у Евдокимка сын Сенька году; в. Петрашка*** Фомин сын Иевлев с сыном Ивашком дву лет; в. Филька Федоров с сыном с Фомкою девяти лет, у Фильки брат родной Филька ж; двор пуст Оверкейка Семенова, збежал во 147-м году безвестно; двор пуст Мишки // (л. 672) Тихонова, збежал в нынешнем во 156-м году; двор пуст Игнашки Романова, збежал во 155-м году на Каму, а пашни тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Рагозино, а в ней: в. крестьянин Дениско Романов з братом с родным с Микиткою, а у Дениска сын Серешка трех лет, а Микитка збежал на Вятку во 154-м году.

Деревня Борисово на Лузе, а в ней: двор пуст Власка Терентьева; двор пуст Фетьки Борисова, // (л. 672 об.) умерли во 141-м году, а после их детей не осталось, и пашня тех дворов в пусте.

---

* Так в тексте.
** Так в тексте.
*** Так в тексте.

Деревня Тимофиевская на речке на Ратигове, а в ней: двор пуст Фетьки Михайлова, прозвище Поспелка, збежал во 145-м году безвестно; двор пуст Власка Осипова, збежал во 146-м году на Вятку; двор пуст Афонька Григорьева, умер во 144-м году, и тех дворов пашня и сенные покосы в пустее.

Деревня Лентилап Запольская, а в ней: в. крестьянин // (л. 673) Емелька Тимофиев со внуком с Пронькою Трофимовым да з братом Стенькою Тимофиевым, а Стенька збежал во 148-м году в Сибирские городы.

Деревня Путиловская на Лузе, а в ней крестьян: в. Лучка Семенов сын, прозвище Тырышкин, с сыном с Назарком, у Назарка сын Митька году, да в том же дворе в другой избе Пронька Семенов, и он, Пронька, збежал во 145-м году на Вятку; в. Симанко Михайлов сын Акинфиев.

Деревня // (л. 673 об.) Ватиновская, а в ней двор пуст Тимошки Емельянова, прозвище Рычка, збежал во 148-м году в Сибирские городы, а пашня того двора и сенные покосы в пусте.

Деревня Семеновская, а в ней: в. крестьянин Сенька Борисов; двор пуст Бориска Борисова, умер во 143-м году, и того двора пашня в пусте.

Деревня Миленская на реке на Лузе, а в ней крестьянин*: в. Власка Григорьев сын с племянником с Пронькою Аникиевым; двор пуст Перфире// (л. 674)йка Микифорова; двор пуст Васьки Микифорова, умерли во 144-м году; двор пуст Фетьки Алексеева, збежал во 147-м году, а пашня тех дворов в пусте.

Деревня Уркиньская на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Фролко Михайлов с сыном с Пронькою, у Проньки сын Исачко году; в. Митька Прокопьев сын с сыном с Ваською трех лет.

Деревня Визелевская на реке на Лузе, а в ней крестьянин**: в. Артюшка Афонасьев Боброков с сыном // (л. 674 об.) с Лучкою.

Деревня Итетевская, а в ней крестьян: в. Ивашко Яковлев сын Попов с сыном с Филькою да со внуком Ивашком Филипповым трех лет; в. Перфирейко Силин сын Попов з братом родным с Ярафейком да племянником Анофрейком, а Ярофийко и Онофрейко збежали во 154-м году в Сибирские городы.

Деревня Ходутовская, а в ней крестьян: в. Филька (?) Ларионов с сыном Стенькою дву лет; в. Трофимко Ларионов; в. нищая вдова Маврица Ермолинская жена; в. Алферко (?) // (л. 675) Карпов; в. Коземка Оксенов с сыном с Мишкою десяти недель.

Деревня Карповская, а в ней: в. крестьянин Ивашко Аверкиев с сыном с Митькою четырех лет.

Деревня, что был починок за рекою за Лузою повыше Лоемского погоста в наволоке, а теми деревнями*** владел Перфирейко Ярафиев и пахал наездом, и во 140-м году он, Перфирейко, умер, и тех деревень пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Семе//(л. 675 об.)новская, а в ней: в. крестьянин Фетька Яковлев сын Попов з братьею с родными с Ортюшкою да с Ывашком большим, да Ывашком с меньшим, а у Фетьки сын Ивашко, а Ивашко большей и Ивашко меньшей збежали во 147-м году безвестно.

Деревня Старцовская, а в ней крестьян: в. Якушко Иванов, у него детей Стенька да Сенька, у Стеньки сын Гришка дву лет; в. вдова Олисафица Ивановская жена с сыном с Тимошкою; в. Сенька Дементьев; в. Осташко Федоров // с сыном с Гришкою.

Починок Горяиновской, а в нем крестьян: в. Федотко Романов з братом с родным с Кирилком, прозвище Нечаев, у Федотка Терешка трех лет; в. Зеновейко Федоров.

Деревня Кандыревская, а в ней: в. крестьянин Мокейко Прокопьев с сыном с Ваською десяти лет; двор пуст Пиминка Еремиева, збежал во 145-м году в Сибирские городы, а пашня того двора в пусте.

Деревня Емельяновская, // (л. 676 об.) а Помясовская тож, а в ней: в. крестьянин Артюшка Михайлов с сыном Стенькою, у Стеньки сын Васька году; в. Ивашко Денисов; двор пуст, Андрюшка Иванов збежал во 144-м году; двор пуст Мишки Тимофиева, умер во 145-м году, а пашня тех дворов в пусте.

Деревня, что был починок Агиевской, а в нем: двор пуст Мишки Ермолина сына, прозвище Поздейка, с сыном с Обросимком збежали во 145-м году, и пашня того // (л.677) двора в пусте.

Деревня Кузнецовская, а в ней крестьян: в. Ерофеко Евтефиев; в. Ермолка Семенов, прозвище Баженко, у него детей Назарко да Васька дву лет; двор пуст Алферка Афонасьева, збежал на Каму во 148-м году; двор пуст Савки Григорьева з братом с Трофимком, збежали в нынешнем во 156-м году безвестно, а пашни тех дворов в пусте.

Деревня Данилово, а в ней крестьян: в. Фефилко Венидихтов з братом с Самоилком, // (л. 677 об.) у Фефилка сын Лаврушка дву лет, да у него же брат родной Спирька Венидихтов, и тот Спирька збежал во 149-м году в Сибирские городы; в. бобыль Коземка Семенов.

Деревня Ермолина, а Тихоновская тож, а в ней: двор пуст Анашки Пантелеева з братом с родным с Ысачком, умерли во 143-м году, а пашня того двора в пусте; двор пуст Ларьки Васильева, умер во 154-м году; двор

* Так в тексте.
** Так в тексте.
*** Так в тексте.

пуст вдовы Ульянки Викулинской жены, збежала во 154-м году безвестно, // (л. 678) а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Филипповская, а в ней: в. крестьянин Якушко Прокопьев; двор пуст Лаврентейко Осипова, умер во 150-м году; двор [пуст] Перфирейка Иванова, умер во 154-м году; двор пуст Лазарька Карпова, збежал во 146-м году на Каму; двор пуст Марчка Прокопьева з детьми с Насонком да с Павликом, збежали во 147-м году в Сибирские городы, а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте. //

(л. 678 об.) Пустошь, что была деревня Починок Ивашков, запустела до писца Парфенья Мансурова и лесом поросла.

Деревня Галахтионово, а в ней: в. крестьянин Фетька Давыдов сын, прозвище Калов, с сыном с Демкою, у Демки сын Афонька дву лет.

Деревня Степановская, а в ней: в. крестьянин Родька Ярафиев с сыном с Савкою году да з братом с родным з Гришкою, а Гришка збежал во 147-м году безвестно.

Деревня Иваново на усть Селюга, а в ней: в. // (л. 679) крестьянин Васька Остафьев с сыном с Микифорком дву лет; двор пуст Карпушки Васильева, умер во 140-м [году]; двор пуст Тихонка Васильева, збежал во 142-м году в Сибирские городы; двор пуст Петрушки Климова; двор [пуст] Алешки Федорова, а они умерли во 143-м году; двор пуст Ивашка Федорова, збежал безвестно во 145-м году, и пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Гавриловская, а в ней: в. крестьянин // (л. 679 об.) Ивашко Федоров з зятем з Гришкою Самсоновым; двор пуст Анисима Тихонова, збежал к Москве во 149-м году; двор пуст Ивашка Иванова, умер во 151-м году, а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Колегово Тимофиева на речке на Раюзле, а в ней: в. крестьянин Микитка Микитин; двор пуст Игнашки Тихонова, умер во 144-м году; двор [пуст] Стеньки Микифорова, умер во 143-м году; двор [пуст] Трошки Емельянова, збежал // (л. 680) на Вятку во 146-м году; двор пуст Назарки Карпова, умер во 144-м году; двор пуст Ивашки Иванова, умер во 149-м году, а после их детей не осталось, а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Ивашка Панева на речке на Лехте, а в ней крестьян: в. Самсонко Васильев с сыном с Ермолкою, у Еромолки сын Сидорко пяти лет; в. Сенька Семенов с сыном с Тришкою году.

Деревня Ивашка Морозова на речке на Лехте новая роспашь, а в ней: // (л. 680 об.) двор пуст Демки Ермолина, збежал безвестно во 150-м году; двор пуст Никонка Михайлова, збежал во 146-м году в Сибирские городы, и пашня и сенные покосы тех дворов лежат в пусте.

Деревня Петрово на Лухте*, а в ней: двор пуст Фетьки Васильева, умер во 151-м году; двор пуст Сеньки Анисимова; двор пуст Карпушки Иванова, умерли во 149-м году, а после них детей не осталось, а тех дворов пашня и сенные покосы лежат // (л. 681) в пусте.

Деревня Еремиево на речке на Лухте*, а в ней: в. крестьянин Насонко Иванов сын, прозвище Старцов, с сыном с Елизарком; двор пуст Мишки Ортемьева, збежал во 140-м году на Вятку; двор пуст Павлика Семенова; двор пуст Гаврилка Кирилова, а они умерли во 148-м году, а после их детей не осталось, а тех дворов пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня пуста Раузли на Лухте*, запустела // (л. 681 об.) до писца Парфенья Мансурова.

Деревня Анкирчье на Лехте, а в ней крестьян: в. Павлик Сидоров с сыном Стенькою, у Стеньки сын Лаврушка году; в. Мишка Дементьев з братом с родным с Сидорком; в. Михейко Акинфиев сын, прозвище Беляев; в. Ивашко Артемьев; двор пуст Фетьки Иванова, умер во 144-м году; двор пуст Савки Иванова, умер во 151-м году; двор пуст Коземки Дмитреева, збежал безвестно во 154-м // (л. 682) году, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Сенькино на Лехте, а в ней: двор пуст Карпушки да Володьки Ивановых детей, умерли во 147-м году, и пашня того двора в пусте.

Деревня Чашкашор на речке на Лухте*, а в ней: в. крестьянин Селиверстко Артемьев с сыном Архипком; двор пуст Демки да Мишки Артемьевых детей, збежали во 145-м году безвестно, а того двора пашня // (л. 682 об.) и сенные покосы в пусте.

Деревня Новоселово на Лухте*, а в ней: двор пуст Захарка Кирилова с сыном с Митькою, умерли во 149-м году; двор пуст Кирилка Евсивьева, умер во 146-м году, и пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

И всего в Лоемском приходе погост да 36 деревень да починок жилые, а в них 65 дворов крестьянских, а людей в них 131 // (л. 683) человек, да один двор бобыльской, и обоего крестьянских и з бобыльским двором 66 дворов, а людей в них 132 человека. Да на церковной земле церковных причетников четыре двора, а людей в них восемь человек, да три кельи нищих, а в них живут вдовы нищие. Да 11 деревень да две пустоши, а в них 63 двора пустых, а людей в них было 83 человека. //

* Так в тексте.

(л. 682 об.) В Луской Пермце погост, а на погосте Церковь Преображение Господне, да другая церковь теплая Афанасия Александрейского. А на церковной земле в. поп Федор Яковлев сын Попов з братом с родным Стенькою четырех лет; в. дьячек Андронко Яковлев сын Попов, у него дети Стенька да Савка девяти лет; в. просвирня Парасковьица Яковлевская жена с сыном с Ондронком Яковолевым; в. пономарь // (л. 684) Мишка Антонов сын Ябуров, у него детей Тимошка да Онтипка да Конашка девяти лет. Да на церковной же земле: в. бобыль Анофрейко Семенов сын Слинкин; в. бобыль Сенька Дмитреева сын Кулаков с сыном Ивашком.

Волость Спасской приход в Порубе.

Деревня Лонюрья на Порубе, а в ней: двор пуст Гришки Лазарева сына з братом с Ывашком, а они збежали в Сибирские городы во 155-м году, а после // (л. 684 об.) их детей не осталось, и пашня и сенные покосы того двора в пусте.

Деревня Носовская на Порубе, а в ней: двор пуст Ивашка Савельева, запустел во 139-м году; двор пуст Захарка Иевлева сына Оверкиева, а они збежали во 155-м году, и после их детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Копончюково на Порубе, а в ней: двор пуст Гришки Сысоева, умер во 138-м году, // (л. 685) а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Подсосновой починок на Порубе, а в ней крестьян: в. Фомка Васильев сын, прозвище Лобанов, с сыном с Ваською [в]осьми лет; в. Пронька Лукоянов сын Лобанов с сыном с Ондрюшкою; в. Трофимко Лукоянов сын с сыном Захарком.

Деревня пуста Карпиково на Порубе, запустела до писца Парфенья Мансурова.

Деревня Немцово на Порубе, а в ней: // (л. 685 об.) двор пуст Кирилка Савина сына, прозвище Евдокимовых, збежал безвестно во 137-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Зятево, а в ней крестьян: в. Илейка Леонтьев сын, прозвище Зорин, с сыном с Тимошкою пяти лет; в. Конашка Максимов сын, прозвище Голощапов, с сыном с Микиткою семи лет; двор пуст Тихонка Федорова сына Заренина, збежал безве//(л.686)стно во 153-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Подгорная на Порубе, а в ней: в. крестьянин Антипка Осипов сын, прозвище Езимов; двор пуст Васьки Давыдова, умер во 144-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Порогово на Порубе, а в ней крестьян: в. Микитка Козьмин сын, прозвище Язимов, с сыном с Якушком дву лет; в. Антонко Пантелеев сын Язимов с сыном с Тимошкою десяти лет; двор пуст Ивашка Васильева сына, прозвище Беляйка, умер во 133-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Шумиловская на Порубе, а в ней: двор пуст Ивашка Евдокимова з братом с родным з Давыдком, а они умерли во 140-м // (л. 687) году, а после их детей не осталось, и пашня того двора и сенные покосы в пусте.

Деревня Онтипино на Порубе, а в ней: двор пуст Тимошки Онтипина, збежал безвестно во 133-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Египп на Порубе, а в ней: двор пуст Якуньки Миронова, умер во 149-м году, а после ево детей не осталось, и пашня того двора и сенные покосы // (л. 687 об.) в пусте.

Деревня Осташевская на Порубе, а в ней: двор пуст Фетьки Наумова сына з братом с родным с Самылком (Самуилком?), а они умерли во 142-м году, а после их детей не осталось, и пашня того двора и сенные покосы в пусте.

Деревня Другая Осташевская, а в ней крестьян: в. Ларька Онтипин сын, прозвище Старцов, с сыном Ивашком году; в. Ивашка Игнатьев сын; двор пуст Васьки Григорьева сына, умер во 149-м году; двор пуст Сеньки // (л. 688) Алинпеева, збежал во 142-м году, и после их детей не осталось, и пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Кеповская на Порубе, а в ней крестьян: в. Софронко Микитин сын, прозвище Смотриев; двор пуст Стеньки Тарасова сына Ивутова, збежал во 131-м году, а после ево детей не осталось, и пашня того двора и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Гарасимово на Порубе, а в ней: двор пуст Савки Алексиева сына Берды//(л. 688 об.)шевых, збежал безвестно во 140-м году, а после ево детей не осталось, и пашня того двора и сенные покосы в пусте.

Деревня Миколевская на Порубе, а в ней: в. крестьянин Алешка Иванов сын, прозвище Маурин.

Деревня Бердышевская на Порубе, а в ней: в. крестьянин Климко Федоров сын, прозвище Беляев; двор пуст Ивашка Максимова сына Бердышевых, збежал безвестно во 153-м году, а после ево детей не осталось, // (л. 689) и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Мартыновская, а в ней: двор пуст Васьки Юрьева сына, прозвище Микулина, умер во 148-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Ивана Колова на Порубе, а в ней крестьян: в. Демка Микитин сын, прозвище Калов, с сыном Софронком; в. Мишка Остафьев сын, прозвище Созонов, с племянником // (л. 689 об.) Исачком Михайловым.

Пустошь, что была деревня Борисовская на Порубе, запустела до писца Парфенья Мансурова.

Деревня Гарь над Борубом (так в тексте), а в ней: двор пуст Антонка Иванова сына, прозвище Шеин, умер во 135-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Тирозлона на Порубе, а в ней крестьян: в. Оська Костянтинов сын, прозвище Ивутов, с племянником с Оською же // (л. 690) Леонтьевым; в. Гришка Костянтинов сын с сыном с Ваською двадцати недель; двор был Патракейка Тарасова, а тот згорел во 133-м году, а он збежал безвестно, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Куйсей на Порубе, а в ней: двор пуст Климки Федорова сына, прозвище Наумова; двор пуст Васьки Наумова сына Кущенских, а они збежали безвестно во 148-м году; двор пуст Гаврилка // (л. 690 об.) Иванова сына, прозвище Шалимов, умер во 145-м году, а после их детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Гарь на речке на Порубе, а в ней: в. крестьянин Ивашко Семенов сын Жибов с сыном с Тимошкою десяти лет. А тое деревни половина в пусте Архипка Еремиева сына, збежал во 153-м [году].

Деревня Чиночей на Порубе, а в ней: в. крестьянин Федосейко Акимов сын, // (л. 691) прозвище Фоминых, с сыном с Евлампейком, у Евлампейка сын* Фетька году; двор пуст Афоньки Сергиева сына Бурдукова, умер во 149-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня пуста Другой Чиночей, запустела до писца Парфенья Мансурова.

Деревня Третья Чиночей на Порубе, а в ней крестьян: в. Васька Федоров сын с сыном Софронком да Стенька** // (л. 691 об.) дву лет; в. Васька Симанов сын, прозвище Меньшичко; двор пуст Нестерка Ортемьева сына Жыбова, збежал безвестно во 133-м году; двор пуст Демки Иванова сына, умер во 143-м году; двор пуст Афоньки Сергеева сына, умер во 151-м году; двор пуст Левки Автономова Батова, збежал во 155-м году, а после них детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусте; в. крестьянин Устинко Тарасов // (л. 692) Батов с сыном с Лаврентейком; в. нищей Фефилко Дмитреев; двор пуст крестьянской Гришки Самойлова, умер во 153-м году; двор пуст бобыльской Пиминка Автономова, умер во 154-м году, а после них детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусте.

Починок Прислонец над речкою над Ранюлем на Порубе новая роспашь, а в ней***: в. крестьянин Тимошка Дмитреев сын, прозвище // (л. 692 об.) Захаров.

В Спасском погосте.

Деревня Трофимово, а в ней крестьян: в. Афонька Фодотов сын Трофимовых с племянником с Ваською Логиновым дву лет; в. Феодулко Трофимов сын Федосиевых с сыном с Володькою десяти лет; двор пуст Ивашка Максимова, збежал безвестно во 145-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня над бором Спа//(л. 693)сская, а в ней: двор пуст Марчка Иванова сына, прозвище Матюшкина, с сыном с Павликом, а он, Марчко, умер во 150-м году, а сын ево збежал безвестно во 153-м году, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Дмитровская, а в ней крестьян: в. Сенька Игнатьев сын Елизарьевых с племянником з Гарасимком Афонасьевым; в. Демка Исаков сын Матрениных; двор пуст Сидорка Мартемьянова, // (л. 693 об.) збежал во 153-м году в Сибирские городы; двор пуст Мартемьянка Маркова сына Елизарьевых, умер во 146-м году, а после их детей не осталось, а тех дворов пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Карповская, а в ней: в. крестьянин Володька Гаврилов сын, прозвище Попов, з братом с родным Стенькою, у Володьки сын Васька четырех лет; двор пуст Евтефейка Михайлова сына Петровых, умер во 150-м году, и того // (л. 694) двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Васильевская, а в ней: в. крестьянин Фефилко Силин сын Попов, у него детей Ивашко да Якушко дву лет; двор пуст спаского попа Федора Яковлева, запустел во 154-м году, и того двора пашня в пусте и сенные покосы.

Деревня Шиловская, а в ней крестьян: в. Иевко Фодоров Андреев, да у него ж на подворье Васька Стафиев // (л. 694 об.) с сыном с Мишкою семи недель; в. Митрофанко Дмитреев сын с сыном с Ывашком; двор пуст Серешки Карпова сына, умер во 150-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Матфиевская, а в ней: в. крестьянин Евфтефейко Леонтьев сын Гобов с сыном с Омелькою году, что у писца Богдана Приклонского // (л. 695) на льготу; в. Савка Семенов сын, прозвище Иванов, с сыном

* В тексте слово «сын» написано дважды.
** Так в тексте.
*** Так в тексте.

с Елисейком, у Елисейка сын Артюшка пяти лет; в. Стенька Кирилов сын, прозвище Вятка, с сыном с Федотком, что взял у писца Богдана Приклонского; двор пуст Ивашка Ерафиева, умер во 145-м году; двор пуст Ивашка Миронова сына, умер во 152-м году, а после их детей не осталось, и пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Уросовская, а Урнышевская // (л. 695 об.) тож, а в ней крестьян: в. Фетька Ларионов сын, прозвище Урнышевских; в. Фомка Парфеньев сын с сыном с Ваською; в Гришка Парфеньев сын Урнышев с сыном с Мишкою дву лет; в. Савка Федоров сын Андреевых, у него детей Савинко да Ивашко году; в. Мишка Леонтьев сын Урнышев с сыном с Ваською дву лет; в. Максимко Михайлов сын Урнышев с сыном с Евтефейком году.

Деревня Бор над болотом, а в ней крестьян: в. Петру//(л. 696)шка Филиппов сын, прозвище Карпова*, з братом с родным с Лучкою четырех лет; в. Фетька Михайлов сын Урнышев; в. Тимошка Автономов сын Яборов; двор пуст Сидорка Логинова, збежал во 150-м году, и пашня того двора в пусте и сенные покосы.

Деревня Сабурово на Лузе, а в ней: в. крестьянин Ивашко Максимов сын Горев с сыном с Ларькою, у Ларьки сын Володька году; // (л. 696 об.) двор пуст Якушки Семенова сына, збежал в Сибирские городы во 143-м году.

В Перьмском погосте.

Деревня Софроновской наволок на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Родька Григорьев, прозвище Софронов, с сыном Стенькою полугоду; двор пуст Лучки Анисимова, збежал во 140-м году безвестно; двор пуст Потапка Емельянова; двор пуст Фомки Агиева; двор пуст Гришки Яковлева; двор пуст Тере//(л. 697)шки Евсивьева, а те дворы згорели во 142-м году, а они збежали во 134-м году, и после их детей не осталось, и пашня тех дворов и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Ракино на озере на Кувате новая роспашь, а в ней: в. крестьянин Михейко Матфеев сын, прозвище Ракин, у него детей Илейка да Фетька году; двор пуст Спирьки Матфеева сына с племянником с Ывышком Козьминым, збежали во 151-м // (л. 697 об.) году, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Другой Наволок, а в ней: двор пуст Афоньки Вахромиева; двор пуст Гришки Лукоянова сына, прозвище Софроновых; двор пуст Лучки Филиппова сына, прозвище Баженка, а они умерли во 150-м году, а после их детей не осталось, а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

В Подкиберском подволочье.

Деревня Вишаковская на реке на Лузе, // (л. 698) а в ней крестьян: в. Емелька Михайлов сын Потаповых с сыном с Евсивейком да племянником с Ывашком Ивановым; в. Трофимко Петров (?) сын Софроновых; в. нищая вдова Зиновьица Афонинская жена.

Деревня Другой Вишаковское на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Дейко Спиродонов сын Захаровых з братом с родным с Елисейком, у Елисейка сын Савинко дву лет; // (л. 698 об.) в. Кирилко Михайлов с сыном с Максимком, у Максимка сын Афонька трех лет; в. Демка Григорьев. На той же земле выставок, а в ней крестьянин Евтефейко Вахромиев сын, прозвище Баженов; двор пуст** Перфирейка Кондратьева, умер во 154-м году.

Деревня Глебовская на реке на Лузе, а в ней: в. крестьянин Кирилко Парфеньев сын Захарова. Деревни два жереб*** // <…>

(л. 699) [На той же земле] в выставке: двор пуст Исачка Иванова сына, умер во 145-м году, а пашня того двора и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Иваново, а в ней: двор пуст Корнилка Максимова сына, прозвище Юлановых, с сыном с Филькою; двор пуст Ивашка Онисимова; двор пуст Гришки Онисимова, а оне умерли во 143-м году, а после их детей не осталось, а пашня // (л. 699 об.) тех дворов и сенные покосы лежат в пусте.

Починок Новая Груской Ростов, а в нем: двор пуст Осипка Пахомова сына, прозвище Пестрикова, збежал на Вятку во 149-м году, а пашня того двора и сенные покосы лежат в пусте.

И всего в Ношульском приходе погост да 13 деревень, да пять выставков жилых, а в них // (л. 700) 31 двор крестьянских, а людей в них 65 человек. Да на церковной земле церковных причетников два двора, а людей в них четыре человека. И обоего крестьянских и церковных причетников 33 двора, а людей в них 69 человек. Да 19 деревень, да восемь выставков, да три починка // (л. 700 об.) пустых, а в них 68 дворов пустых, а людей в них было 75 человек.

В Летцком приходе погост, а на погосте церковь Преображение Господа нашего Иисуса Христа, а на церковной земле: в. поп Иван Георгиев сын, прозвище Попов, у него детей Фетька да Гришка, да Марчко, да

---

* Так в тексте.

** В тексте слово «пуст» написано дважды.

*** Далее значительная часть текста писцовой книги отсутствует: нет данных по деревням Спиринская, Другая Спиринская, Третья Спиринская, Негорт, Новоселка Подкиберского подволочья, по всему Обячевскому приходу, по большей части Ношульского прихода. Сохранившийся далее фрагмент содержит заключительные данные по Ношульскому приходу и полностью материалы по Летскому приходу.

Васька, да Фомка, // (л. 701) у Фетьки сын Микитка году; двор пуст пономаря Мишки Васильева сына Лобановых, умер во 146-м году; двор пуст Анницы Кирилловской жены Леторовых; двор пуст Ивашка Петрова сына, умер во 152-м году.

Да в Летцком же приходе деревни черные. Деревня, что был починок Волостница, а в ней: двор пуст // (л. 701об.) Маковейка Захарова, прозвище Котовых, умер во 146-м году; двор [пуст] Данилка Кондратьева сына, прозвище Кашениных с сыном з Демкою, а они умерли во 146-м году, а после ево Демкин сын Кирилко збежал безвестно в том же году; двор пуст Вавилка Яковлева сына, прозвище Щулепова, умер во 142-м году, а те оба двора зго//(л. 702)рели во 146-м году, а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня, что был починок Кочергин на речке на Волостнице, а в ней: в. крестьянин Гришка Захарьин сын, прозвище Котовых, у него детей Андронко да Дениско, у Ондронка сын Ивашко году; двор скотей ево ж, Гришки, а землю того двора пашет он же, Гришка; двор пуст Федотка // (л. 702 об.) Григорьева сына, прозвище Осипова, збежал к Вятке во 146-м году; двор пуст Афоньки Григорьева сына с сыном Тихонком, збежали к Вятке во 144-м году. Да на той же земле в выставке: в. нищей Селиверстко Иванов сын, прозвище Серев.

Деревня Летка на речке на Летке, а в ней: в. крестьянин Аввакумко Иванов сын, прозвище Пантелее// (л. 703)евых, а Пятко он же, у него детей Ондрюшка да Климка году; двор пуст Власка Максимова сына, прозвище Жилиных, с сыном с Сидорком, збежали к Вятке во 156-м году; двор пуст Федосейка Иванова сына, прозвище Щадкичевых, умер во 148-м году, и тех пустых дворов пашня в пусте и сенные покосы; двор пуст Васьки Федорова сына, прозвище Федюкова, // (л. 703 об.) збежал во 144-м году безвестно.

Починок на речке на Летке: двор пуст Ивашка Ларионова сына, умер во 142-м году, и пашня того [двора] в пусте.

Деревня Тороповская пуста, запустела до писца Парфенья Мансурова.

И всего в Летцком приходе две деревни жилых, а в них три двора крестьянских, а людей в них восемь человек, да на церковной земле в. поп, а людей в них (так в тексте) семь человек, // (л. 704) да в килье нищей, да две деревни [и] починок пустых, а в них 12 дворов пустых, а людей в них было 15 человек.

Переписная книга Хлыновского уезда 1710 года (фрагмент)

(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098. Л. 955 об.–961 об.)

(л. 955 об.) Лецкая слоботка.

А в слоботке погост, а на погосте церковь деревяная во имя Николая Чюдотворца. У той церкви в. поп Максим Конанов сын Гущин 50 // (л. 956) лет, у него сын тое ж церкви в пономарях Степан 20 лет, у него жена Елисавет Фомина дочь 22 лет; в. дьячек Киприян Федоров сын Наумов 40 лет, у него жена Федосья Юрьева дочь 39 лет; в. вдова Зиновья Карпова дочь тое ж церкви дьячка Калининская жена Москвина 32 лет, у нее дочь Акилина 5 лет.

У погосту деревня Слутка.

В. Павел Яковлев сын Шюлепов 50 лет, у него жена Татья[на] Андреева дочь 48 лет, у него ж племянник Карп Хрисанфов сын Шюлепов 30 лет, у него жена Васса Выколова дочь 29 лет, у него ж мати вдова Ефросинья Иванова дочь 60 лет; // (л. 956 об.) в. Дорофей Андреев сын Осиповых 40 лет, у него жена Христина Федорова дочь 39 лет, у них сын Федор 20 лет, у него жена Марья Ермолаева дочь 19 лет, у него ж живет нищей Лука Устинов сын Патракеев 40 лет, у него жена Марина Петрова дочь 30 лет; в. Митрофан Третьяков сын Логинов 50 лет, у него жена Жила Иванова дочь 47 лет, у них сын Андрей 3 лет.

Деревня Березовка.

В. Аника Федоров сын Чернов 60 лет, у него жена Харитина Иванова дочь 53 лет, у них сын Семен 20 лет, у него жена Овдотья Сергеева дочь 19 лет, у них дочь Агрипина году, у него ж приемыш Елисавет Павлова дочь 7 лет; в. Алексей Естефеев сын Чернов 50 лет, // (л. 957) у него жена Ирина Прокопьева дочь 49 лет, у них дети Федор 17 лет, дочь Дарья 4 лет, у Федора жена Фекла Анисимова дочь 20 лет, у них дочь Елисавет полугоду; в. Григорий Обросимов сын Сидоров 30 лет, у него жена Ульяна Дмитриева дочь 35 лет, у него дети Василей 5 недель, Афимья дву лет, у него ж мать вдова Ульяна Прокопьева дочь 52 лет; в. Лука Гурьев сын Сугизов 45 лет, у него жена Ирина Иванова дочь 30 лет, у них сын Гур[ий] 3 лет, у него ж брат родной Тихон 50 лет, у него жена Акилина Семенова дочь 40 лет, у них сын Кондратей полугоду; в. Алексей Михайлов сын Спирин 65 лет, у него жена Агрипина Устинова дочь 60 лет, у них сын Самоило 30 лет, // (л. 957 об.) у него жена Парасковья Григорьева дочь 25 лет, у них дочь Агафья 2 лет.

Д[еревня] Королевская.

В. Харитон Ортемьев сын Осипов 28 лет, у него жена Матрена Борисова дочь 29 лет, у них дочь Матрена 7 лет; в. Оврам Евдокимов сын Осипов 45 лет, у него жена Устина Федорова дочь 40 лет, у них сын Федор 15 лет, дочь Гликерья 3 лет, у него ж брат родной Микита Евдокимов Осипов 30 лет, у него жена Каптелина Алексеева дочь 28 лет, у них дочери Наталья 6 лет, Марина полтора года, у него ж живет вдова нищая Пелагия Иевлева дочь Дмитреевская жена Осиповых 60 лет, у него сын Алексей 3 лет. //

(л. 958) Деревня Талицкая.

В. Феоктист Гурьев сын Пыжянов 40 лет, у него жена Авдотья Михайлова дочь 35 лет, у них сын Евлампий 4 лет, дочь Маремьяна полугоду, живет с ним ж брат ево родной Федор 30 лет, у него ж живет Фома Ефремов сын Кетов 50 лет; в. Андрей Прокофьев сын Зызганов 60 лет, у него дети Михайло 30 лет, дочь Соломия 20 лет слепа, у Михайла жена Овдотья Гаврилова дочь 20 лет, у него ж племянник Анисим Семенов сын Зызганов 29 лет, у него жена Татьяна Еремеева дочь 30 лет, у них сын Лаврентей 5 лет; в. вдова Ирина Фомина дочь Никитинская жена Жизганова 40 лет, у нее дочь Ирина 7 лет. //

(л. 958 об.) Деревня Черемховка.

В. Агей Максимов сын Рупцов 50 лет, у него брат двоюродной Алексей Федоров сын Рубцов 30 лет, у него жена Пелагея Сергеева дочь 29 лет, у них дочь Марина 10 недель; в. Ермолай Иванов сын Касалапов 40 лет, у него жена Анна Павлова дочь 40 лет, у него брат родной Михайло 30 лет, у него жена Авдотья Васильева дочь 28 лет; в. Ермолай Трофимов сын иванов 57 лет, у него жена Парасковья Афонасьева дочь 50 лет, у него сестра родная девка Лукерья 40 лет слепа; в. Сидор Дементьев сын Перминов 20 лет, у него жена Степанида Иванова дочь // (л. 959) 28 лет; в. Гурей Дементьев сын Плехов 60 лет, у него жена Дарья Венидиктова дочь 45 лет, у них сын Семен 7 лет, дочь Елена 5 лет.

Деревня Прокопьевка.

В. Крисанфей Михайлов сын Потапов 45 лет, у него жена Марфа Сергеева дочь 40 лет, у него ж племянник Григорей Сидоров сын Потапов 28 лет, у него жена Матрена Алексеева дочь 25 лет; в. Петр Григорьев сын Потапов 68 лет, у него жена Февронья Калинина дочь 60 лет, сын Василий 25 лет, у него жена Авдотья Елисеева дочь 24 лет, у него ж брат родной Федор 50 лет, у него жена Марфа Силина дочь 40 лет; // (л. 959 об.) в. Лаврентей Сысоев сын Коснырев 50 лет, у него жена Ирина Васильева дочь 49 лет, у них сын Иван 4 лет,

у него ж дядя Семен Естифеев сын Коснырев 60 лет, у него жена Акилина Васильева дочь 59 лет; в. Иван Алексеев сын Ичеткин 40 лет, у него брат родной Мартьян 30 лет, у него жена Марья Микитина дочь 29 лет, у них дочь Дарья 2 лет, у него ж складник Самсон Борисов сын Дымов 60 лет да Василей Борисов сын Дымов 50 лет, у него жена Катерина Васильева дочь 52 лет; в. Петр Афонасьев сын Коснырев 70 лет, у него брат родной Михайло 40 лет, у Михайла жена Марина Исакова дочь 30 лет, у них сын Лазарь 7 лет, у него ж живут нищие вдова Анна Крисанфова дочь Кириловская жена Плехова 25 лет, у нее дочь Федосья 2 лет, Афонасей Матвеев // (л. 960) сын Лобанов 70 лет, у него жена Ирина Денисова дочь 40 лет; в. Леонтей Евсеев сын Корякин 25 лет, у него жена Елисавет Петрова дочь 23 лет, у него ж мать вдова Мавра Пиминова дочь 60 лет, у него ж брат родной Исак 23 лет, у него жена Оксинья Филипова дочь 20 лет, у него ж складник Кирило Григорьев сын Черной 35 лет, у них сын Фофон 2 лет, у него ж живут нищие вдова Поросковья Гурьева дочь Тимофеевская жена Осипова 40 лет, у нее дочь Овдотья 6 лет, вдова Дарья Макарова дочь Алексеевская жена Королькова 60 лет, вдова Варвара Гурьева дочь Федоровская жена Осипова 30 лет; в. Михайло Венедиктов сын Коснырев 60 лет, у него брат родной Киприян 40 лет, у него жена Анна Борисова дочь 50 лет, у них сын Александр 7 лет, в том же дворе складник Иван Проклов сын Потапов 50 лет, у него жена Авдотья Васильева дочь 49 // (л. 960 об.) лет, у них сын Леонтей 7 лет, у него ж брат родной Павел 40 лет, у него жена Епистимея Филипова дочь 37 лет, у них сын Прокопей году, Евтифей Иванов сын Патракеев 50 лет, у него жена Зиновья Федорова дочь 49 лет, да в той же избе живет нищая вдова Ефросинья Евланпиева дочь Федоровская жена Логинова 60 лет.

Всего в Лецкой слободке погост, а в нем церковные 3 двора, людей в них мужеска полу от 60 до 40 лет 1 человек, от 40 до 10 лет 2 человека, женска полу от 40 до 10 лет 3 человека, от 10 лет до младенцов 1 человек. // (л. 961) Деревень и починков 12*, крестьянских дворов 13, людей в них от 90 до 60 лет 2 человека, от 60 до 40 лет 19 человек, от 40 до 10 лет 28 человек, от 10 лет до младенцов 14 человек; женска полу от 60 до 40 лет 17 человек, от 40 до 10 лет 30 человек, от 10 до младенцов 14 человек. Нищетцких и бобыльских и вдовьих 11 дворов, в них людей [мужеска полу] от 90 до 60 лет 1 человек, // (л. 961 об.) от 60 до 40 лет 2 человека, от 40 до 10 лет 1 человек, от 10 до младенцов 1 человек; женска полу от 60 до 40 лет 4 человека, от 40 до 10 лет 6 человек, от 10 до младенцов 3 человека.

И всего в Лецкой слоботке церковничьих, крестьянских и бобыльских и нищетцких и вдовьих 27 дворов, людей в них мужеска полу 71 человек, женска полу 78 человек.

* Так в тексте.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Ю.В. Аргудяева, А.А. Хисамутдинов. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013. 428 с.

В последние десятилетия наблюдается стабильный рост внимания представителей различных гуманитарных дисциплин к миграционным процессам, а также к порождаемым ими проблем экономического, социального и культурного характера, причем спектр изучаемых проблем весьма разнообразен. Исследователями староверия ведется изучение моделей конфессиональной миграции; анализируется участие староверов в хозяйственном и социальном развитии различных регионов России; рассматриваются адаптационные механизмы и ресурсы старообрядческих общин [Дутчак 2008: 20–31]. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. значительно возрос интерес ученых к российской эмиграции, изучение истории российского зарубежья стало важной отраслью общественных наук [Пронин 2009: 223, 224]. Книга Ю.В. Аргудяевой и А.А. Хисамутдинова «Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы» объединяет эти два исследовательских направления.

Авторы монографии ставят перед собой цель «описать и сравнить жизнедеятельность общин русских старообрядцев в различных странах как части всей русской диаспоры американского региона» (с. 4). В качестве объекта исследования выбраны три группы эмигрантов-старообрядцев, проживающих в настоящее время в Северной Америке: «харбинцы», «синьцзянцы», «турчане» (с. 17). Первая группа – русские староверы (поповцы и беспоповцы), проживавшие ранее в Маньчжурии, куда эмигрировали в первой половине XX в. из Приамурья и Приморья, составляет самую многочисленную группу староверов, прибывших в Северную Америку (с. 17, 143). Вторая – староверы-часовенные, эмигрировавшие в Америку из Синцзяна, где проживали со второй половины 1940-х гг., переселившись с Алтая (с. 164). Третья – староверы-некрасовцы, эмигрировавшие в США из Турции в 1963 г. (с. 126).

Миграция и формирование переселенческих сообществ русских староверов представлены как процесс, имеющий длительный, укорененный в истории характер. Выделяя несколько мотивов старообрядческих переселений: политические, социально-экономические, религиозные, авторы отмечают, что «старообрядцев изначально можно рассматривать как людей, склонных к переселению» (с.18). В первой главе Ю.В. Аргудяева, анализируя причины возникновения раскола Русской Православной Церкви, формы протеста староверов, кратко упоминает о таком значимом для миграций данной конфессиональной группы символе / концепте как Беловодье. В этой же главе А.А. Хисамутдиновым представлен обзор литературы и источников, касающихся русской эмиграции в Китае и Америке, особое внимание уделяется работам американских ученых, посвященным староверам, проживающим в США (с. 33–35).

Во второй главе, опираясь на результаты многолетних изысканий [Аргудяева 1997, 2000], Ю.В. Аргудяева подробно описывает миграции староверов из разных регионов России на юг Дальнего Востока в XIX – начале XX в. Адаптация групп переселенцев к новым природно-климатическим условиям и этнокультурной среде показана на примере хозяйственных занятий, поселений и жилищ, одежды, пищи, а также семейной обрядности и семейно-брачных отношениях. Третья глава посвящена старообрядческой эмиграции в зарубежной Азии. Взяв за основу опубликованные исследования, авторы схематично представили информацию о переселении и жизни староверов-некрасовцев в Турции (с XVIII в. до второй половине XX в.). (с. 117–126). В этой и последующих главах Ю.В. Аргудяева и А.А. Хисамутдинов, основываясь на результатах собственных исследований [Аргудяева 2008, 2012 и др., Хисамутдинов 2010, 2011 и др.] и полевых материалах, полученных в ходе экспедиции 2010 г. в США (с. 6), детально описывают и анализируют причины старообрядческих миграций в различные районы Китая, а затем и в Южную и Северную Америку. Авторы знакомят читателя с «уголками России», воссозданными русскими староверами на территории других государств, уделяя внимание описанию поселений, традиционного жилища, хозяйственных занятий, одежды, пищи и т.д. История эмигрантских старообрядческих сообществ в зарубежной Азии и Америке рассматривается как история национальных меньшинств, оказавшихся за пределами России и стремящихся сохранить свою конфессиональ-

ную и этническую идентичности. Особое внимание уделено деятельности благотворительных организаций, оказавших существенную помощь русским староверам, в разные годы переселявшимся в Китай и Америку. Процесс адаптации старообрядческих групп к новым условиям анализируется и в институциональном контексте принимающих сообществ. Одной из сюжетных линий монографии является описание и осмысление роли государственных структур и институтов в создании/разрушении социокультурных границ.

Опубликованные в трех главах расшифрованные фрагменты интервью со староверами, проживающими в США (Орегон, Аляска), представляют воспоминания о жизни в Китае, Южной Америке, а также рассказы о жизни в США. Авторы постарались передать своеобразие говора, архаику речи. Фотоматериалы, представленные к монографии, позволяют сформировать целостный образ старообрядческих поселений, самих староверов (внешность, одежда) и их хозяйственных занятий; наглядно демонстрируют изменения, затронувшие разные стороны жизни. При рассмотрении ссылок на полевые материалы авторов возникает несколько вопросов. Во-первых, какими научными принципами они руководствовались, указывая полные или неполные сведения об информантах (инициалы, штат / ФИО / ФИО, год рождения, населенный пункт) (с. 242). Ссылка на то, что данные по информантам из США зашифровывались так, как «это принято у американских исследователей» (с. 6), не вполне проясняет ситуацию. Во-вторых, могут ли рукописи исследований (Цукада Ц.) относиться к полевым материалам автора (с. 240–241). Тем не менее, несмотря на замечания, нельзя не согласиться с утверждением В.А. Липинской, что ценность созданной исследователями источниковой базы будет со временем возрастать [Липинская 2014: 183].

Ю.В. Аргудяева и А.А. Хисамутдинов на основе большого количества источников и материалов представили читателю целостную картину переселения групп русских старообрядцев сначала на Дальний Восток, Румынию и Турцию, а позже в Китай, Бразилию, Боливию, США. Взяв за основу географию миграций, исследователи обратились к изучению механизмов сохранения и изменения этноконфессиональной идентичности, адаптации старообрядческих групп; их взаимодействие с коренными жителями края (турками, китайцами, американцами), а также местной администрацией.

Книга «Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы» представляет несомненный интерес для специалистов разных областей гуманитарной науки (этнографов, историков, социологов, демографов и т.д.).

Библиография

Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX – начало XX в.). М.: РАН, 1997. 314 с.

Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. 365 с.

Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: ДВО РАН, 2008. 400 с.

Аргудяева Ю.В. Семья и семейный быт русских старообрядцев в Америке // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2012. № 1 (161). С. 114–125.

Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) / Под ред. В.В. Керова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 414 с.

Липинская В.А. Рец. на: Ю.В. Аргудяева, А.А. Хисамутдинов. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы // Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С. 181–184.

Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед.ун-т», 2009. 360 с.

Хисамутдинов А.А. Русские в Америке: проблемы адаптации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 4. С. 9–16.

Хисамутдинов А.А. Русские старообрядцы в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. С. 146–154.

Хисамутдинов А.А. Русские старообрядцы в Орегоне и на Аляске // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 6. С. 67–78.

В.В. Власова

Журнал «Историческая демография» в 2008–2014 гг. (обзор)*

В последнее десятилетие заметно активизировался обмен мнениями между учеными, занимающимися разработкой проблем исторической демографии. В 2005–2007 гг. в Сыктывкаре под руководством Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии состоялись три крупных научных форума – 1-я и 2-я Всероссийские конференции по исторической демографии (2005, 2007 гг.) и Всероссийский симпозиум (2006 г.), в которых приняли участие многие российские и зарубежные исследователи из Архангельска, Астаны, Владивостока, Вологды, Екатеринбурга, Ижевска, Краснодара, Минска, Москвы, Мурманска, Одессы, Омска, Петрозаводска, Санкт-Перебурга, Тулы, Челябинска и других городов. Прошедшие на этих форумах научные дискуссии, заинтересованное обсуждение проблем исторической и этнической демографии свидетельствовали, что исследователями собрано и обобщено огромное количество новых данных, нуждающихся в скорейшем введении в научный оборот. Для того чтобы активизировать процесс публикации результатов научных исследований, сделать их доступными более широкому кругу специалистов, объединить ученых, занимающихся проблемами исторической и этнической демографии, совместно выработать новые походы и методы изучения различных аспектов историко-демографического развития, участники конференций предложили издавать специальный научный журнал «Историческая демография». Основой для организации журнала стала серия сборников научных статей, издававшаяся Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН с 2004 г. Первый из них вышел под названием «Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии», второй, третий (в четырех томах) и четвертый (в двух томах) − под названием «Этнодемографические процессы на Севере Евразии» В 2007 и начале 2008 гг. были выпущены сборники «Историческая демография» – своего рода «пилотные» номера журнала.

На 2-й Всероссийской конференции по исторической демографии была избрана межрегиональная редколлегия журнала «Историческая демография» под руководством председателя Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии академика Ю.А.Полякова, в которую вошли ученые из Москвы, Сыктывкара, Владивостока, Екатеринбурга и др. городов. В дальнейшем состав редколлегии уточнялся и расширялся.

Учитывая большое внимание, которое и органы государственной власти, и общественность уделяют этнодемографическим и этническим процессам в России, ее регионах, в сопредельных государствах, в журнале «Историческая демография» публикуются не только собственно историко-демографические материалы, но и работы, посвященные современной демографической ситуации. Весьма важным представляется активное участие в обсуждении проблем исторической и этнической демографии исследователей разных специальностей – историков, демографов, этнологов, археологов, географов, лингвистов, всех, кого интересуют затрагиваемые на страницах журнала вопросы. Особенность журнала в том, что в нем публикуются, главным образом, материалы международных и всероссийских научных форумов, ежегодно проходящих в Сыктывкаре.

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2008. № 1.

В первом номере журнала было опубликовано 19 статей. Исследователи из Москвы, Екатеринбурга, Архангельска, Краснодара, Ижевска, Сыктывкара и Одессы (Украина) представили исследования по проблемам этнодемографического развития регионов Европейского Севера, Юга России и Урала. Рассматривались также вопросы миграций и численности репрессированного населения (спецпереселенцев). Следует выделить две статьи, посвященные глобальным проблемам демографического развития: Рыбаковский Л.Л. (Москва) «Динамика этнической структуры населения и место в ней русского народа»; Репневский А.В. (Архангельск) «Государственная демографическая политика России начала XXI века».

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2008. № 2.

Второй номер журнала включает 20 статей авторов из Москвы, Екатеринбурга, Ульяновска, Балашихи, Вологды, Петрозаводска, Ижевска, Киева (Украина). В работах рассматриваются проблемы рождаемости, смертности, брачности, семейной политики. Представлены также статьи, рассматривающие такие группы населения, как рекруты, беженцы и реэвакуированные. Общий анализ развития населения представлен в статьях Жеребцова И.Л. (Сыктывкар) «Население Коми края в конце XV – начале XXI: численность, миграции, факторы демографического развития и Синявского А.С. (Москва) «Демографические процессы в России XX века в контексте урбанизационного перехода».

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2009. № 1 (3).

Демографы К.А. Аверьянов, О.М. Вербицкая и Н.А. Араловец из Москвы рассматривают вопросы старения, разводов и новых методов в демографических исследованиях. Исследователи из Екатеринбурга, (Н.А. Михалев, Е.Ю. Баранов, А.В. Чащин) анализируют особенности развития населения на Урале и Ямале.

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

Авторы из Вологды (М.С. Черкасова, А.А. Желтов, Р.П. Биланчук) опубликовали статьи о состоянии здоровья населения в XIX в. и демографических процессах в монастырской деревне в XVII в. Следует также отметить работу В.И. Меньковского (Минск, Беларуссия) об историографии демографических процессов.

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2009. № 2 (4).

В номере помимо традиционных проблем исторической демографии (рождаемость, смертность, миграции, брачно-семейные отношения, возрастно-половой состав, численность населения), рассмотренных авторами 21 статьи из Москвы, Сыктывкара, Саратова, Перми, Владивостока, Ижевска, Полтавы (Украина), Харькова (Украина), Краматорска (Украина), Ростова-на-Дону, Петрозаводска, Уфы, Астаны (Казахстан) и Казани, опубликована статья Н.В. Мельниковой (Екатеринбург) по новой, актуальной для промышленных регионов на сегодняшней день проблеме демографического развития моноспециализированных промышленных городов (на примере города Качканара).

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2010. № 1 (5).

В журнале опубликовано 19 статей, посвященных в основном вопросам этнодемографического развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран, а также вопросам миграции и эмиграции. Ю.В. Аргудяева (Владивосток) рассматривает миграцию забайальских казаков на Амур и Уссури во второй половине XIX – начале XX в., Т.В. Котюкова (Москва) анализирует ситуацию в Туркестане в аналогичный период. Ю.А. Никитин (Сумы, Украина) анализирует демографическую, социальную и конфессиональную ситуацию в Украине, этнодемографические процессы в современном Омане представлены в статье Г.Р. Столяровой и М.И.Ф. Мухамеда (Казань). Другими авторами представлены вопросы развития этнодемографической ситуации в Украине, Удмуртии, Карелии, на Европейском Севере, проблемы миграций в Новую Зеландию и развития семьи в Древней Руси.

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2010. № 2 (6).

В журнале опубликовано 20 статей, посвященных анализу влияния социально-экономических и социально-культурных факторов на развитие демографической ситуации в различных регионах. Авторы также раскрывают проблемы смертности, материнства, развития малочисленных народов Севера, развития демографической науки. В частности, В.А. Саблин (Вологда) рассматривает параметры интенсивности семейного труда в крестьянском хозяйстве Европейского Севера в 1910–1920-е гг., Е.Н. Федорова и С.А. Сукнева (Якутск) анализируют роль Якутской экспедиции Академии наук в становлении и развитии демографических исследований Якутии. А.Г. Оруджиева (Екатеринбург) на примере Ямало-Ненецкого автономного округа показывает динамику изменений образовательного состава коренных малочисленных народов, Е.П. Сигарева (Москва) представляет региональные вариации демографического развития России в советский и постсоветский периоды.

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2011. № 1 (7).

С 2011 г. содержание журнала делится на рубрики. В журнале опубликовано 27 статей, сгруппированных по актуальным проблемам современной демографической науки. В первом разделе «Этнодемографическое развитие стран и регионов в исторической ретроспективе» авторами из Полтавы (Украина), Москвы, Сыктывкара, Краснодара и Владивостока рассматриваются вопросы численности, смертности, старости населения.

Раздел «Современные этнодемографические процессы» представлен статьями исследователей из Казани и Сыктывкара, посвященным вопросам миграций, идентичности и переписи 2010 г. Наиболее дискуссионные вопросы представлены в разделе «Историография, источники и методика их анализа». В.А. Исупов (Новосибирск) рассматривает проблемы и перспективы историко-демографических исследований в Сибири; Н.З. Такижбаева (Алматы, Казахстан) анализирует историческую демографию и междисциплинарные связи; О.В. Горбачев (Екатеринбург) рассматривает проблемы использования миграционной статистики второй половины XX в.; С.А. Прокопенко (Ульяновск) показывает дискуссии в исторической демографии о современных методах ретроспективного анализа и процедурах сглаживания влияния миграционного фактора.

В разделе «Рецензии» И.А. Разумова (Апатиты) представляет рецензию на издание *Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас / Под общ. ред. П.В. Федорова. В 2 ч. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч .I: Словарь. 280 с.; Ч. II: Схемы. 253 с., ил.*

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2011. № 2 (8).

В журнале опубликовано 16 статей, представленных авторами из Москвы, Тулы, Ижевска, Владивостока, Петрозаводска, Красноярска, Ростова-на-Дону, Казани, Баку (Азербайджан), Астаны (Казахстан) и др. Статьи исследователей посвящены, прежде всего, вопросам демографического развития (рождаемость, смертность, брачность, структура семьи) регионов России и других стран.

Анализу комплексов источников, имеющих большое значение для исторической демографии, посвящены статьи Н.П. Безносовой (Сыктывкар) о всесоюзных переписях и Л.Н. Мазур (Екатеринбург) об историко-географических справочниках.

В разделе «Хроника. Библиография» представлено содержание сборников статей «Этнодемографические процессы на Севере Евразии», издаваемых в Сыктывкаре в 2004–2007 гг.

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2012. № 1 (9).

В девятом номере журнала опубликовано 19 статей. Авторы из Астрахани, Челябинска, Владивостока, Казани, Новосибирска, Душанбе (Таджикистан) и других городов представляют исследования, прежде всего, по вопросам этнодемографического развития различных регионов в XVII–XX вв. Авторами из Словакии П. Мичко, М. Шмигель (Банска Быстрица) рассматривается проблема беженцев с территории СССР в Словакию в 1944 г.

В разделе «Историография, источники и методика их анализа» размещена актуальная статья исследователя Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), посвященная российской историографии о депортации народов юга России в годы Великой Отечественной войны.

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2012. № 2 (10).

В журнале учеными из Новосибирска, Перми, Мурома, Сыктывкара, Архангельска, Ижевск, Гродно (Белоруссия), Киев (Украина), Сумы (Украина), Полтава (Украина) опубликовано 18 статей. Историографические исследования продолжает статья Уль К.Б. (Лейпциг, Германия), Меньковского В.И. (Минск, Белоруссия) «Основные тенденции изучения советской историографии второй половины XX в.». В десятом номере журнала широко представлена тематика исторической географии, семь статей, вошедших в раздел «Историческая география», раскрывают проблемы формирования границ стран и отдельных регионов, также исследуются комплексы источников и историографические работы по исторической географии.

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2013. № 1 (11).

В журнале опубликовано 22 статьи. Традиционно широкий круг авторов представляет города России от Владивостока и Якутска до Вологды и Москвы, а также Минск (Белоруссия) и Астану (Казахстан). Проблемы, рассматриваемые авторами, также охватывает большой спектр вопросов исторической демографии и исторической географии от развития средневекового населения Англии и России и средневековых арабских географических сочинений до современной динамики возрастного структуры населения Беларуси и демографического поведения молодежи Удмуртии. Анализ военнопленных, как особой группы населения, представлен в статье А.Л. Кузьминых (Вологда). Следует отметить статью А.В. Белова (Москва), посвященную эволюции исторической географии как особого научного направления.

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2013. № 2 (12).

В номере представлено 30 статей, что говорит о росте актуальности проблем исторической демографии. Исследователи из Москвы, Новосибирска, Сыктывкара, Архангельска, Костромы, Тюмени, Биробиджана и других городов рассматривают вопросы демографического развития и демографической модернизации северных, южных и центральных регионов России. Автор А.Н. Новик (Москва) анализирует демографическую ситуацию в Сербии в начале XXI в. Актуальной в рамках научно-практических исследований является статья В.С. Новоселова (Москва) «Демографические стереотипы и демографическая политика».

Из приведенного обзора видно, что круг обсуждаемых на страницах журнала проблем, равно как и круг авторов, довольно широки, хотя последний включает, в основном, исследователей России, а также Украины, Белоруссии, Казахстана и Центральной Азии. Для дальнейшего расширения авторского состава следует, вероятно, рассмотреть возможность публикации в журнале работ на английском языке (с русским резюме). В целом можно заключить, что поставленные при создании журнала задачи в основном выполнены.

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2014. № 1 (13).

В этом номере авторами из Сыктывкара, Новосибирска, Вологды, Якутска, Архангельска, Москвы, Владивостока, Екатеринбурга, Мурома, Петрозаводска, Нижнего Тагила, Полтавы (Украина) опубликовано 17 статей. Широкий круг источников по исторической демографии представлен авторами в различной интерпретации, анализируются писцовые и строельные книги XVII в. (Ю.М. Смирнов, Муром), археологические памятники (Э.А. Савельева, Сыктывкар), документы Российской академии наук (М.Ю. Киселев, Москва), материалы сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. в Якутии (Т.Т. Курчатова, Якутск) и Коми края (В.В. Якоб, Сыктывкар). Интересный источниковедческий аспект представлен в статье «Кладбищенская документация как источник по истории нахождения иностранных военнопленных на Урале в 1942–1955 гг.». (В.П. Мотревич, Екатеринбург).

Динамика и специфика брачных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы рассматриваются исследователями Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону) и М.Ю. Таракановым (Нижний Тагил). Особенности формирования трудового потенциала в различных регионах во второй половине XX в. представлены в статьях Л.И. Вавулинской (Петрозаводск) и А.П. Обедкова (Сыктывкар). Также рассмотрены такие специфические вопросы как влияние климата на этнодемографическую ситуацию и точность метрического учета детской смертности на основании сводных метрических сведений церквей в XVIII в.

Историческая демография. Научный журнал. Москва–Сыктывкар, 2014. № 2 (14).

В журнале напечатано 13 статей, авторы которых − исследователи из Москвы, Сыктывкара, Владивостока, Алматы (Казахстан), Полтавы (Украина). В публикациях рассмотрены разнообразные проблемы демографического развития стран и регионов, анализируются половозрастная и брачная структура населения в XVIII в. (Е.А. Бороденко, Ю.В. Ночовный, Полтава, Украина). Исследователи представили анализ по основным тенденциям воспроизводства населения в послевоенные годы (В.Б. Лапердин, Новосибирск), заселению закрытых городов (В.Н. Кузнецов, Екатеринбург). Н.З. Такижбаева (Алматы, Казахстан) в статье «Подходы к изучению Центральной Азии на постсоветском пространстве» анализирует дискуссию вокруг термина «Центральная Азия» и отмечает, что в основе выделения региона лежит принцип целесообразной целостности, определяемый группой регионообразующих факторов. Различают, с одной стороны, внутреннюю целостность региона – формирование его хозяйственного комплекса, проведение единой политики, создание единых органов власти и управления и т.п., и внешнюю целостность – его обособленность по отношению к другим таким же регионам, к целой территории, к другим территориям и их составным частям. Географические границы региона, как правило, непостоянны и носят сугубо подчиненный характер. При этом географический фактор не является единственным.

Совершенно новый подход к изучению населения в статье «Генетическое разнообразие и эволюционная история населения Севера европейской части России» представляет А.В. Хрунин (Москва), предметом исследования которого являются изменения (вариации) в генофондах популяций (совокупность генов (геномов), составляющих ее индивидов. Автор отмечает, что становление любой общности, будь то отдельная популяция (группа) или целый этнос, определяется совокупностью различных факторов. С одной стороны – это этническая история и эволюционные траектории всех этнических компонентов, вошедших в состав конкретной современной этнической общности. С другой – влияние естественного отбора, осуществляющего адаптацию вошедших в состав общности индивидов к конкретным условиям среды обитания.

И.Л. Жеребцов, Н.М. Игнатова

Научный форум историков*

31 марта − 4 апреля 2015 г. в Сыктывкаре состоялся I съезд историков Республики Коми «История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях». Его организовали и провели Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Северная секция Научного совета по исторической демографии и исторической географии РАН, Общество изучения Коми края при поддержке Главы Республики Коми и Государственного Совета Республики Коми. Проведение съезда было приурочено к Году патриотизма в Республике Коми и 45-летию ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Институт языка, литературы и истории был организован 1 апреля 1970 г. на базе трех гуманитарных отделов Коми филиала АН СССР, но его истоки восходят к появлению в 1922 г. Общества изучения Коми края, по инициативе которого и благодаря активной поддержке Президента АН СССР А.П. Карпинского в 1934 г. в Сыктывкаре был создан Коми научно-исследовательский институт, ставший в 1944 г. подразделением Коми базы (будущего Коми филиала) АН СССР.

С созданием ИЯЛИ открылся новый этап в развитии гуманитарной науки на Европейском Северо-Востоке России, в котором институт сыграл определяющую роль. В 1970–1985 гг. ИЯЛИ возглавлял Н.Н. Рочев, в 1985–1996 гг. – А.Д. Напалков, в 1996–2010 гг. – А.Ф. Сметанин, с 2011 г. – И.Л. Жеребцов. За 45 лет существования ученые опубликовали по фундаментальным проблемам финно-угорского языкознания, этнографии, фольклористики, истории, археологии и литературоведения около 600 монографий, сборников научных статей, брошюр, учебных пособий, более половины из них – за последние 15 лет. Среди изданий такие крупные труды, как энциклопедии «Мифология коми» и «Коми язык», русско-коми и коми-русский словари, словарь диалектов коми языка, «История Коми», «Археология Республики Коми», «История коми литературы», «Атлас Республики Коми», «Связь времен», журнал «Историческая демография», серийные издания «Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН», «Материалы по археологии Европейского Северо-Востока», «Повседневная жизнь российской провинции» и др. Значительно возросла практическая направленность исследований: подготовлены учебные пособия, научно-популярная литература.

Признанием значительного вклада в проведение фундаментальных и прикладных исследований, пропаганду научных знаний, развитие культуры и образования республики стало присвоение ученым ИЯЛИ почетных званий. Трое ученых стали заслуженными деятелями науки России, 19 – заслуженными работниками Коми республики, 38 – лауреатами Государственной премии и Премии Правительства республики, многие награждены почетными грамотами и благодарственными письмами Министерства образования и науки Российской Федерации, Президиума РАН, Уральского отделения РАН, Главы Республики Коми, Государственного Совета РК, республиканских министерств, муниципальных образований и др.

Сегодня Институт – один из крупнейших в России и Европе центров финно-угроведения и гуманитарного североведения, разрабатывающий широкий спектр гуманитарных научных проблем, касающихся истории и культуры финно-угорских и самодийских народов, русского старожильческого населения Европейского Севера, Урала и Зауралья с древнейших времен до современности. В Институте более 100 работников, в том числе 20 докторов и 44 кандидата наук. В структуре института – три научных отдела: отдел археологии (в составе которого – Музей археологии Европейского Северо-Востока), отдел языка, литературы и фольклора (в его составе – сектор языка, сектор литературоведения, сектор фольклора и Фольклорный фонд, являющийся богатейшим собранием фольклорных, этнографических и лингвистических материалов, полученных в ходе многочисленных экспедиционных исследований), отдел истории и этнографии (в его составе – сектор этнографии, сектор отечественной истории, сектор историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера, лаборатория археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России). Большую роль в оперативном введении результатов исследований в научный оборот играет редакционно-издательский отдел института.

Институт с уверенностью отвечает на вызовы времени. Работы ИЯЛИ имеют принципиально важное значение для формирования новых мировоззренческих подходов на базе традиционной культуры, обеспечивая для общества возможность адаптации к изменяющимся обстоятельствам. Особенностью работы коллектива является стремление к реализации своих изысканий на практике. Эта традиция прочно сложилась в совместную с властными структурами работу по решению актуальнейших задач развития Республики Коми, северных сообществ. Ученые ИЯЛИ ведут большую работу по координации гуманитарных исследований, выступают в роли экспертов, возглавляют или участвуют в работе различных научных, культурно-просветительских и краеведческих организаций, входят в состав ученых и диссертационных советов. Ин-

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

ститут пользуется заслуженным авторитетом в научных кругах России, финно-угорских стран и других государств Баренц-Арктического региона.

В рамках съезда прошло 17 различных мероприятий (заседания всероссийской конференции, симпозиумов круглых столов и секций), в числе которых − **Всероссийский симпозиум с международным участием «Историческая демография и современные демографические процессы».** Его работой руководили директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. И.Л. Жеребцов и заведующий лабораторией Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН д.э.н. В.В. Фаузер.

В программу симпозиума были включены устные и постер-доклады исследователей из Белоруссии (Минск) и России (Новосибирск, Ростов-на-Дону, Ижевск, Муром, Сыктывкар): «Исторический опыт изучения народонаселения арктических и субарктических территорий Европейской России и его значение для выработки концептуальных подходов к проблемам демографического развития Севера» (д.и.н. И.Л. Жеребцов, д.э.н. В.В. Фаузер), «Демографическое пространство России в процессе ретроспективного развития» (д.и.н. В.А. Исупов), «О некоторых аспектах историко-демографических исследований в Республике Беларусь (к постановке проблемы)» (д.и.н. В.И. Меньковский), «Этнодемографические процессы на юге России в современных отечественных исследованиях» (д.и.н. Е.Ф. Кринко), «Финно-угорские народы и Первая мировая война: этничность − демография – политика» (д.и.н. А.Е. Загребин), «Историческая демография Муромской земли: обзор некоторых источников» (Ю.М. Смирнов), «Города Европейского Севера Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.: социально-демографический анализ» (к.и.н. Д.И. Пинаевский), «К вопросу о выявлении новых источников об этнодемографическом развитии финно-угорских народов Европейской России» (д.и.н. А.Е. Загребин, д.и.н. И.Л. Жеребцов), «Отношение молодежи к институту семьи и брака (по данным социологических опросов студенчества Республики Коми)» (Г.Г. Фаузер, И.А. Матлах), «Историко-демографические форумы в Республике Коми (2005−2014 гг.), поставленные проблемы и важнейшие результаты их обсуждения» (д.и.н. В.И. Меньковский, д.и.н. И.Л. Жеребцов), «Вклад российских регионов и стран СНГ в демографический и трудовой потенциалы Севера России» (д.э.н. В.В. Фаузер), «Отражение основных тенденций этнодемографических и историко-географических исследований на страницах журнала «Историческая демография» (обзор публикаций 2008−2014 гг.)» (д.и.н. И.Л. Жеребцов, к.и.н. Н.М. Игнатова).

Е.Н. Рожкин

Историко-демографическим научным форумам в Сыктывкаре – 10 лет*

С 2005 г. на протяжении уже десяти лет в ИЯЛИ проводятся всероссийские и международные научные форумы по исторической демографии.

В СССР Всесоюзные научные конференции, посвященные проблемам исторической демографии, традиционно являлись важнейшими в стране научно-организационными мероприятиями, на которых ведущие ученые страны обсуждали проблемы демографического развития страны, ее отдельных народов и регионов в различные исторические периоды. Координатором организации таких конференций выступали Научный совет Академии наук СССР по исторической демографии и исторической географии и Институт истории СССР АН СССР (Москва). Проводились они один раз в три-четыре года в Москве или в крупных региональных центрах, где развитие историко-демографических исследований достигло высокого уровня. VI Всесоюзная конференция состоялась в 1988 г. в Таллине, а последняя, VII – в 1992 г. в Екатеринбурге, уже после распада СССР. Затем в течение более чем десятилетия подобные крупные научные форумы не проводились.

Республика Коми к началу XXI в. стала одним из признанных в России и в финно-угорских странах центров, где при поддержке руководства республики активно и целенаправленно развивались исследования по исторической и этнической демографии. В 1990-х гг. в Сыктывкаре Институт языка, литературы и истории и Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН при поддержке Министерства по делам национальностей и Министерства культуры и национальной политики Республики Коми организовали несколько республиканских и региональных конференций, на которых обсуждались проблемы исторической и этнической демографии и исторической географии («Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России», 1992; «Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского Севера Российской Федерации (история и современность)», 1994, и др.).

Но Всероссийская конференция именно по этой проблематике ни в Коми, ни в каком-либо ином регионе России не проводилась ни разу, хотя о необходимости возобновления регулярных научных форумов по исторической демографии ведущие историки-демографы России говорили с рубежа 1990–2000-х гг. Идею об организации Всероссийской конференции по исторической демографии в Сыктывкаре впервые выдвинул известный историк-демограф д.и.н. Г.Е. Корнилов (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург), обсуждавший ее с директором ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН к.и.н. А.Ф. Сметаниным и заместителем директора ИЯЛИ д.и.н. И.Л. Жеребцовым, поддержавшими это предложение.

Подготовка к проведению в Сыктывкаре Первой Всероссийской конференции по исторической демографии началась в 2004 г. Идею проведения в Сыктывкаре этой престижной конференции подержали Научный совет Российской академии наук по исторической демографии и исторической географии (и, в частности, его председатель академик Ю.А. Поляков и ученый секретарь д.и.н. В.Б. Жиромская), Институт российской истории РАН (директор чл.-корр. РАН А.Н. Сахаров), Институт истории и археологии РАН (директор академик В.В. Алексеев), ведущие специалисты страны в области исторической демографии, Министерство культуры и национальной политики Республики Коми (и, в первую очередь, департамент национальной политики, которым руководил к.э.н. Е.Н. Рожкин). Организационный комитет конференции возглавили А.Ф. Сметанин (председатель), И.Л. Жеребцов, В.Б. Жиромская и Г.Е. Корнилов (заместители председателя). Основную часть текущей научной и организационной работы провели ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН и департамент национальной политики РК.

I Всероссийская конференция по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)» прошла в Сыктывкаре 28–30 сентября 2005 г. Принять участие в конференции изъявили желание не только историки, но и экономисты-демографы, археологи, этнографы, языковеды, фольклористы, а также главы ряда муниципальных образований Республики Коми, специалисты-практики. На конференцию поступило более 100 заявок из различных регионов. В Сыктывкаре собрались ученые со всей России – от Владивостока до Санкт-Петербурга, от Краснодара до Архангельска, из Москвы, Екатеринбурга, Омска и других городов России, из Казахстана, и это, несомненно, свидетельствовало, что ученые «изголодались» по обсуждению вопросов исторической демографии, накопили много нового интереснейшего материала, представляющего большую ценность для отечественной и мировой науки. То, что столь крупный и авторитетный Всероссийский научный форум по исторической демографии собирался именно в Коми – признание высокого уровня развития исторической демографии в республике, свидетельство того, что Сыктывкар стал одним из ведущих центров историко-демографических исследований в России.

* Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

К открытию конференции были изданы обстоятельная (22 п.л.) монография И.Л. Жеребцова и Е.Н. Рожкина «Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века)», статистический сборник «Этнодемографические процессы на Севере Евразии» с материалами Всероссийской переписи 2002 г., три объемистых сборника научных трудов, отдельными брошюрами изданы семь пленарных докладов. Работа конференции проходила по двум секциям: «Историко-демографическое развитие в XI – начале XX в. и методология его изучения» и «Этнодемографические процессы в XX в. и современная демографическая ситуация». Состоявшийся обмен мнениями стал важным этапом в развитии историко-демографических исследований в России.

Участники конференции приняли ряд важных решений, в частности:

– было единодушно отмечено, что Всероссийская конференция по исторической демографии в Сыктывкаре показала необходимость регулярных форумов, на которых исследователи из разных регионов России при участии зарубежных коллег имели бы возможность обмениваться информацией о достижениях в этой области исторической науки, о требующих разрешения проблемах, стоящих перед учеными, и о новых подходах к их решению; участники конференции сочли целесообразным регулярное, один раз в два-три года, проведение Всероссийских конференции по исторической демографии;

– участники конференции одобрили работу по организации и проведению конференции, проведенную организаторами, отметили плодотворность и перспективность обмена мнениями, имевшего место на конференции в Сыктывкаре, и предложили следующую Всероссийскую конференцию по исторической демографии также провести в Сыктывкаре в 2007 г.;

– для обсуждения проблем и перспектив историко-демографических исследований, выработки примерной тематики очередной конференции участники сочли целесообразным организовать в мае–июне 2006 г. в Сыктывкаре Всероссийский симпозиум или рабочее совещание;

– участники конференции предложили организовать в Сыктывкаре регулярное (не менее двух раз в год) издание межрегиональных сборников научных статей по исторической демографии с перспективой организации на базе этого сборника всероссийского журнала «Историческая демография» и создать межрегиональную редколлегию сборника;

– учитывая активное развитие историко-демографических исследований в Республике Коми, участники конференции сочли возможным обратиться к Научному совету РАН по исторической демографии и исторической географии с просьбой рассмотреть вопрос о включении в состав Научного совета сыктывкарских ученых и об организации в Сыктывкаре филиала (секции) Научного совета.

В последующее время все эти решения были воплощены в жизнь. И.Л. Жеребцов был включен в состав Бюро Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, была организована Северная секция Научного совета (председатель И.Л. Жеребцов, ученый секретарь Н.М. Игнатова). В 2005–2008 гг. в ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН издавались серии сборников «Этнодемографические процессы на Севере Евразии» и «Историческая демография», на базе которых в 2008 г. был организован научный журнал «Историческая демография» с периодичностью два номера в год. Это единственный в России и на постсоветском пространстве специализированный научный журнал, посвященный историко-демографическим исследованиям.

15–16 июня 2006 г. в Сыктывкаре прошел 1-й Всероссийский симпозиум по исторической демографии, затем состоялось еще шесть всероссийских симпозиумов (с международным участием) по исторической демографии (23–24 июля 2009 г., 1–2 июля 2010 г., 6–8 июня 2012 г., 27–30 июня 2013 г., 7−12 июля 2014 г., 21–25 ноября 2015 г.).

28–30 августа 2007 г. в Сыктывкаре прошла II Всероссийская научная конференция по исторической демографии «Этнодемографические процессы в странах и регионах Евразии: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития».

Важным этапом в развитии для демографических форумов стала I Международная научная конференция по исторической демографии и исторической географии «Территория и население стран и континентов в исторической ретроспективе», состоявшаяся в Сыктывкаре 11–14 мая 2011 г.

Научные мероприятия проводятся Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН при поддержке Министерства национальной политики Республики Коми, Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, Института российской истории РАН, Институт истории Сибирского отделения РАН, Института истории и археологии УрО РАН и Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

В конференциях и симпозиумах очно и заочно (с постер-докладами) участвовали ученые из Баку (Азербайджан), Минска и Гродно (Белоруссия), Эдинбурга (Великобритания), Астаны и Алматы (Казахстан), Оша (Кыргизстан), Ашхабада (Туркменистан), Киева, Полтавы, Сум, Краматорска, Одессы (Украина), Фрайбурга

(Швейцария), Банской Быстрицы (Словакия), Душанбе (Таджикистан), Лейпцига (Германия), из Архангельска, Астрахани, Апатитов, Биробиджана, Владивостока, Вологды, Екате-ринбурга, Златоуста, Ижевска, Казани, Кирова, Коряжмы, Костромы, Краснодара, Красноярска, Москвы, Мурома, Нижнего Тагила, Новосибирска, Омска, Перми, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Сургута, Сыктывкара, Тулы, Тюмени, Ульяновска, Ухты, Челябинска, Якутска.

Основной темой симпозиумов традиционно являются проблемы источниковедения и историографии историко-демографических исследований, анализ источников по историко-демографическим и этнодемографическим процессам в различные исторические периоды, их типологизация и методика анализа, доступность и достоверность источников, возможности их публикации, современное состояние историко-демографических исследований и перспективы их развития.

На форумах исследователями активно обсуждаются демографические процессы в России в различные исторические периоды, общее и особенное в историко-демографическом и историко-географическом и этнодемографического развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; история и современное состояние историко-демографических и историко-географических исследований. Наибольшие дискуссии вызывают вопросы, связанные с расселением и миграциями населения, рождаемостью, смертностью, старением, занятостью и трудоспособностью населения, динамикой и спецификой брачных отношений, структурой семьи, государственной демографической политикой. Исследователями также рассматриваются вопросы исторической географии, такие как формирования границ, методов и источников исследования территорий.

И.Л. Жеребцов, Н.М. Игнатова

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» ЗА 2014 ГОД

2014, № 1 (13)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Королев К.С. (Сыктывкар). Предки коми в Зауралье (по археологическим данным). С. 4–6.

Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Переход от климатического оптимума к малому ледниковому периоду и этнодемографическая ситуация у финно-угров Европейского Северо-Востока. С. 7–13.

Сердюк И.А. (Полтава, Украина). Детская смертность и точность метрического учета населения Гетманщины во второй половине XVIII в. С. 14–18.

Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Эмиграция русских старообрядцев в Маньчжурию и Америку. С. 19–25.

Кринко Е.Ф. (Ростов-на-Дону). Динамика брачных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 26–30.

Тараканов М.Ю. (Нижний Тагил). Брачность и разводимость в г. Нижний Тагил в послевоенные годы (1946–1959 гг.). С. 31–34.

Вавулинская Л.И. (Петрозаводск). Организованный набор рабочих в лесную промышленность Карелии во второй половине 1940-х –1960-е гг. С. 35–38.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Хлынина Т.П. (Ростов-на-Дону). «Черкесский вопрос» и Всероссийская перепись населения 2010 г. С. 39–42.

Обедков А.П. (Сыктывкар). Особенности и проблемы формирования демографического и трудового потенциалов северных регионов России в постсоветский период. С. 43–49.

Нарватова А.Ю. (Вологда). Демографическая обусловленность изменений уровня преступности несовершеннолетних в России в 1990–2000 гг. С. 50–54.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Савельева Э.А. (Сыктывкар). Историко-культурное место нижневычегодских памятников эпохи средневековья. С. 55–62.

Смирнов Ю.М. (Муром). Писцовые и строельные книги как источник по исторической демографии Мурома XVII века: к постановке проблемы. С. 63–65.

Курчатова Т.Т. (Якутск) Материалы сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. в Якутской губернии как исторический источник. С. 66–69.

Якоб В.В. (Сыктывкар). Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. как источник по истории этнического состава населения Коми края. С. 70–73.

Мотревич В.П. (Екатеринбург) Кладбищенская документация как источник по истории нахождения иностранных военнопленных на Урале в 1942–1955 гг. С. 74–77.

Киселев М.Ю. (Москва). Источниковедческие аспекты демографических исследований в фондах Архива РАН. С. 78–80.

Воробьев В.А. (Архангельск). Региональные законы роста населения. С. 81–82.

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» ЗА 2013 ГОД. С. 83–85.

2014, № 2 (14)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Бороденко Е.А. (Полтава, Украина). Повторное замужество овдовевших женщин Левобережной Украины (на материалах метрических книг XVIII века). С. 4–8.

Ночовный Ю.В. (Полтава, Украина). Половозрастная и брачная структура населения городка Пирятин Лубенского полка во второй половине XVIII века (по материалам исповедных росписей 1758 года). С. 9–14.

Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Национально-возрастная характеристика учащихся спецпоселковых школ в Коми автономной области в 1930-е гг. С. 15–19.

Безносова Н.П. (Сыктывкар). Воспроизводство населения Коми АССР в 1960–1970-е годы. С. 20–39.

Лапердин В.Б. (Новосибирск). Основные тенденции воспроизводства населения Западной Сибири в послевоенные годы. С. 40−42.
Кузнецов В.Н. (Екатеринбург). Процесс строительства закрытых городов на Урале и их заселение жителями. С. 43−46.
Слабнина Л.А. (Владивосток). Из истории создания системы льгот для дальневосточников. С. 47−51.
Милохин Д.В. (Сыктывкар). Население нетрудоспособного возраста в колхозах Коми АССР в 1940−1950-е гг. С. 52−55.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Канева Л.Я. (Сыктывкар). Современное состояние этнодемографических процессов у коми-ижемцев. С. 56−59.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Интервью как источник по миграционным процессам с азиатского на американский континент у русских старообрядцев. С. 60−64.
Такижбаева Н.З. (Алматы, Казахстан). Подходы к изучению Центральной Азии на постсоветском пространстве. С. 65−67.
Хрунин А.В. (Москва). Генетическое разнообразие и эволюционная история населения Севера европейской части России. С. 68−73.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Жеребцов И.Л., Безносова Н.П. (Сыктывкар). Формирование северной границы Коми автономии. С. 74−83.

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Исупов В.А. (Новосибирск), **Жеребцов И.Л.** (Сыктывкар). VI Всероссийский симпозиум по исторической демографии.
С. 84−85.
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография». С. 86−87.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ
журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1−0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. В разделе «Научное наследие» планируется публиковать не издававшиеся ранее труды ушедших из жизни ученых.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе *Microsoft Word*. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: Ivanov.doc. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – *Times New Roman*; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный.

Вставка символов – **Symbol**. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более семи слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5.

Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)».

Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «*Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.*».

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, курсивом, например: «*Рис. 2. Источники роста населения Северного края.*».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п. даются в постраничных сносках под «звездочкой» (*).

8. Если есть сокращения, прилагают список с расшифровкой, например:

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

9. В конце статьи указывается фамилия, имя, отечество автора (авторов) полностью, город (населенный пункт), ученая степень, должность, место работы (без сокращений), служебный адрес, адрес электронной почты, например: Иванов Иван Иванович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнографии Сыктывкарского государственного университета, 167982, г. Сыктывкар, Ленинский проспект, 222, ivanov@mail.ru; Петров Петр Петрович (Новосибирск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора демографии Института истории Сибирского отделения РАН, 000000, г. Новосибирск, ул. Академическая, 333, ppp21@bk.ru.

Образец оформления:
УДК

И.И.Иванов

Демография

Проблемы демографии…..

Ключевые слова: демография, численность населения, миграции…

I.I.Ivanov

Demography

Problems…

Key words: demography, …

Ааааааааааа бббббббббббббб ввввввввввв гггггггггггггггг [1]. Дддддддддд ееееееееее жжжжжжжжжж [2].

Источники и литература

1. *Иванов И.И., Петрова И.Н.* Демографическая политика // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 15–16.

2. *Сидоров В.В.* Демография. М.: Дело, 2006. С.75. (или: 557 с.).

3. О милиции: федеральный закон от 15.12.2005 № 152-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. Ст. 575.

4. *Волков П.* О войне // Красное знамя. 1990. 16 авг.

5. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

6. *Фенухин В.И.* Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2002. С. 14.

7. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (далее – ПМДЭЭ РГУ). Информатор И.Р. Пшеничнова, 1926 г.р., записана в станице Елизаветинской Азовского района Ростовской области в июле 2003 г.

8. *Кремлева С.О.* Сетевые сообщества. URL: http:// www.library.by/portalus/modules/psychology (дата обращения: 11.11.2005).

Редколлегия оставляет за собой право отклонять материалы, не соответствующие указанной тематике или предъявляемым требованиям к оформлению.

ISSN 2304-5922

9 772304 592116 >

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Технический редактор Н.К. Забоева
Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Подписано в печать 22.06.2015.
Уч.-изд. л. 9.0. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 300 экз. Заказ № 74.

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.